П586
554776

554776

Н. Н. ПОППЕ

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

[illegible]

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1933

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР И ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ БМАССР · ЛЕНИНГРАД

П 586

Б-КА СССР
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Гос. Института языка, литературы и истории
Инв. № 23453 Шифр 4.П.57.

Н. Н. ПОППЕ

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1946

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Республиканская библиотека
им. М. Горького
Бур.АССР г. Улан-Удэ
554776 РК

1935

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР И ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ БМАССР · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Май 1933 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор Г. А. Стратановский. — Ученый корректор И. А. Щерба

Сдано в набор в марте 1933 г.— Подписано к печати 31 мая 1933 г.

119 стр.

Формат бум. 72 × 110 см. — 7½ печ. л. — 40 128 зн. в п. л. — Тираж 750

Ленгорлит № 1027. — АНИ № 196. — Заказ № 591

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
Глава I. Бурятский язык и его наречия	9
Глава II. Языки монгольских народностей	20
Глава III. Взаимное отношение бурятских наречий и говоров и их отношение к другим языкам монгольской группы	29
Глава IV. История изучения бурятского языка	40
Глава V. Прошлое бурятского языка	63
Глава VI. Происхождение бурятского языка и его связи с другими языками	67
Глава VII. Старая бурятская письменность	74
Глава VIII. Латинизация бурятской письменности	93
Глава IX. Перспективы образования единого бурятского языка	104
Глава X. Ближайшие задачи в области исследования бурятского языка	109
Глава XI. Вопросы транскрипции	112

Б.-М. А. С. С. Р.
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Фил. Института языка, литературы и истории
Инв. № Шифр

ZӨBLӨLIIN ZASAGTA NIIGEM ƵURAMTA AVTONOOMITO BURIAAD-MONGOL ULASIIN ARBAN ƵILIIN OIN ӨDӨRTӨ ZORIUULAN GARGABA

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ко дню десятилетия Бурят-Монгольской АССР мы можем к длинному списку ее достижений в области хозяйственного и культурного строительства прибавить крепко ставшее на ноги бурят-монгольское языкознание. Бурят-монгольское языкознание является еще совершенно юным: хотя до Октябрьской революции и было кое-что сделано в этой области, оно окрепло и сложилось в самостоятельную научную дисциплину лишь за последние десять лет. Отмечая десятилетие Бурят-Монгольской АССР, мы как бы празднуем также десятилетие этой юной отрасли монголоведения.

Язык, еще в недавнем прошлом мало изученный, теперь может считаться одним из наиболее исследованных языков группы монгольских языков, а успешное развитие новой письменности, создаваемой на основе научного изучения бурят-монгольского языка, доказывает, что бурят-монгольское языкознание сумело включиться в социалистическое строительство и стать орудием культурной революции.

Бурят-монгольское языкознание представляет собою теперь настолько разработанную область и создало уже столь богатую литературу, что насущнейшей задачей является подведение итогов достигнутому и намечение основных задач, ждущих своего разрешения впредь. Настоящая книга ставит поэтому своей целью частичное выполнение этой задачи, будучи призванной быть своего рода введением в бурят-монгольское языкознание и вводной частью грамматики бурят-монгольского языка, которую мы надеемся выпустить в свет в непродолжительном времени.

При составлении настоящего очерка автор пользовался указываемой дальше литературой и неопубликованными материалами лингвистических экспедиций, которыми он руководил в течение ряда последних лет.

В заключение автор считает приятным долгом выразить А. Х. Хашимову свою признательность за ряд сведений, касающихся главным образом общих вопросов языкового строительства в национальных республиках.

ГЛАВА I

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО НАРЕЧИЯ

Бурятский язык распространен на весьма обширной территории, границы которой далеко не совпадают с площадью Бурят-Монгольской АССР, ибо отдельные группы бурятского населения встречаются также далеко за пределами Бурят-Монгольской АССР, как внутри СССР, так и вне его.

Наиболее западной областью распространения бурятского языка является территория в 40—90 км к югу от г. Нижнеудинска, где буряты в количестве около 350 человек сохранились в трех улусах, входящих в состав Солонецкого сельского общества. Буряты эти представляют собою не только наиболее западную, но также наиболее изолированную группу, отделенную от прочих бурят пространством свыше 150 км по прямой линии. На восток от указанного района г. Нижнеудинска буряты встречаются уже только в пределах Бурят-Монгольской АССР, составляя основную массу ее населения (около 220 000 чел.) и отсюда они тянутся на восток уже почти сплошной и почти всюду компактной массой. Ближайшими соседями нижнеудинских бурят являются буряты Тункинского аймака и также отделенного от остальной Бурятии узкой полосой с русским населением Аларского аймака. Подобно тому, как наиболее западная группа бурят отделена от остальных, приблизительно, сто пятидесятикилометровой полосой с небурятским населением, точно также и наиболее восточная группа бурят, населяющая Агинский аймак Бурят-Монгольской АССР, представляет собою как бы остров, отделенный от остальной части бурятского населения республики территорией с преимущественно русским населением. Наиболее восточные буряты — это буряты Агинского аймака. Границы аймака не совпадают совсем точно с этнографическими границами, и таким образом отдельные группы бурят можно встретить на крайнем востоке уже почти на самой границе с Баргой, часть населения которой тоже буряты. Таким образом, наиболее восточные буряты населяют уже территорию, лежащую за пределами СССР и входящую в состав Барги.

Если взять самые крайние пункты, населенные бурятами на северо-западе и на юго-востоке, можно установить, что они отстоят друг от друга приблизительно на 1200 км. Северная граница распространения бурятской народности лежит несколько южнее северной границы Бурят-Монгольской республики. На юге территория распространения бурятской народности граничит с Монгольской народной республикой. И здесь, если провести мысленно черту от северной оконечности оз. Байкала до пограничного пункта Кяхты на монгольской границе, получим расстояние приблизительно в 700 км.

Площадь Бурят-Монгольской АССР равняется 385 000 км², но, как уже сказано, отдельные группы бурят встречаются и за пределами республики, образуя своего рода островки среди иноплеменного населения соответствующих местностей. Этнографические границы, таким образом, не совсем совпадают с политическими и административными. Северная этнографическая граница бурят тянется приблизительно по линии Нерчинск — устье Конды — верховья реки Баргузина — устье Илги — Братский Острог. На юге буряты граничат с тувинцами и монголами-халхасами. Западная граница этнографической Бурятии проходит приблизительно по реке Оке, а восточная — по р. Онону.

Из бурят, населяющих области, не входящие в состав Бурят-Монгольской АССР, кроме уже упомянутых выше нижнеудинских бурят, следует упомянуть бурят читинских, населяющих ряд пунктов недавно ликвидированного Читинского округа. Особо следует упомянуть бурят Монгольской народной республики, в состав которой входят несколько хошунов с почти сплошь бурятским населением. Наконец, в Барге мы встречаем уже особое племя — баргу-бурят.

Распространенные на столь обширной территории буряты, общая численность которых, включая также зарубежных бурят (в Монгольской народной республике, баргу-бурят и др.), доходит до 350 000 человек, населяют области с весьма редким населением. Так, например, средняя плотность населения Бурят-Монгольской АССР вообще составляет всего 1.3 на 1 кв. км.

Закончив рассмотрение территории распространения бурятского языка, переходим теперь к его наречиям и говорам.

Бурятский язык распадается на четыре наречия: западное, восточное, селенгинское и баргу-бурятское. Западное наречие, некоторыми исследователями называемое северным, распространено на запад от линии озера Байкала, т. е. в западных аймаках Бурят-Монгольской АССР (Аларском, Тункинском, Боханском и Эхрит-Булгатском), а за пределами его в районе

г. Нижнеудинска среди упомянутых выше тамошних бурят. Говорящих на западном наречии всего 75 000 человек. Восточное наречие распространено на востоке от оз. Байкала, т. е. в Мухур-Шибирском, Верхнеудинском, Хоринском, Еравинском, Баргузинском и Агинском аймаках, а также в северной части Селенгинского аймака, причем говорящих на нем свыше 100 000 человек. Под Селенгинским наречием здесь понимается наречие, стоящее между бурятским языком и халха-монгольским. Оно распространено в значительной части Селенгинского аймака, в Закаменском и Кяхтинском аймаках, где на нем говорит всего около 40 000 человек. Наконец, баргу-бурятское наречие распространено уже за пределами СССР, в Барге; количество говорящих на нем пока не может быть определено. Из этих наречий селенгинское и восточное отличаются друг от друга лишь внешними формальными признаками (фонетика и морфология), в остальном ничем специфическим не отличаясь друг от друга.

По поводу даваемого здесь деления бурятского языка на четыре наречия следует заметить, что язык бурят Бурят-Монгольской АССР обычно делят только на два, а не на три наречия, т. е. на западное и восточное. Так, например, автор одной из наиболее старых грамматик Орлов, давая в предисловии к своей работе классификацию бурятских наречий, упоминает лишь два наречия, а именно — селенгинское и балаганское. Под первым он понимает язык селенгинских и отчасти иркутских бурят, а под вторым язык хоринских, баргузинских и кударинских — по ту сторону Байкала, и тункинских, аларских, идинских, кудинских, ленских, верхоленских и ольхонских бурят — по эту сторону Байкала (Грамматика, стр. VI — VII). О двух группах бурятских говоров или, что то же, о двух наречиях говорит и Руднев, находящий в бурятском языке две основные группы говоров: к первой, южной или забайкальской, он причисляет говоры бурят хоринских, агинских, баргу-бурят, дагуров, кударинских, селенгинских и цонгольских; ко второй, т. е. к северной или до-байкальской, он причисляет говоры бурят баргузинских, нижнеудинских, аларских, балаганских, тункинских, эхрит-булгатов, кудинских, капсальских, унгинских и идинских (Хори-Бурятский говор, вып. III, стр. 124).

Нужно, впрочем, заметить, что сам Руднев, повидимому, был очень неуверен в своей классификации бурятских говоров, ибо в своих более старых работах он говорит не о двух, а о трех группах. Так, например, в своей диссертации, вышедшей в свет в 1911 г., он баргу-бурятское наречие и язык дагуров выделяет в особую третью группу (Материалы, стр. XXXI). В своем «Опыте классификации монголов по наречиям», вышед-

шем в свет лишь за три года до названной только что работы, он точно так же делит бурят по языковым признакам на три группы (до-байкальскую, забайкальскую и баргу-бурятскую) с той лишь разницей, что здесь он дагуров считает лишь примыкающими к бурятам (Сравнительная фонетика, стр. V).

Две группы бурятских говоров устанавливает и автор самого последнего крупного труда по монгольскому языкознанию — Б. Я. Владимирцов, объединяющий селенгинское наречие и восточное, т. е. язык хоринских, агинских, баргузинских и кударинских бурят (Сравнительная грамматика, стр. 7—8).

Оставляя пока в стороне вопрос о правильности отнесения языка бурят той или иной местности к восточной или западной группе, необходимо прежде всего решить, сколько в конце концов таких групп можно установить, ибо прежние исследователи говорят лишь о двух группах говоров, или, что то же, о двух наречиях бурятского языка, в то время как выше уже было предложено деление языка на четыре наречия.

Если говорами называть такие коллективные языковые системы, которые обладают наиболее определенной и постоянной характеристикой и принадлежат сравнительно небольшим и тесно спаянным коллективам, являясь в силу незначительности их характерных черт не только вполне понятными носителям других говоров, но обычно даже, как это наблюдается в монголоведной практике, отличаются друг от друга чертами, не всегда обращающими на себя внимание со стороны говорящих не на данном говоре, и если наречиями называть те группы, в которых отдельные говоры могут быть объединены по ряду общих для всех данных говоров признаков, причем в этом случае получаются такие языковые системы, различия которых не всегда способствуют полному взаимному пониманию говорящих на разных наречиях, то в бурятском языке можно установить именно четыре, а не два наречия. Действительно, по ряду общих друг для друга признаков бурятские говоры могут быть отнесены к четырем различным группам, причем говорящие на этих четырех наречиях не всегда понимают друг друга. Эти четыре наречия суть: западное (до-байкальское), восточное (забайкальское), селенгинское (южно-забайкальское) и баргу-бурятское. Наречия эти, как дальше будет видно, в различной степени отличаются друг от друга. Так напр., селенгинское и восточное особенно близки друг к другу и отличаются друг от друга лишь по фонетическим признакам (селенгинское — s-наречие, восточное — h-наречие), в морфологическом же и особенно в словарно-семантическом отношениях почти совершенно ничем не отли-

чаясь друг от друга. Западное наречие отличается в одинаково сильной степени и от селенгинского и от восточного. Баргу-бурятское наречие, распространенное уже за пределами СССР, представляет собою наречие переходное к языкам монголов Внутренней Монголии.

Являясь самостоятельным языком, входящим, как мы увидим дальше, в группу монгольских языков, бурятский язык (здесь умышленно избегается термин «бурят-монгольский» язык, так как в лингвистической литературе удобнее пользоваться простыми, не составными названиями языков, во избежание недоразумений: бурят-монгольский язык может быть в известных случаях понят, как смешанный бурятско-монгольский язык вроде того, как существует русско-китайский жаргон и т. п.) делится таким образом на четыре наречия. К терминологии заметим, что под самостоятельным языком мы понимаем язык отдельной народности, а также национальности, не являющийся наречием другого языка. Этот общий для народности язык, без которого, т. е. без языковой общности, немыслима народность, как и нация, как указал на это т. Сталин, давший классическое определение нации, не всегда является монолитным и совершенно однообразным на всем своем протяжении. Объединяя говорящих на нем, он, наряду с другими признаками противопоставляет данную народность другим. Внутри себя такой язык может делиться на наречия, т. е. на такие коллективные языковые системы, которые в различной степени отличаются друг от друга, приводя в известных случаях к частичному взаимному непониманию говорящих на разных наречиях. Наречия, в свою очередь, как указано выше, могут распадаться на говоры или, что то же, — диалекты.

Необходимо здесь же к разъяснению терминов «наречие» и «говор» добавить, что и наречие и говор, в свою очередь, обнаруживают внутри себя различия, обусловленные классовыми различиями внутри населения данной местности. И если выше данное определение наречия и говора, как чего-то характерного для социально-однородного населения определенной территории, совершенно верно и справедливо, то в действительности мы наблюдаем наречия и составляющие их говоры, приуроченные к определенным территориям, характеризующиеся еще различиями, не приуроченными никаким образом к данным территориям и обусловленные исключительно классовыми, а также профессиональными различиями (напр., язык ламства).

Что касается района распространения этих наречий, то западное наречие распространено на территории Тункинского, Аларского, Боханского и Эхрит-Булгатского аймаков и за пределами их, например в районе

г. Нижнеудинска. Некоторые исследователи относят к западному наречию также говор баргузинских бурят, но он лишь в отношении фонетических особенностей может быть причислен к западным, а по словарному своему запасу он относится к восточному. Восточное наречие распространено в Хоринском, Агинском, Мухур-Шибирском, Еравинском и Верхнеудинском аймаках. Селенгинское наречие распространено в Селенгинском, Кяхтинском и Закаменском аймаках Бурят-Монгольской АССР. Наконец, баргу-бурятское наречие распространено, как сказано, уже за пределами СССР, в Барге, в Хулун-Буирском округе. Каковы признаки, руководствуясь которыми, можно установить именно четыре наречия бурятского языка, будет сказано дальше в главе о взаимном отношении бурятских говоров, теперь же перейдем к рассмотрению отдельных говоров, входящих в состав этих четырех наречий.

Подобно тому, как спорным являлся вопрос о том, на сколько наречий распадается бурятский язык, точно так же спорным является и вопрос о том, сколько можно установить говоров.

Рассматривая говоры бурятского языка, можно заметить, что в литературе относительно их существует невозможная путаница. Прежде всего, здесь необходимо упомянуть, что, классифицируя бурят по языковым признакам, большинство исследователей сплошь да рядом руководствуются не лингвистическими признаками, а этнографическими или административными делениями области. Иногда это оговаривается, как делает, например, Руднев, указывающий, что его схема не является научной классификацией говоров, а только сокращениями названий, встречающихся в литературе, причем он тут же добавляет, что наряду с административными названиями он иногда номенцает и племенные (Хори-Бурятский говор, вып. 3, стр. 125). Обычно же эта оговорка не делается, как например, в названной уже книге Б. Я. Владимирцова, соответствующий отдел которой так и озаглавлен «Классификация монгольских наречий и говоров» (стр. 5 и сл.). Там мы, между прочим, находим следующий перечень бурятских говоров: к северной группе или до-байкальской относится говоры нижнеудинский, аларский, балаганский, тункинский, эхрит-булгатский, кудинский, капсальский, унгинский и идинский. К южной группе или забайкальской причисляются кударинский, селенгинский с подговором южно-селенгинским, цонгольский, баргузинский и хоринский с подговором агинским (стр. 7—8).

Относительно этой классификации следует заметить, что она страдает прежде всего невыдержанностью, так как она производится в одних случаях по лингвистическим признакам, а в других — по признакам администра-

тивного деления бурят. В самом деле, если взять за признаки классификации только лингвистические, а лингвистическая классификация должна строиться именно по лингвистическим признакам, а не по другим каким-нибудь, многие из упомянутых в классификации Б. Я. Владимирцова бурятских говоров придется исключить, так как они оказываются не особыми говорами, т. е. особыми лингвистическими единицами, а тем же говором, что говор каких-нибудь бурят, соседних с бурятами данной местности, отделяемых от прочих бурят лишь в административном отношении.

Таким образом, часто оказывается, что упоминаются два или три говора, в то время как на самом деле здесь наблюдается лишь один говор, распространенный среди бурят двух или трех различных прежних ведомств. Говоря о бурятах этих двух или трех ведомств, сплошь и рядом невольно начинают говорить о таком же количестве говоров соответствующих бурят, между тем как принадлежность населения к нескольким ведомствам или волостям и т. п. отнюдь не означает, что население говорит на говорах, численность которых пропорциональна количеству волостей или других административных единиц. Сказанное здесь прямо относится к классификации бурятских говоров Б. Я. Владимирцова. Так например, в его классификации различаются говоры балаганский и унгинский, между тем как унгинские буряты есть в то же время и балаганские, поскольку Унга находится как раз в прежнем Балаганском уезде. Неясны также взаимные отношения других упоминаемых здесь говоров и более чем вероятно, что некоторые говоры, как отдельные, отличные от других, вообще не существуют, например, кудинский, капсальский или идинский.

Возвращаясь еще раз к термину «балаганский говор», можно привести, в качестве примера чрезвычайной неопределенности употребления его, классификацию Орлова, называющего балаганским наречием «наречие всех остальных бурят», т. е. хоринских, баргузинских и кударинских, тункинских, аларских, идинских, кудинских, ленских, верхоленских и ольхонских (Грамматика, стр. VII).

Помимо этого можно указать, что подобного рода классификация не может считаться удовлетворительной по той причине, что в одних случаях отдельным говором признается язык населения такого-то ведомства, например, капсальский говор, а в других случаях язык определенного племени, как например, эхрит-булгатский говор, т. е. говор эхрит-булгатов, в прежнем подвластных различным ведомствам.

Нужно со всей категоричностью высказаться против деления языка на те или иные подразделения в соответствии с административным делением

территорий. В связи с этим следует заметить, что иногда на территории, представляющей собою в административном отношении отдельное целое, некую единицу, распространен не один, а два или несколько говоров: таков современный Аларский аймак, на территории которого распространены два говора — аларский в узком смысле слова и унгинский.

Наконец, не следует упускать из виду, что административные деления не постоянны. Вспомним историю с упразднением в 1887 г. Идинской степной думы, на месте которой образовались пять управ: Молькинская, Улейская, Бильчирская, Боханская и Укырская. Вспомним, что впоследствии в Балаганском уезде образовались двенадцать ведомств, в число которых вошли Аларское, Боханское, Куйтинское, Ныгдинское, Укырское, Унгинское и др. Из этих ведомств Аларское, Куйтинское и Ныгдинское характеризуются одним говором, тем, который условно можно назвать алареким в узком смысле слова. После образования Бурят-Монгольской республики на месте этих ведомств мы находим уже Аларский аймак, в который вошла территория Унгинского ведомства, где, как уже сказано, распространен другой говор, чем в остальных частях Аларского аймака или прежних ведомствах Аларском, Куйтинском и Ныгдинском.

После всего сказанного можно перейти к реально существующим говорам бурятского языка. Предварительно необходимо лишь исключить из списков бурятских говоров или наречий некоторые такие наречия, которые в действительности ничего общего не имеют с бурятским языком. Так например, Руднев в своем «Опыте классификации монголов по наречиям» относит, как уже сказано выше, к бурятам, и притом точнее к баргу-бурятам, дагуров, как примыкающих к ним. В своем труде «Хори-бурятский говор» (вып. 3, стр. 124) Руднев их относит к бурятам уже безоговорочно, и притом к группе южных бурят, т. е. забайкальских или восточных. По поводу этого нужно заметить, что дагуры не имеют с бурятами вообще ничего общего и говорят на языке совершенно ином, чем буряты, и, как теперь установлено, на одном из пережиточных монгольских языков, о которых можно судить еще по памятникам XIII — XIV ст.

Итак, какие же говоры бурятского языка существуют реально? Особым говором характеризуются, как уже сказано выше, нижнеудинские буряты, сохранившиеся в количестве 350 человек в улусах Кушум, Порог и Мунгэтэ-Булак. Особый говор распространен на территории Тункинского аймака Бурят-Монгольской АССР, причем возможно, что даже не один говор, а несколько. К сожалению, Тункинский аймак в лингвистическом отношении еще не обследован за исключением Окинского края, где лингви-

стические наблюдения велись. Что касается тамошнего говора, то он оказывается очень близким к аларскому говору. Под аларским говором следует понимать не говор всех бурят Аларского аймака, но лишь говор собственно аларских бурят, т. е. бурят, населяющих территорию к западу от железной дороги. Другими словами, аларским говором в узком смысле слова является говор тех бурят, которые раньше были подведомственны Аларской думе, а унгинские буряты говорят уже на другом говоре, который условно можно назвать унгинским. Совершенно особые говоры, отличные от всех названных пока, представляют собою говоры эхритов, населяющих в основном одноименный с ними аймак. Эхритский говор, распадается на несколько подговоров, из которых особенно бросается в глаза говор бурят, населяющих остров Ольхон и узкую прибрежную полосу на континенте (Кутульский и Еланцинский районы). Условно этот подговор можно назвать ольхонским. В южной части аймака распространен булгатский говор. На территории Боханского аймака распространены говоры, переходные от эхритского и булгатского к унгинскому и аларскому. Эти боханские говоры представляют собою целый ряд мелких говоров, еще не обследованных в достаточной мере.

Таковы основные говоры западно-бурятского наречия: 1. Нижнеудинский, 2. Тункинский (с подговорами, из которых пока известен лишь окинский), 3. Аларский. 4. Унгинский, 5. Боханский (вернее группа говоров), 6. Эхритский (с подговорами, из которых пока известны ольхонский и центральный в центре аймака), 7. Булгатский.

Никаких других говоров в составе западного наречия нет, и различные мелкие вариации, считаемые прежними исследователями особыми говорами, по существу являются лишь подговорами того или иного из названных говоров, устанавливаемыми к тому же исключительно по формальным признакам.

Переходим к восточному наречию. Главным говором его является хоринский говор, распространенный на территории Верхнеудинского, Хоринского, Мухур-Шибирского, Еравинского и Агинского аймаков, а также в пограничных с Верхнеудинским аймаком частях Селенгинского аймака. В Баргузинском аймаке наблюдается уже другой говор, который большинство авторов относят к западной группе. На деле, это переходный говор от хоринского к западному наречию и фонетическими чертами сближается с эхритским говором. Не исследован пока в лингвистическом отношении Кабанский аймак, в части которого говорят на говоре, близком по формальным признакам к эхритскому и очень приближающемся к баргузинскому.

им. М. Горького
554776

Этот говор распространен на стыке Баргузинского, Верхнеудинского и Кабанского аймаков у устья р. Селенги в Кударе и ему может быть присвоено название кударинского. Он является, повидимому, переходным от хоринского к баргузинскому, быть может, является подговором баргузинского.

Таким образом, в состав восточного наречия входят говоры: 1. Хоринский (с его подговорами, из которых пока исследованы лишь собственно хоринский, распространенный в Хоринском аймаке и агинский), 2. Баргузинский, 3. Кударинский.

Переходя теперь к селенгинскому наречию, следует заметить, что оно является переходным от бурятского языка к халхаскому. Распространено оно в большей части Селенгинского аймака, в Кяхтинском и, повидимому, также в Закаменском. Селенгинские буряты говорят на нескольких говорах, из которых можно упомянуть цонгольский и сартульский, как особо отчетливо различающиеся, из которых сартульский особенно близок к халхаскому языку.

Остается сказать несколько слов о баргу-бурятском наречии. Как уже сказано, оно распространено в Барге, в Хулун-Буирском округе. Знает ли оно деление на говоры, неизвестно. Наречие это, в общем, является переходным от восточно-бурятского к халхаскому, с одной стороны, и к группе южно-монгольских наречий, с другой.

Что касается говоров и наречий бурят, населяющих ряд хошунов Монгольской народной республики, то, являясь, в основном, выходцами из разных мест нынешних Агинского, Селенгинского и Кяхтинского аймаков, они говорят на соответствующих говорах, подвергшихся уже большому влиянию со стороны халхаского языка и утративших поэтому многие специфические бурятские черты. Кроме того, говоры тамошних бурят влияют друг на друга, на почве чего создаются разные смешанные говоры.

В заключение, подводя итоги, попробуем дать классификацию говоров отдельных наречий бурятского языка, сохраняя пока вошедшие в литературу наименования их.

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК

I. Западное наречие

1. Нижнеудинский говор
2. Тункинский говор; — а. Окинский подговор
3. Аларский говор
4. Унгинский говор
5. Боханский говор
6. Эхритский говор; — а. Центральный подговор; б. Ольхонский подговор
7. Бухатский говор

II. Восточное наречие

1. Хоринский говор;
   а. Кижингинский (собственно хоринский) подговор
   б. Агинский подговор
2. Баргузинский говор
3. Кударинский говор

III. Селенгинское наречие

1. Цонгольский говор
2. Сартульский говор

IV. Баргу-бурятское наречие

Высказываясь против классификации наречий и говоров по иным признакам, чем лингвистические, мы до опубликования детального сравнительно грамматического исследования бурятских говоров лишены возможности предложить иные наименования говоров, чем те, которые даны здесь и ограничиваемся лишь установлением действительного количества говоров, существование которых нам доподлинно известно. Кое-какие предложения мы, однако, уже теперь сделать можем, а именно называть говоры не по аймакам, но по селениям, находящимся в центре территории распространения отдельного говора. При таком принципе сохраняется наименование нижнеудинский говор, но аларский заменяется наименованием олзо-хигинский и т. д. Как дальше будет видно, данная выше классификация с сохранением прежних наименований, выдерживает критику в том отношении, что каждый из перечисленных в ней говоров действительно является самостоятельным говором, отличаясь от других своими специфическими особенностями.

ЛИТЕРАТУРА

К классификации бурятских говоров:

Руднев, А. Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903/1904 академическом году. Вып. I, СПб., 1905, стр. 2—3.

—— Опыт классификации монголов по наречиям во введении к Рамстедт, Г. И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908, стр. IV и сл.

—— Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911, стр. XXX и сл.

—— Хори-бурятский говор. Вып. 3, СПб., 1913—1914, стр. 0124—0125.

Владимирцов, Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Лгр., 1929, стр. 7—8.

Описания бурятского языка и его говоров:

Castrén, M. A. Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. St. Petersburg, 1857.

Орлов, А. Грамматика монголо-бурятского языка. Казань, 1878.

Bálint, Gábor. Az éjszaki burját-mongol nyelvjárás rövid ismertetése. Nyelvtudományi Közlemények. XIII. Budapest, 1877.

Руднев, А. Д. Хори-бурятский говор. Опыт исследования, тексты, перевод и примечания. Вып. I—III, П., 1913—1914.

Поппе, Н. Н. Аларский говор. Ч. I—II, Л., 1930—1931.
Санжеев, Г. Д. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Л., 1930.
Poppe, N. Skizze der Phonetik des Bargu-burjätischen. Asia Major, Vol. VII, Leipzig, 1931.
Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. I, 1918; то же, т. II, 1931.
Санжеев, Г. Д. Аларские песнопения. Зап. Колл. вост., т. III.
Подгорбунский, И. А. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск, 1909.

ГЛАВА II

ЯЗЫКИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

Ввиду того, что в дальнейшем, в связи с вопросом о взаимных отношениях бурятских наречий, будет речь об отношении бурятского языка к языкам других монгольских народностей, здесь необходимо дать обзор группы монгольских языков и их наречий.

Под группой монгольских языков подразумеваются языки многочисленных монгольских народностей, населяющих территории Монгольской народной республики, Внутренней Монголии, Барги, Бурят-Монгольской АССР, Калмыцкой автономной области, некоторых местностей Тувинской народной республики и провинций Гань-су и Синь-Цзяна в Китае, Тибета и Афганистана, попадающихся, кроме того, небольшими островками, вкрапленными в основную массу иноплеменного населения еще некоторых других территорий, как, например, Киргизской АССР.

Естественно, что, будучи рассеяны на столь обширном пространстве, не представляя собою непрерывной цепи, монгольские народности не обладают единым языком, но говорят каждая на своем особом, отличном от других, языке. Очень часто многие склонны объяснять это географической разбросанностью монгольских народностей, однако, эта причина является наименее существенной, что можно доказать на примере ойратских племен, населяющих кроме северо-западной Монголии (Кобдоский округ) ряд местностей в области Кукунора, в Алашани, близ г. Каракола на оз. Иссык-куле, в Калмыцкой автономной области и т. д. и говорящих, несмотря на значительную разбросанность и оторванность этих групп друг от друга, на языке, во многих отношениях значительно более однообразном, чем некоторые ныне соседящие друг с другом народности, как например, буряты и халхасы или баргуты и дагуры. Причиной, действительно могущей объяснить нам отсутствие в настоящее время единого живого монгольского языка, на котором говорили бы все монгольские народности, является то обстоятельство, что монгольские народности образуют различные общественные формации на основе различных экономических систем: часть монгольских народностей ведет кочевой скотоводческий образ жизни; часть

занимается земледелием; часть еще не вышла окончательно из состояния полубродячих звероловов-охотников. У некоторых монгольских народностей еще сравнительно недавно существовал родовой строй (например, буряты), другие образовали уже довольно давно феодально-кочевое государство (например, халхасы, ойраты), причем феодальный характер этих государств у различных народностей был выражен в различной степени. Далее, и это тоже является очень важной причиной, многие монгольские народности входили, независимо от того, что они представляли собою внутри себя, в состав различных государственных образований: часть их входила в состав Китайской империи, России, Афганистана и т. д., что тоже не могло не оставить следов, между прочим, в языке этих различных групп монгольских народностей. Наконец, возвращаясь к географической разбросанности, которая тоже, конечно, не могла не повлиять тормозяще на образование единого живого монгольского языка, являясь, все же, лишь второстепенной причиной, действовавшей лишь наряду с более существенными причинами, следует указать на то обстоятельство, что нынешнее географическое расположение монгольских народностей часто ничего не объясняет, так как из истории известно, что теперешняя картина расселения монгольских народностей является результатом передвижений, имевших место иногда, сравнительно не так давно: так например, известно, что калмыки Поволжья явились в область их нынешнего обитания лишь в первой половине XVII в., откуда значительная часть во второй половине XVIII в. снова ушла в Азию. Таким образом, картина нынешнего расселения не может считаться показательной и, судя о тех или иных особенностях живых монгольских языков, например, языковой близости некоторых ныне территориально далеко отстоящих друг от друга народностей, не следует упускать из виду историю их передвижений и заселения ныне занимаемых ими областей.

Входя в состав различных государств, Китая, России и т. д., монгольские народности в отношении своих языков испытали на себе влияние со стороны господствующих языков соответствующих стран, особенно на периферии, в местностях, где монгольское население соседит с другими народностями и где монголы представляют собою национальное меньшинство. Кроме государственных языков стран, где монголы представляли собою национальное меньшинство или угнетенную народность, на монгольские языки оказали различной силы влияние языки религии соответствующих стран, так например, на языки монголов-буддистов, каковыми являются халхасы, внутренние монголы, часть бурят и большая часть ойратов, оказал свое влияние тибетский язык, а в языке монголов-мусульман (напри-

мер сарт-калмыке) можно обнаружить некоторое количество арабских элементов.

Таковы в общих чертах те причины, которые привели к тому состоянию, которое наблюдается в отношении живых монгольских языков. Относительно этих языков следует заметить, что они отличаются друг от друга в различной степени. Некоторые из них отличаются друг от друга настолько, что какая бы то ни было возможность взаимного понимания говорящих на каждом в отдельности языке совершенно исключена: языки эти отличаются друг от друга не только фонетически и морфологически, т. е. своим звуковым составом и принадлежностями морфологическими (например, суффиксы образования тех или иных грамматических форм), но также в словарном отношении, не совпадая в отношении словарного запаса, используя для выражения одних и тех же понятий различные слова, или в семантическом отношении, т. е. отличаясь в отношении смысла одних и тех же слов, если понимать под таковыми одинаковые комплексы звуков, используя эти одинаковые комплексы звуков в различных, часто очень далеко отстоящих друг от друга значениях. Такие языки представляют собою типичную картину того, что принято называть различными языками одной и той же группы языков: обладая значительным количеством общего материала, эти языки все же настолько отличаются друг от друга, что являются для говорящих на них различными языками. Таковы, например, языки моголов в Афганистане и бурят. Наряду с такими весьма существенно отличающимися друг от друга языками существуют также монгольские языки, которые отличаются друг от друга в значительно меньшей степени, главным образом, расхождениями в звуковом составе, некоторой разницей в морфологическом отношении, обладая значительным общим словарным запасом, что допускает сравнительно быстрое переключение знающего один из этих языков на другой. В таком отношении друг к другу находятся, например, халхаский язык и селенгинское наречие бурятского языка. Такие языки, как уже названные халха-монгольский и селенгинское наречие находятся в настолько отличном взаимном отношении друг к другу, что их взаимоотношения нельзя расценивать точно также, как взаимоотношения могольского и бурятского. И если мы, определяя взаимоотношения этой последней пары, назвали их языками и определили, что они являются по отношению друг к другу различными языками, входящими, правда, в одну и ту же группу языков, которую мы можем назвать условно монгольской группой, то отношения, напр., селенгинско-бурятского наречия и халхаского языка совершенно иные, настолько они ближе друг к другу.

Хотя в первом случае мы имели дело с двумя лишь очень относительно близкими языками, мы в данном случае наблюдаем два уже не только близких, но чрезвычайно близких языка, взаимные отношения которых напоминают отношение русского языка к украинскому или белорусскому.

Наконец, существуют такие различия в языке, которые говорящим на нем даже почти незаметны: говорящие на таких «языках» почти не сознают, что говорят на не совсем однородном языке, и лишь в редких случаях им может броситься в глаза произношение того или иного слова, или тот или иной оборот не свойственный языку одной из говорящих сторон. Такие «языки» представляют собой уже говоры одного и того же языка. Таковы, например, говор торгутский и дэрбэтский калмыцкого языка или упоминавшиеся уже говоры аларский и эхритский западно-бурятского наречия. Таковы, значит, различия, существующие между отдельными языками монгольской группы, из которых одни являются различными языками по отношению друг к другу, другие — наречиями и, наконец, третьи — говорами одного и того же языка или наречия. Это относительно национальных языков. Помимо того, возможно деление языков еще по признакам профессиональным (языки представителей различных профессий) и классовому признаку, о чем речь будет впереди. Теперь же, в первую очередь необходимо рассмотреть существующие национальные языки монгольской группы и их наречия и говоры.

Рассматривая языки монгольской группы, наречия и говоры, можно установить, что в каких бы отношениях они ни находились друг к другу, одни из них являются более близкими к одним, другие к другим, причем есть и совершенно изолированно стоящие, не обнаруживающие особой близости ни к одному другому языку данной группы, отстоя от всех одинаково далеко. Обращаясь к тем языкам, которые могут быть по ряду признаков объединены с другими, можно заметить, что степень взаимной близости различных языков и наречий различная. Обычно наблюдается, что одни языки по ряду признаков могут быть поставлены в ряд с другими, в то время как особенности некоторых других языков могут рассматриваться как дальнейшие видоизменения характерных особенностей упомянутого ряда языков. Это дает возможность объединить некоторые языки по ряду признаков в большие или меньшие подгруппы, т. е. разбить всю монгольскую группу языков на более мелкие подгруппы, т. е. дать классификацию монгольских языков. Говоря об этой классификации, следует заметить, что она должна быть лингвистическая, т. е. должна основываться на различении тех или иных языковых признаков, причем легче всего произвести класси-

фикацию по внешним признакам, в первую очередь по фонетическим. Это важно еще раз подчеркнуть, ибо выше уже говорилось, что часто языки классифицируют по иным признакам, разбивая их на те или иные группы, сообразуясь с существующими племенами или по признакам территориальности, иногда по признакам административного деления территории, населенной данной народностью. Так, например, выше уже было указано, что говор балаганских бурят, о котором часто говорят, в действительности является недоразумением, ибо на территории прежнего Балаганского уезда распространен не один, а несколько говоров, из которых здесь можно упомянуть аларский и унгинский. Таким образом, приписывают языку говор, на самом деле не существующий, нарушая принцип лингвистической классификации внесением признака административного деления территории, в угоду которому несколько отличных друг от друга говоров оказались объединенными общим названием. Необходимо помнить, что недопустима также классификация языков по племенным признакам, ибо часто оказывается, что два или большее количество различных племен или родов обладают одним языком. Так, например, калмыки Поволжья распадаются на 3 племени: дэрбэтов, торгутов и хошутов, в то время как язык, распространенный на занимаемой ими территории, распадается лишь на два говора — дэрбэтский и торгутский. С другой стороны, язык одной и той же народности может обнаруживать ряд говоров, существование которых обусловлено существованием ряда профессиональных или классовых группировок. Из этого видно, что классификация языков должна строиться не на признаках племенных, административных и т. д., но исключительно на лингвистических признаках.

О взаимоотношениях языков монгольской группы будет сказано дальше, и тогда же станет ясно, почему они разбиваются именно на те основные группы, по которым они распределяются в даваемой ниже классификации.

В общем, языки эти могут быть разбиты на две основные группы, условно называемые западной и восточной.

Западную составляют так называемые ойратские языки, т. е. говоры, наречия и языки западных монголов-ойратов. Сюда входят, прежде всего, калмыцкий язык и далее говоры ойратов, населяющих Кобдоский округ в северо-западной части Монгольской народной республики, а также за пределами названной территории, о чем речь будет еще впереди.

Калмыцкий язык, распространенный в Калмыцкой автономной области в Нижнем Поволжьи, представляет собою совокупность говоров дэрбэтского

и торгутского. Административные границы Калмыцкой автономной области не совсем совпадают с этнографическими, и некоторое количество калмыков живет также за пределами области.

Особый говор калмыцкого языка представляет собою говор бузава на Дону. Кроме того, на несколько отличных от упомянутых говорах говорят немногочисленные группы уральских и оренбургских калмыков, большая часть которых переселилась на территорию Калмобласти. Главное отличие всех названных говоров проявляется по большей части в фонетике и в значительно меньшей степени в области словаря; последнее главным образом там, где население занимается такими промыслами, как добыча соли или рыболовство, в противоположность основной массе скотоводов или земледельцев в оседлых районах. Все эти отличия являются, однако, весьма несущественными, вследствие чего говорящие на различных говорах калмыцкого языка могут объясняться друг с другом совершенно свободно. Кроме дэрбэтов и торгутов Калмобласти, существуют дэрбэты и торгуты в северо-западной Монголии, а также в Алашани и т. д., которых не следует смешивать друг с другом. То обстоятельство, что эти одноименные племена населяют в настоящее время столь разнообразные области, объясняется тем, что ойраты в значительной своей части, как уже сказано выше, населив Нижнее Поволжье, впоследствии, в некоторой части своей снова покинули его. Благодаря тому, что условия существования этих различных ветвей дэрбэтов и торгутов и общественный строй их существенно отличаются, отличаются друг от друга и языки их. Так, например, дэрбэтский и торгутский говоры калмыцкого языка в Калмобласти значительно ближе стоят друг к другу своим наличным запасом слов и другими особенностями, чем каждый порознь к говорам дэрбэтов и торгутов Кобдоского округа, почему они и объединяются под общим названием калмыцкого языка, представляющего собою единство говоров дэрбэтского, торгутского и бузава (на территории Калмобласти и прилегающих частей РСФСР) на основе единой общественности.

Ойратские говоры, как уже сказано, распространены еще в северо-западной Монголии, в Кобдоском округе. В состав этой группы говоров входят говоры дэрбэтский, баитский, торгутский, урянха, захачинский, дамби-элетский и мингатский, из которых первые два образуют северную подгруппу, а остальные южную подгруппу ойратскихговоров северо-западной Монголии. Небольшие группы ойратских племен кочуют еще за пределами северо-западной Монголии, например, в Алашани (элеты), в бассейне р. Эдзин-гол (торгуты), в области Куку-нора и в Цайдаме (хошуты, тор-

гуты и т. д.) и, наконец, на озере Иссык-куле, близ города Каракола, где живет небольшая народность — сарт-калмыки, сохранившая свой язык, представляющий собою один из ойратских говоров, испытавший на себе влияние со стороны киргизского языка, являющегося языком основной массы тамошнего населения. Большинство этих говоров совершенно не изучено, почему очень трудно сказать о них что-либо определенное. Вообще ойратские говоры являются очень мало исследованными и даже по говорам ойратов северо-западной Монголии нет никаких данных в литературе, хотя они и изучались и по ним собраны богатые материалы, остающиеся, однако, необработанными. Исключение представляет собою калмыцкий язык, т. е. ойратские говоры Калмобласти и сопредельных районов, по которому существует сравнительно богатая литература.

В заключение о западной группе, которую составляют ойратские говоры и их различные группировки, следует заметить, что ойратские говоры не следует смешивать с ойротским языком, на котором говорит население Ойротии: последний является тюркским языком и в группу монгольских языков не входит.

Переходим к восточной группе. Группа эта может быть разбита на три основные подгруппы, которые обнимают собой языки бурятский, халхаский (халха-монгольский) и ряд южно-монгольских языков и их наречий.

Бурятский язык представляет собою наиболее северную ветвь. О нем речь была в предыдущей главе, почему здесь его можно не касаться и перейти сразу к халхаскому языку. Халхаский язык занимает центральное место среди языков восточной группы, граница на севере с бурятским языком и имея на юг от себя южно-монгольские языки. Территория распространения халхаского языка совпадает с территорией прежних четырех аймаков Монгольской народной республики и тянется от границ с Баргой на востоке до территории распространения ойратских диалектов, т. е. до границ Кобдоского округа на западе и от границы с СССР и Тувинской народной республикой на севере до границ с Китаем на юге.

Халхаский язык, распространенный на столь обширной территории, является значительно более единым, чем все остальные монгольские языки и почти везде на территории своего распространения отличается теми же признаками. При очень внимательном исследовании в халхаском языке можно обнаружить следующие основные говоры: восточно-халхаский (на востоке от г. Улан-Батор в Хан-Хентей-Ульском аймаке), западно-халхаский (на запад от линии р. Орхона в аймаках Хан-Тайширском и Цецерлик-Мандальском), центральный (город Улан-Батор и территория Богдо-Хан-

Ульского аймака), южно-халхаский (в гобийской полосе вдоль китайской границы, в частности, говор Дари-Ганга). Отдельные группы халхасов кочуют также далеко за пределами Монгольской народной республики в разных местах Внутренней Монголии, но язык их уже не является халхасским: здесь мы опять видим несовпадение этнических признаков с языковыми.

На юг и юго-восток от территории распространения халхаского языка лежат территории распространения языков и наречий монголов Внутренней Монголии. Языки эти в большинстве своем очень мало исследованы и дать более или менее удовлетворительную классификацию их в настоящее время невозможно. Особыми языками являются харачинский с наречиями, на которых говорят харачины и туметы сейма Джосту; чахарский с наречиями чахар, сунитов, абага и т. д. в Шилингольском сейме и Чахаре; ордосский в Ордосе (сейм Йехе-Джу); уратский (сейм Улан-Цаб); наконец, наречия или языки дурбутов, хорчин, горлос и т. д., известные в литературе под названием говоров Восточной Монголии. Сюда же следует, повидимому, отнести язык и баргутов-чинчинов, совершенно впрочем не изученный.

Сделанный обзор языков, наречий и говоров, был бы неполон, если бы в него не был включен ряд переходных и мешанных наречий и говоров. В единичных случаях выше уже отмечалось, что те или иные говоры являются мешанными, переходными от одного языка или наречия к другому, но таких мешанных языков гораздо больше.

Прежде всего, таким мешанным по своему характеру, скрещенным, является наречие дархатов в Дархатском крае (на озере Косоголе), обнаруживающее многочисленные элементы ойратские, с одной стороны, и халхаские и отчасти бурятские, с другой. Несомненно в результате скрещения возникшим является наречие хотогойту, кочующих по рекам Дельгермурен, Бильчир и Тес. Наречие это, обнаруживающее особую близость к западно-халхаскому, может по ряду признаков считаться подразделением халхаской группы, которая в таком случае может быть разделена на подгруппы — собственно халхаскую с упомянутыми уже говорами халхаского языка, и подгруппу хотогойту (наречие хотогойту). Очень резко выражен скрещенный, смешанный характер тех ойратско-халхаских переходных говоров, которые наблюдаются на границе халхаского и ойратского языковых миров, например баитско-халхаской пограничной полосы.

Продолжая обзор живых языков монгольской группы, следует указать, что названными выше более или менее исчерпываются такие языки и наречия, которые допускают хотя бы поверхностную разбивку их на группы. Но помимо этих языков, есть такие изолированно стоящие по

своим внешним признакам языки, которые не находят себе места в схемах данной классификации, так как они представляют собою картину совершенно иной стадии развития.

На первом месте необходимо здесь упомянуть язык моголов в Афганистане, во многих отношениях близкий к современным ойратским говорам, но все же отличающийся от них рядом архаичных черт, свойственных известным нам живым языкам монгольской группы XIII—XIV ст.

Далее, сюда, к особняком стоящим языкам, нужно отнести языки ширайогуров на юго-запад от г. Ган-чжоу и широнголов, населяющих местности по Желтой реке выше г. Лань-чжоу-фу.

Другим таким же, особняком стоящим, является дагурский язык, распространенный в Хайларском округе в Барге, а также в ряде местностей в Маньчжурии, например вокруг г. Цицикара. И этот язык представляет собою во многих отношениях очень архаичную картину развития, являя совсем иную стадию, чем ту, на которой стоят языки халхаский, бурятский, южно-монгольские и ойратские.

Наконец, своеобразный язык, подвергшийся сильному влиянию со стороны тибетского языка, но тоже сохранивший, с другой стороны, ряд архаичных черт, представляет собою язык монгор в провинции Гань-су.

Заканчивая обзор живых языков монгольской группы, следует заметить, что ряд языков здесь не упомянут по той причине, что по ним почти нет данных. Так, например, ничего неизвестно о том, что представляет собою язык разных монгольских племен, кочующих в северном Тибете. Неизвестно, чем является язык элетов хошуна Маннай-элет к востоку от г. Цицикара. Точно так же неизвестны языки и наречия чахар в Илийском крае, халхасов, живущих на север от р. Булунгир и г. Су-чжоу и т. д.

Отсутствуют данные также по говорам торгутов, хошутов и элетов Илийского края, в Куку-норе и в Цайдаме, относительно которых можно лишь предполагать, что они являются разновидностями известных уже ойратских говоров.

ЛИТЕРАТУРА

По ойратским языкам и наречиям:

Котвич, В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. II., 1915. (Литографировано).

Котвич, В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е издание, Ржевнице у Праги, 1929.

Ramstedt, G. J. Kalmückische Sprachproben. I Teil. Helsinki, 1909—1919.

Владимирцов, Б. Я. Образцы монгольской народной словесности. (Северо-западная Монголия). Л., 1926.

По халхаскому языку:

Ramstedt, G. J. Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen. Helsingfors, 1902.

Рамстедт, Г. И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.

Владимирцов, Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

Поппе, Н. Н. Практический учебник монгольского разговорного языка. (Халхаское наречие). Л., 1931.

Образцы монгольской народной литературы. Вып. 1. Халхаское наречие. Ред. Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднев. СПб., 1908. (Литографировано).

Бимбаев, Р. Русско-монгольский словарь разговорного языка на халхаском наречии. Троицкосавск, 1913.

По южно-монгольским языкам:

Mostaert, A. Le dialecte des mongols Urdus (Sud). Anthropos, t. XXII.

Руднев, А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.

По мешанным языкам:

Владимирцов, Б. Я. О двух смешанных языках западной Монголии. Яфетический сборник, II, стр. 32—52.

Санжеев, Г. Д. Дархатский говор и фольклор. Л., 1931.

По изолированно стоящим языкам:

Ramstedt, G. J. Mogholica. Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXIII, 4, Helsingfors, 1905.

Mannerheim, C. G. E. A visit to the Sarö and Shera Yögurs. Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXVII, 2, Helsingfors, 1911.

Потанин, Г. И. Тангутско-Тибетская окраина Китая. Т. II.

Mostaert, A. et de Smedt, A. Le dialecte Monguor parlé par les Mongols du Kansu Occidental. Anthropos, t. XXV.

Mostaert, A. The Mongols of Kansu and their language. Bulletin № 8 of the Catholic University of Peking (Dec. 1931).

Поппе, Н. Н. Дагурское наречие. Л., 1930.

ГЛАВА III

ВЗАИМНОЕ ОТНОШЕНИЕ БУРЯТСКИХ НАРЕЧИЙ И ГОВОРОВ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ ЯЗЫКАМ МОНГОЛЬСКОЙ ГРУППЫ

Очень часто приходится слышать, что буряты западных аймаков Бурят-Монгольской республики не всегда все понимают, что говорят буряты восточных аймаков и наоборот. Точно такое непреложным фактом является, что буряты западных аймаков почти не понимают халхасов и представителей других монгольских народностей, в то время как буряты восточных аймаков с халхасами объясняются сравнительно свободно. Объясняется это тем, что различные наречия бурятского языка находятся в различных отно-

шениях к другим языкам монгольской группы и в разной степени отличаются друг от друга.

Оставляя пока в стороне баргу-бурятское наречие, обратимся к рассмотрению вопроса о взаимных отношениях остальных наречий бурятского языка, т. е. наречий, распространенных в Бурят-Монгольской республике и за пределами ее внутри СССР.

Западное и восточное наречия отличаются друг от друга преимущественно в области словаря и семантики, другими словами, преимущественно со стороны своего содержания.

Эти словарные различия касаются всех областей: они обнаруживаются не только в каких-нибудь специальных областях, например в специальной терминологии, но иногда и в самых простых словах.

Так например, если взять такую простую, казалось бы, область, как терминологию жилищную, которая, как известно, является почти совершенно одинаковой у всех монгольских народностей, можно обнаружить чрезвычайно большие расхождения между западным наречием и восточным.

Возьмем западно-бурятское слово *sōl* (sool),[1] обозначающее «печь» (например в тункинском, нижнеудинском, аларском), а также «зимний дом» (например, в аларском). Слово это восточным бурятам совершенно неизвестно. Слово tura, употребляемое западными бурятами в значении «изба» (например, в нижнеудинском), а также в значении «церковь» (в сочетании *burxaŋ tura* в аларском) и «город» в отдельных говорах, восточно-бурятскому наречию в общем мало свойственно, хотя в значении «город» оно иногда употребляется даже в говорах селенгинских бурят. Зато слово *xoto* (koto) «город», употребляемое всеми восточными бурятами и халхасами, в западных говорах имеет значение «загон для овец» (ср. там *xotoŋ*). Неизвестно восточным бурятам слово *tēńje* (teenje) «колонны, столбы в деревянной юрте». Слово *ṣagābar* (ṣagaabar), имеющее в западном наречии значение «окно», в восточном наречии употребляется только в значении «слуховое окошечко», окно же там передается словом *oŋgōṣxo* (ongooṣko) «окно» < русское «окошко». В западном наречии «угол дома» передается словом *bulaŋ* (bulan), в то время, как в восточном обычным словом является *uglū* (ugluu) < русск. угол. Не употребительно в восточном наречии также слово *zuday* «лес». Слово *xaramnaxa* (karamnaka) в западном наречии употребляется в значении «жалеть» (пожалеть человека, пожалеть дать вещь

[1] Курсивом слова даются в лингвистической транскрипции, прямым шрифтом — в передаче знаками нового латинского алфавита.

и т. п.), в то время как в восточном наречии и в халхаском языке оно означает «скупиться». Таких примеров можно было бы привести большое количество.

Если можно наблюдать большое количество слов западного наречия, неизвестных вовсе восточному или мало употребительных там или употребляемых в иных значениях, то можно точно также найти такие слова в восточном наречии, которые совершенно неизвестны западному. Таковы прежде всего специальные термины, относящиеся к области политики, администрации и т. д. Такие термины, как angi «класс», korṣoo «кооператив», aza akui «хозяйство», zurgaan «управление» и т. п. говорящим на западном наречии непонятны, и известны только тем из них, кто знаком с монгольской письменностью или бывал на востоке. К перечисленным терминам можно прибавить еще ряд более простых слов, например, *хуцеg* «ведро», *hagṣūr* «решето» (в аларском *haigūr*, в унгинском *ṣegṣūr*), *уэеg* «шкапчик», adair «полки», *ganzin* «валек», *ṣoro* «кочерга», *хагаsa* «берестяный поднос» и т. д.

Особенно бросаются в глаза уже расхождения в словарном запасе западного наречия и халхаского языка: если западный бурят восточного поймет не всегда, обычно лишь в исключительных случаях, причем неповятным остается лишь одно-другое слово или выражение, почему разговор может продолжаться, то халхаса западный бурят, как правило, не будет понимать, так как в разговоре с халхасом он поймет лишь отдельные слова и выражения. Конечно, вращаясь среди халхасов, живя в Монголии, западный бурят очень скоро усвоит халхаский язык и уже через один месяц сможет почти свободно объясняться.

Объясняется это, конечно, тем, что халхаский язык является весьма близким бурятскому, с восточным наречием которого, и особенно селенгинским, он имеет очень много общего. Возвращаясь, однако, к тем затруднениям, которые испытывает на первых порах западный бурят в своих сношениях с халхасами, можно заметить, что словарный запас западного наречия и халхаского языка совпадает лишь в незначительной степени. Особенно велики расхождения в области политической, экономической и т. д. терминологии.

Если обратиться к истории западного наречия, с одной стороны, и восточного и халхаского, с другой, то первое крупное отличие бросается сразу в глаза: западные буряты до момента покорения русскими представляли собою разрозненные племена и роды, не образовавшие государства. Лишь с момента покорения русскими буряты впервые столкнулись с государственной организацией, стоявшей за спиною тех купцов и потом миссионе-

ров, эксплоатацию которых буряты испытали на себе. Халхасы же в весьма отдаленные времена образовали довольно мощное феодальное государство и наряду с другими монгольскими народностями являются как бы наследниками Чингисхановского государства. Кроме того, в Халхе сравнительно давно достигла своего развития монгольская письменность, а распространение буддизма обеспечило проникновение в Халху значительного количества книг религиозного и нравственного содержания. Родовые организации халхасов распались уже давно, и на месте их выросли учреждения феодального государства. Таким образом, письменность стала распространяться в Халхе давно, чему способствовали феодальные и торгово-капиталистические отношения, отчасти и между прочим буддизм и особенно княжеские канцелярии и другие учреждения. Вместе с письменностью в Халху проникала, да и создавалась самостоятельно, терминология — политическая, административная и т. д.

История восточных бурят в этом отношении похожа на историю халхасов. И сюда в Забайкалье уже давно проникли феодальные и торгово-капиталистические отношения, успел проникнуть буддизм, и уже в середине XVIII ст. там был основан ряд дацанов, способствовавших распространению письменности изданием многочисленных книг религиозного, дидактического, нравственного и т. д. содержания. Кочевники-скотоводы восточной Бурятии уже давно оказались в условиях аналогичных халхасским: и здесь старая родовая организация начала уступать феодальной организации уже довольно давно. Торговые сношения с Китаем и политические связи с Монголией создали у восточных бурят благодарную почву для возникновения соответствующей терминологии, оставшейся неизвестной западным бурятам, язык которых и без того никогда не представлял собою тождества с языком восточных бурят.

Но не только в области словаря и семантики отличаются друг от друга наречия западное и восточное. Они отличаются друг от друга также в области морфологии и фонетики, правда, лишь в незначительной степени. В области морфологии можно указать такие различия, как например, некоторые глагольные формы западного наречия, неизвестные восточному: ср. форму на -sar западного наречия, например tatasar «до того как потянет», которой в восточном наречии соответствует форма на -tar, например alatar «до того как убьет».

В области фонетики трудно указать какие-либо резкие отличия, которые характеризовали бы западное наречие в отличие от восточного. Таково, быть может, соответствие восточно-бурятскому *x* (k) перед *i* смягченного

s' в западном (а по говорам смягченное *t'* или *ç* (например, аларское *ars'i* «водка» = хоринскому *arxi* и т. д.). Другое, уже более яркое отличие, это неразличение *ө* и *y* в большинстве говоров восточного наречия, в то время как в большинстве говоров западного наречия эти гласные хорошо различаются.

Переходя к баргу-бурятскому наречию, можно заметить, что оно точно так же обладает значительным запасом слов, общих с восточно-бурятским, а также с халхаским языком. В отношении морфологии оно ничем существенным от восточно-бурятского наречия не отличается и главные отличия его обнаруживаются в фонетике. Прежде всего, звуку *z* восточно- и западно-бурятского наречий здесь соответствует аффрикат *ǯ*. От хоринского говора его отличает то обстоятельство, что здесь хорошо различаются *ө* и *y*. Особенно обращает на себя внимание нарушение обычной прогрессивной лабиализации в суффиксе исходного падежа, например, *modnāha* (modnaaha) «из дерева» = восточному и западному *modonhō* (modonhoo).

Оставляя пока в стороне селенгинское наречие, о котором речь будет дальше, попытаемся дать общую характеристику бурятского языка в целом в сравнении с главными языками монгольской группы.

О словарно-семантических отношениях восточного и западного наречий к халхаскому речь уже была выше, почему теперь можно главное внимание уделить внешней характеристике бурятского языка.

В области морфологии бурятский язык характеризуется прежде всего такой крупной отличительной чертой, как личное спряжение, отсутствующее в большинстве языков монгольской группы и являющееся характерным особенно для ойратских говоров. Таким образом, по бурятски настоящее время от глагола *jaba-* «ходить» будет *jabanab, jabanaş, jabana* и т. д., в то время как по халхаски то же самое будет *jabana* (точнее *jåwan* все лица). Глагол в бурятском вообще сильно отличается от такового в халхаском или в южно-монгольских языках и во многом близок к калмыцкой системе спряжения.

Так, например, форма пожелания первого лица *-hūb* (ед. ч.) и *-hūbd'i* (мн. ч.) особенно характерна для калмыцкого языка (там *-sūw* ед. ч. и *-sūwdn* мн. ч.). Точно так же соответствие в калмыцком языке находит повелительная форма третьего лица в ольхонском говоре *-tγǟg* = калм. *-txǟ*. Форме будущего времени неопределенного на *-ūza* в калмыцком соответствует *-ūzā* : *bosūzā* «может быть встанет» = бур. *bodūza* «когда-нибудь да встанет». Все эти формы халхаскому совершенно не свойственны.

Частицей отрицания при повелительных формах в бурятском является *by*, что близко к письменно-монгольскому. В халхаском и калмыцком вместо *by* употребляется отрицание халх. *bitegī*, калм. *biçkā* или *biçgā*.

Переходя к имени, можно заметить, что и здесь бурятский характеризуется рядом черт, несвойственных халхаскому языку. Прежде всего, в халхаском языке многие слова, основы которых оканчиваются на *n*, в именительном падеже утратили это *n*, если они употребляются в значении существительных, и сохраняют это *n*, если они имеют значение прилагательных. Из бурятских наречий это явление свойственно только баргу-бурятскому и селенгинскому, а остальным оно чуждо, ср. вост. и зап. *modoŋ* «дерево» = барг. и селенг. *modo* = халх. *modo* «дерево» (но барг., селенг. и халх. *modoŋ* «деревянный»).

В области склонения бурятский язык характеризуется особой формой исходного падежа *-hā*, не являющейся обычным фонетическим вариантом например халхаского *-ās*, правильным соответствием которого является лишь баргу-бурятское *-āha*. Затем, в ряде бурятских говоров наблюдается форма совместного падежа на *-lār* (-laar), не употребительного в халхаском, но наличествующего в калмыцком и некоторых южно-монгольских языках. Наконец, можно упомянуть особый послелог *-sō*, образующий сочетание со значением «в чем, во что», например *modon-sō* «в дереве», который отсутствует в халхаском.

На этом можно обзор морфологических особенностей бурятского языка закончить, ибо настоящая глава не претендует быть главой из специальной сравнительной грамматики монгольских языков.

Переходим к фонетическим особенностям бурятского языка в целом. Фонетические особенности бурятского языка чрезвычайно ярки и резко отличают его от большинства в остальном близких к нему монгольских языков.

В области консонантизма бурятский язык характеризуется соответствием гортанного проточного *h* звуку *s* остальных монгольских языков, например бур. *hara* «луна» = халх. *sara*. Кроме того, последнему в конце слога или слова в бурятском соответствует *d*, например бур. *ulad* «народ, люди» = халх. *ulas*. Далее, бурятский язык в целом характеризуется тем, что аффрикатам *c*, *ç*, *ʒ*, *ʒ́*[1] других монгольских языков там соответствуют проточные *s*, *ş*, *z*, *ż* (исключение представляет собою баргу-бурятский, где наблюдается аффрикат *ʒ́*). От халхаского языка и южно-монгольских языков

[1] Ввиду отсутствия в новом латинском алфавите особых знаков для аффрикат *ʒ* и *ʒ́* и спирантов *z* и *ż*, мы вынуждены здесь пользоваться знаками лингвистической транскрипции.

бурятский язык отличается еще обилием палатализованных, т. е. смягченных согласных, например *ńutag* (niutag) «родина» = халх. *nutag*, бур. *ńā-* (niaa-) «клеить» = халх. *naa-*, бур. *ed'i-* «есть» = халх. *ide-*.

Переходя к гласным бурятского языка, следует указать, прежде всего, что большинство говоров восточного наречия бурятского языка совершенно не различает звуков *ө* и *y*, которые хорошо различаются в халхаском языке и в большинстве говоров западного наречия, в селенгинском наречии и баргу-бурятском наречии. На почве неразличения *ө* и *y* в соответствующих говорах наблюдается безразличное появление долгих *ө̄* и *ē* в слогах, следующих за слогом с неразличаемыми *ө* и *y*: в то время как в халхаском за слогом с *y* следует слог с *ē*, а за слогом с *ө* следует слог с *ө̄*, в восточном наречии — опять-таки за исключением селенгинского наречия — это никакой роли не играет и в соответствующих слогах может наблюдаться беспорядочно и *ē* и *ө̄*, например, халх. *xyrēd* «прибыв» = вост.-бур. *xyrēd* или *xyrēd*; халх. *өglēgӯr* «утром» = вост.-бур. *yglēgӯr* или *yglēgӯr* и т. д. Спорадически это наблюдается также в отдельных говорах западного наречия, но оно чуждо баргу-бурятскому, где наблюдается всего несколько исключений, касающихся определенных суффиксов.

После всего сказанного можно вернуться к вопросу о селенгинском наречии, оставшемся выше без характеристики. Если сравнить селенгинское наречие с остальными наречиями бурятского языка, то можно, прежде всего, установить, что это группа говоров, стоящих на грани между бурятским языком и халхаским. Это как бы переходное наречие или группа переходных говоров. С бурятским языком их сближают некоторые особенности в области морфологии (например, личное спряжение, отрицание *by* при повелительных формах глагола, послелог *cō* и т. д.), а также фонетики, например, чередование *d* ~ *s*, аналогичное чередованию *d* ~ *h* западного наречия, неизвестное халхаскому языку, например, селенг. *bur'āsār* «по бурятски» = зап. *bar'āhār* = халх. *bur'ādār* от слова *bur'ād* «бурят» и т. д. Кроме того, и словарный запас селенгинских говоров имеет много общего с восточно-бурятским, имея также общие, и притом очень типичные, слова даже с западным наречием. С халхаским языком селенгинское наречие сближает наличие звуков *s*, *c*, *ç*, *ʒ*, *ǯ* там, где мы их наблюдаем в халхаском и которым в остальных наречиях бурятского языка соответствуют *h*, *s*, *ş*, *z*, *ž*. Селенгинское наречие хорошо различает *ө* и *y*, а в смысле последовательности *ē* (после *y*) и *ө̄* (после *ө*) ничем не отличается от халхаского. Исключение представляют собою некоторые переходные к хоринскому говоры.

Теперь остается, подведя итоги, вкратце определить положение бурятского языка среди прочих языков монгольской группы. Бурятский язык, в основном, в части главных наречий своих является с хронологической точки зрения языком той же формации, что халхаский, южно-монгольские языки и ойратские говоры: как в названных языках, точно так же и в бурятском наблюдаются долгие гласные на месте сочетаний гласных и согласного *γ (g)* и некоторых других, которые сохранились в языке монгольской письменности, например письм. *aγula* = бур., халх., южн. и ойратскому *ūla* и т. д. Таким образом, бурятский язык относится к той же группе, что халхаский язык и ничего общего не имеет с дагурским, который, как было сказано во второй главе, некоторыми исследователями причислялся к наречиям бурятского языка. Затем, можно установить, что поскольку бурятский язык различает *s* и *ṣ*, *z* и *ẓ* (которым в селенгинском наречии соответствуют *c* и *ç*, *ʒ* и *ǯ*), он не может быть отнесен к южно-монгольским, где этим четырем звукам соответствуют лишь два, а именно *ç* (вместо бур. *s* и *ṣ*, халх. *c* и *ç*) и *ǯ* (вместо бур. *z* и *ẓ*, халхаского *ʒ* и *ǯ*), но должен быть отнесен к той же группе, что халхаский язык и ойратские говоры. Но от ойратских говоров его довольно резко отличает последовательно проведенный закон лабиализации, ср. бур. *dolōŋ* «семь» = халхаскому *dolōŋ* = калм. *dolān*, бур. *xөlөr* «ногой» = халх. *xөlөr* = калм. *kölär* и т. д. По фонетическим признакам бурятский язык относится, следовательно, к той же группе, что халхаский язык.

В отношении морфологии, бурятский обнаруживает особую близость к ойратским говорам. Словарный запас бурятского языка, особенно его восточного, селенгинского и баргу-бурятского наречий, является за немногим исключением общим и для халхаского. Таково, следовательно, положение бурятского языка: это особый язык монгольской группы (не наречие какого-нибудь монгольского языка), ближе всего стоящий к халхаскому языку и отчасти к ойратским наречиям.

Переходя теперь к особенностям отдельных говоров, следует прежде всего заметить, что большинство говорящих о природе говоров и их взаимном отношении обычно делают акцент на их фонетических различиях. Конечно, нельзя отрицать тот факт, что говоры отличаются друг от друга фонетически и притом часто весьма значительно. Но не в этом заключаются главные отличия. В самом деле, если под особым говором мы условимся понимать нечто такое, что в первую очередь отличается от другого говора только фонетически, то мы будем вынуждены признать, что каждый человек говорит на отдельном говоре и на место языка коллективного мы

поставим индивидуальный язык, который поглотит все наше внимание. Нет, бурятские говоры отличаются друг от друга, прежде всего, словарем и семантикой. Иногда таких слов, показательных, характерных для того или иного говора, будет не много, но не в количестве дело: так, я полагаю, что весьма существенным признаком аларского говора является малоупотребительность в нем слова *yhey* «волосы», известного, например, унгинскому, вместо которого в аларском употребляется *nōkoy*, имеющее в других говорах значение «шерсть». Но чем же объясняется увлечение, если можно так сказать, фонетическими отличиями? Прежде всего тем, что они легче обращают на себя внимание, а кроме того это несомненное наследие формального языковедения. Так как трудно в небольшой главе давать семантическую и словарную характеристику всех бурятских говоров, здесь будут приведены только их отличительные признаки в области фонетики и изредка морфологии, но с оговоркой, что не они являются доминирующими.

Начнем с говора нижнеудинских бурят. Говор этот особенно любопытен с фонетической стороны. Он характеризуется наличием аспирированного велярного смычного k,[1] соответствующего в известных положениях спиранту x в словах с задними гласными других говоров. В ряде положений на месте этого смычного наблюдается аффрикат.[2] Звуку x других говоров в словах с гласными переднего ряда в нижнеудинском говоре соответствует смычный. Перед i вместо x наблюдается смягченный t (т. е. t'), что соответствует вполне аналогичному явлению боханского говора. Перед i вместо g наблюдается смягченный d'. Этот же смягченный d' встречается на месте z и иногда j других говоров. В области вокализма говор этот характеризуется различением y и $ө$ (на месте последнего часто даже еще более передний гласный типа немецкого $ö$).

Что касается закона прогрессивной лабиализации, то его действие не простирается на гласный $ē$, который наблюдается после $ө$ первого слога, например, *tөrē* «заблудился», последовательно соответствуя гласному $ō$ в этом положении других говоров.

Переходя к аларскому говору, следует заметить, что он является очень типичным говором западного наречия. В области консонантизма он мало отличается от других говоров. Наиболее характерными чертами его

[1] Новый латинский алфавит и здесь, к сожалению, оказывается слишком бедным знаками. Обозначая этот звук нижнеудинского говора знаком k, нам необходимо спирант, соответствующий ему в других говорах, передавать вообще знаком x, а не знаком k, который принят в новом алфавите.

[2] В точной транскрипции $k^{'}x$.

является соответствие смягченного s' звуку x других говоров перед историческим i, например *ars'i* «водка» = хоринскому *arx'i*. Другой чертой его является чередование $d \sim h$ в именных основах: конечный d, попадая в положение между гласными, заменяется звуком h, например *maygad* 'русский' — *maygahār* «по русски». Звуки o и y этот говор различает хорошо, и закон лабиализации проведен последовательно: после y имеем $\bar{e}$, но после o только $\bar{o}$, напр., *yxē* «умер», но *ogō* «дал». Тункинский говор, как уже сказано в первой главе, не изучен, за исключением говора окинских бурят, ничем принципиальным не отличающимся от аларского. Унгинский говор отличается от аларского, главным образом, тем, что после y часто наблюдается вместо $\bar{e}$ долгий $\bar{o}$, например, *yzo* «увидел» = аларск. *yzē*. Чередование $d \sim h$ распространяется и на глагольные основы, например *bod* «встань» — *bohōd* «встав». Боханский говор отличается тем, что вместо аларского смягченного s', соответствующего обычному x бурятских говоров, наблюдается смягченный t (t'), например, *art'i* «водка» = хор. *arx'i*. Кроме того, в боханском наблюдается частичное смешение o и y. Наиболее яркой особенностью эхритского говора является соответствие j в начале слова звуку z других говоров, например, *jada* «копье» = аларскому *zada*. На Ольхоне j соответствует иногда и z других говоров, например, *jōkē* «сметана» = аларскому *zōkē*. Ольхонский подговор эхритского говора характеризуется еще наличием глухого t в словах с начальным g, имеющих в других говорах d, например, *gatahay* «кол» = аларскому *gadahay*.

Переходя к восточному наречию, следует отметить, что кударинский говор его не исследован, почему о нем можно судить только по говору баргузинскому, хоринскому и его подговору агинскому. Хоринский говор, включая и говор агинских бурят, совершенно не различает o и y. Долгие $\bar{e}$ и $\bar{o}$ могут беспорядочно следовать за y первого слога. Конечный d именных основ перед некоторыми суффиксами, начинающимися на i, заменяется звуком $ṣ$, например, *ulad* «люди» — *ulaṣīji* «людей».

Агинский подговор характеризуется особенно тем, что t там придыхательный т. е. t^c, а b, g в начале изолированно стоящего слова произносятся глухо, звук же d всегда является глухим, как в халхаском.

Баргузинский говор, распространенный во всей долине р. Баргузина в одноименном аймаке, совершенно однороден на всем протяжении. Для него является характерным соответствие в начале слова j согласному z других говоров, например, *jodō* 'пихта' = в остальных *zodō*, что сближает его с эхритским и булгатским говорами, что неудивительно, так как баргузинцы являются выходцами XVIII ст. из нынешнего Эхрит-Булгатского аймака.

Как в хоринском, конечный *d*, попадая в положение перед *i* суффикса, заменяется *ṣ*, например, *xybȳṣīn* 'его сыновья'. Он хорошо различает *ө* и *y*. Характерной особенностью является краткость гласного исходного падежа, не подчиняющегося закону гармонии, например, *mor'inhay* 'от лошади', *gerhay* 'из юрты'.

Переходя к селенгинскому наречию, можно заметить, что особенно близким к халхаскому языку является сартульский говор, что объясняется тем, что сартулы являются выходцами из Монголии, обосновавшимися в Бурятии всего 3—4 поколения тому назад. Сартульский говор хорошо различает *ө* и *y* и в отношении гласных *ē* и *ō* непервого слога ничем не отличается от халхаского языка. Вообще, это говор представляющий собою и в смысле темпа речи, аспирации p^{ϵ}, t^{ϵ}, c^{ϵ} и т. д. почти халхаский язык.

Цонгольский говор от него отличается уже тем, что не всюду хорошо различаются *y* и *ө*, особенно на границах Мухур-Нибирского аймака, затем не всегда после *y* следует *ē*, но иногда и *ō*, например, *n'ydō* «свой глаз» вместо *n'ydē*, но особенно интересно своеобразное окание там, где в других говорах имеем *u*, например, *oso* «вода», *osōr* «водой» = хоринскому *uhay* «вода», *uhār* «водой».

О говорах баргу-бурятского наречия нельзя ничего сказать, поскольку неизвестно, наблюдаются ли в нем сколько-нибудь отличающиеся друг от друга говоры.

Названными особенностями характерные черты отдельных говоров, конечно, не исчерпываются. Здесь были перечислены лишь те особенности, которые сразу обращают на себя внимание при первом же знакомстве с соответствующими говорами. Но, кроме отличий в области фонетики, отдельные говоры бурятского языка характеризуются также особенностями в области морфологии и, что гораздо важнее, в словарном запасе. Каждому говору присущ, помимо характеризующих его чисто внешних особенностей, и фонетических и морфологических, также свой специфический ассортимент слов и выражений. Так, например, в аларском говоре «волосы» обозначаются словом *nōhoy*, в то время как в других, соседних говорах «волосы» обозначаются словом *yhey*, а *nōhoy* там обозначает «пух» или «шерсть».

К сожалению, здесь невозможно подробнее останавливаться на этом вопросе, ибо иначе эта глава выльется в сравнительную грамматику и словарь бурятских говоров.

На этом можно главу о взаимных отношениях бурятских говоров и об отношении бурятского языка в целом к другим монгольским языкам считать законченной.

ЛИТЕРАТУРА

Описания отдельных бурятских говоров см. в списке литературы к первой главе.

Описания других языков монгольской группы и работы по монгольскому сравнительному языкознанию см. в списке литературы ко второй главе.

ГЛАВА IV

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Научное изучение бурятского языка имеет за собою довольно долгий пройденный путь. Как изучение любого языка, изучение бурятского языка представляло собой известный практический интерес и в прошлом, но, конечно, совершенно иной, чем теперь.

Историю изучения бурятского языка нельзя отрывать от истории изучения группы монгольских языков в целом и, в частности, от истории изучения письменного монгольского языка. Изучение монгольского языка в прежней России началось уже довольно давно и вскоре же сделало очень большие успехи.

Это объясняется, прежде всего, большим политическим значением этого дела, так как Монголия всегда являлась пограничной с Россией страной, и значительная часть монгольских народностей всегда находилась в составе России, как например, буряты и калмыки. Если язык зарубежных монголов и монгольский письменный язык представляли большой интерес во внешнеполитическом отношении, то изучение бурятского языка диктовалось интересами миссионерской деятельности, имевшей своей целью путем навязания бурятам христианства, этим наивернейшим способом обрусить их. Для миссионеров монгольский язык представлял собою большой интерес уже очень давно. Еще в 1724 г. ведомство синода открыло в Иркутске первую в России школу монгольского языка. Эта школа (Иркутско-Вознесенская школа) просуществовала не долго и закрылась в 1739 г. Впоследствии в 1790 г. была открыта в Иркутске снова такая же школа, функционировавшая при местном народном училище, но и та просуществовала недолго и закрылась в 1794 г. В 1831 г. открывается русско-монгольская школа в Троицкосавске, а семью годами позже в Нерчинске, но обе они закрылись довольно скоро, так как были совершенно бесполезны, ввиду отсутствия квалифицированных специалистов среди преподавателей. Только после того, как изучение монгольского языка было перенесено в Казань и в Петербург, в тамошние университеты, оно начало быстро и успешно развиваться.

Но перейдем к изучению бурятского, а также монгольского письменного языка на территории Бурятии.

Не будет ошибочным утверждение, что на первых порах изучение бурятского языка, а также монгольского в Бурятии было полностью в руках миссионеров, пустивших в Бурятии корни уже очень давно. Так, еще в 1681 г. была основана церковная миссия в Забайкалье (Отчет о деятельности Забайкальской духовной миссии за 1881 г. в Трудах православных миссий Иркутской епархии, т. IV, Иркутск, 1886, стр. 421). В то время буряты, не только восточные, но и западные, еще совершенно не знали русского языка, так как обрусение их в ряде районов началось значительно позже. Поэтому миссионеры естественно старались сделать свои проповеди доступными бурятам, с каковою целью они делали попытки введения в проповедь монгольского языка, но тут пришлось столкнуться с тем затруднением, что большинство бурят, особенно западные, совершенно не понимали письменного монгольского языка. Так, например, священник Иннокентий Ливанов сделал попытку введения монгольских переводов в богослужение в Иркутской губ., но безуспешность этого дела была констатирована довольно скоро (Иркутская духовная миссия в 1873 г. Труды православных миссий Иркутской епархии, том III, Иркутск, 1885, стр. 91).

Местами эти попытки увенчались некоторым успехом, например в Селенгинском ведомстве, но и на востоке от Байкала приходилось постоянно сталкиваться с непониманием бурятами монгольского языка, например в Кударинском ведомстве. Впрочем, этому виною было не столько непонимание письменного языка, сколько громоздкость переводов, что отмечают сами деятели миссии (Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской православной миссии за 1873 г. Там же, стр. 103—104).

Особенное внимание миссионеры обращали на молодое поколение, обеспечение которого миссионерским школьным образованием являлось постоянной их заботой (там же, стр. 99). Из воспитанников этих школ должны были выходить естественно такие же миссионеры. Так например, мы узнаем, что в Посольском миссионерском училище обучался ряд мальчиков с целью подготовления их к миссионерской деятельности в качестве причетников, переводчиков и учителей (Отчет о Забайкальской духовной миссии за 1874 г. Там же, стр. 267).

Очень важным вопросом для миссионеров была организация переводов богослужебных книг на бурятский разговорный язык, а также издание букварей и различных других пособий. Так например, мы читаем, что

БИБЛИОТЕКА

начальник миссии «употребил старание о напечатании в местных епархиальных ведомостях поучения к новопросвещенным о святой православной христианской вере с переводом на бурятский разговорный язык» (имеются в виду Иркутские епархиальные ведомости за 1874 г. № 6. Труды православных миссий Иркутской епархии, т. III, Иркутск, 1885, стр. 356). Иркутским миссионерам шли на помощь их собратья по работе в Казани. Так например, в Казани академиком В. В. Миротворцевым был сделан опыт «научного перевода на разговорный язык одной вероучительной книги» со слов туземного переводчика, бывшего в Казани при начальнике миссии Я. А. Чистохине. Это перевод огласительной беседы: «учение перед принятием св. крещения» (там же, стр. 357). Это был первый опыт перевода при помощи туземного переводчика и имелся он в виду для забайкальских бурят. Этот перевод был признан удачным, для иркутских же бурят он был переделан, как мы узнаем, бурятом студентом Н. Болдоновым (Ему же принадлежит Русско-бурятский букварь. СПб., 1866). Местным иркутским миссионером, упомянутым Иннокентием Ливановым было составлено «поучение на молитву господню» с переводом на бурятский язык (там же, стр. 359).

Иркутские и забайкальские миссионеры все же не смогли самостоятельно издать особенно много переводов на бурятский язык и вынуждены были искать помощи в центре. Особенно много в этом отношении сделала для них переводческая комиссия при братстве св. Гурия в Казани, издавшая в 1878 г. «Учение о православной вере, изложенное в беседах с бурятами», часть статей которой была переведена в Иркутске местными миссионерами (Забайкальская духовная миссия в 1878 г. Труды прав. миссий Ирк. епархии, т. IV, Иркутск, 1886, стр. 24).

Как уже сказано, миссионерам оказали большую помощь бурятские же переводчики. Так, мы узнаем, что один крещеный лама Кужиртаевского дацана стал даже учителем бурятского языка в Читинском миссионерском училище (там же, стр. 301).

Несмотря на все это, вопрос о переводах всегда продолжал оставаться больным. Своих переводов явно не хватало и они приобретались в Казани и даже в Петербурге на складе Библейского дено английского миссионерского общества. Так например, в Трудах православных миссий Иркутской епархии, т. III за 1873—1877 гг. (Иркутск, 1885, стр. 358), мы находим указание, что на некую высланную сумму «г. Никольсон и К° послал в миссию 26 экз. нового завета и 4 экземпляра библии. Нелишне приобрести в складе 38 экз. нового завета и 710 отдельных частей священ-

ного писания». Этот же Никольсон был даже готов предпринять за счет английского общества новое издание, чтобы оно могло расходиться между бурятами и через караулы при посредстве миссионеров итти в соседнюю Монголию.

Одновременно с этим миссия находилась и в обладании своих переводов, сделанных архиепископом Нилом и протопереем Доржиевым. Но книги эти, «с трудом понимаемые бурятами различных ведомств, говорящими особыми наречиями, по неприемлемости ни к одному из них, могут быть небесполезными, однако же, для домашнего употребления и для соображения при новых переводах» (там же, стр. 358).

Другим больным вопросом миссионерской практики был вопрос о кадрах. Квалифицированных знатоков бурятского языка не было. Приходилось посылать миссионеров учиться даже в Петербург и приглашать на разные миссионерские должности окончивших Петербургский университет. Так, в 1868 г. в состав миссии был прикомандирован «обучавшийся монгольскому языку при Санктпетербургском университете рясофорный монах Исидор Черняев», уехавший, однако, вскоре обратно, так как ему не подошли условия (Тр. прав. миссий Вост. Сибири, т. II, Иркутск, 1884, стр. 12). Затем, известны также неоднократные посылки молодых людей в Петербург с целью изучения монгольского языка, например, однажды были отправлены шесть учеников в духовную академию, но вернулись они с плохим знанием языка (там же, стр. 190).

В своей деятельности миссионеры сталкивались естественно с яростным сопротивлением населения. Местами, как, например, в Баргузинском стане, население при появлении миссионеров просто бежало, что отмечают в своих отчетах сами миссии (Тр. прав. миссий Ирк. епархии, т. III, 1873 г., Иркутск, 1885, стр. 108). Избегало оно также крещеных одноплеменников своих.

О причинах этого можно не спрашивать, так как они ясны сами собою. Любопытно по этому поводу спросить самих миссионеров: «Что же за причины таких враждебных отношений язычников к крещеным инородцам, когда сами они и по убеждениям и по благоговению к христианской вере почти христиане?», спрашивает миссионер. «Ответ на это слышится в тех буйных восклицаниях, которыми сопровождалось побоище ханхасыковых: До вас у нас в улусе не было крещеных собак. На смерть бейте их, чтобы не было у нас собак крещеных! Сущность дела в том, что все крещеные инородцы называются и делаются русскими; допускать в среду свою крещеных, все равно, что допускать русских. Следовательно, это фана-

тизм не религиозный, а скорее национальный... Понятно, что допускать в свою среду чужих, какими они считают крещеных, значит давать случай к обнаружению злоупотреблений, особенно, если еще миссионер человек энергический и не даст своих в обиду при темных поборах» (Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1874 г. Тр. прав. миссий Ирк. епархии, т. III, стр. 194). Вот где причины этого — боязнь доносов со стороны миссионеров и репрессий, которые должны были за ними последовать! Прекрасное признание, поражающее своей неприкрытостью!

В общем, миссионерами на бурятском языке было издано все же довольно много. Хотя все эти переводы и очень плохи и отличаются своим исключительно искусственным и малопонятным для бурят языком, они все же имеют некоторое значение как текстовой материал, как образчики бурятского языка и притом западно-бурятского наречия. Перечислять их здесь нет особой надобности, так как они могут быть интересными лишь для каких-нибудь очень специальных целей. Несмотря на свою многочисленность, эти переводы не смогли достигнуть своей цели, и западные буряты в главной массе остались шаманистами и не обрусели. А целью миссионеров была как раз руссификация. Они неприкрыто говорят об этом сами. Достаточно привести такой отрывок: «Наконец, самым надежным и для настоящего и будущего поколения средством к утверждению в вере и жизни христианской сибирских инородцев всегда служили и будут служить оседлое водворение и введение между ними русского быта... В прежнее время новокрещенных нарочно поселяли деревнями в избранных ими самими местах с наделом по 30 десятин на душу. Таким образом, за крещением непосредственно следовало оседлое водворение и полное обрусение» (Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1874 г. Тр. прав. миссий Ирк. епархии, т. III, стр. 227), или следующее заявление: «Впрочем миссионер с утешением замечает, что возможность скорого обрусения бурят не подлежит сомнению» (Иркутская духовная миссия в 1875 г. Там же, стр. 331).

Кроме богослужебных книг, на бурятском языке миссионеры пытались издавать и составлять также пособия и, в частности, грамматики бурятского языка более серьезного характера. Так например, архимандрит Епифаний (ум. в 1869 г.), происходивший из римско-католических дворян, имевший блестящее образование и получивший звание магистра философии Киевского университета, сделал перевод грамматики Кастрена на русский язык, дополнив ее своими замечаниями, с тем, чтобы грамматика эта в рукописном хотя бы виде распространялась среди миссионеров

(Иркутская духовная миссия с 1861 по 1870 г. Тр. прав. миссий Вост. Сибири, т. II, стр. 175).

Составлялись миссионерами также самостоятельные труды по грамматике бурятского языка. Такова, например, грамматика бурятского языка протоиерея А. Орлова (Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878). Труд этот при всех его недостатках заслуживает большого внимания, являясь первым более или менее полным трудом по грамматике бурятского языка на русском языке. Как все миссионеры, Орлов пользуется русской транскрипцией и, нужно признаться, транскрипция его сравнительно не очень неточна. Довольно хорошо разработаны морфология и даже синтаксис, что является большим шагом вперед по сравнению с большинством грамматик предшествующих авторов. Хотя труд этот и был предназначен, в первую очередь, для миссионеров (ср. посвящение автора «Во славу православной церкви божией и в пользу иркутской и забайкальской духовных миссий»), она, при тогдашнем состоянии науки, представляла собою несомненно значительный интерес. Этим объясняется, что на труд Орлова последовала научная критика известного монголиста А. М. Позднеева (Журн. Мин. нар. просв. за 1879 г., № 12, стр. 170 и сл.). Критика Позднеева является очень резкой и, нужно признать, справедливой. Особенно наивны и в большинстве случаев совершенно неверны положения Орлова в области фонетики. Орлов, повидимому, не согласился с резкой критикой рецензента и поместил ответ на нее (Ответ на неблагоприятный отзыв о составленной мною грамматике монголо-бурятского разговорного языка. Ирк. епарх. вед. № 48—51 за 1881 г. и № 2 за 1882 г.; Как я думаю о критике на мою грамматику монголо-бурятского разговорного языка. Ирк. епарх. вед. за 1880 г. № 29).

Более приближающимися к типу обычных лингвистических описаний являются работы священника И. А. Подгорбунского. Таковы его «Материалы для грамматики разговорного бурятского языка. Несколько заметок о глаголе в бурятском языке». (Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XLI, 1911, стр. 40—115), «Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов» (Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XLI, 1911, стр. 10—39) и его «Русско-монголо-бурятский словарь» (Иркутск, 1909).

О первых двух работах нужно заметить, что они были написаны с учетом работ Кастрена и Рамстедта, тем не менее, они не представляют собою шага вперед по сравнению с ними. Что же касается словаря Подгорбунского, то он подвергся довольно резкой критике со стороны бурятского

ученого профессора Г. Ц. Цыбикова (ум. в 1930 г. См. Отзыв о книге И. А. Подгорбунского «Русско-монголо-бурятский словарь.» Иркутск, 1909, стр. VI + 340. Цена 2 руб. в 1-м вып. Изв. Вост. Инст., XXIX т. Владивосток, 1909).

Словарь этот действительно страдает серьезнейшими недостатками, к которым, прежде всего, относится весьма неточная транскрипция, смешение долгих и кратких гласных и не совсем точное значение слов, не говоря уже о громадном количестве опечаток, из которых автором оговорены лишь немногие. Таким образом, этим трудом, предназначенным для практических целей, в действительности, почти нельзя пользоваться.

Оставляя в стороне работы миссионеров в области изучения бурятского языка, переходим теперь к светской части исследователей бурятского языка.

На изучение бурятского языка было обращено внимание очень давно также со стороны административного аппарата царской России. Изучение бурятского языка велось, таким образом, с двух сторон: с одной стороны — миссионерами, с другой стороны — лицами, непосредственно подчиненными администрации края. В конечном итоге и те и другие делали одно и то же дело — с разных сторон воздействуя на буряг, преследуя цель их полного и безоговорочного закабаления и обрусения.

Повидимому, древнейшую попытку собрать некоторый материал по бурятскому живому языку сделал иркутский дворянин Иван Чемесов, составивший небольшие списки бурятских слов, озаглавленные: «Иркутской губернии перевод брацкого языка. Подлинный переводил иркутский дворянин Иван Чемесов в 1773 г.» и «Перевод разговора брацких иноверцев иркутского уезду», хранящиеся в бумагах Аделунга в рукописных собраниях Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. Ко времени собирания этих материалов относятся также слова и мелкие фразы на селенгинском наречии, собранные при посредстве Иркутского губернатора Клички около 1779—1780 гг. В то время, к которому относятся эти материалы, пробудился большой интерес к бурятскому языку в связи с грандиозным предприятием издания сравнительного словаря всех языков, начатого при поощрении со стороны Екатерины II. Словарь этот вышел в свет под редакцией известного путешественника и исследователя Палласа (Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. Ч. I, СПб., 1787, ч. II, СПб., 1789). В этом сравнительном словаре содержится довольно значительное количество бурятских слов. Несмотря на неточную транскрипцию и множество совершенно

искаженных слов, материал этот заслуживает некоторого внимания и теперь. В частности, на основании этого словаря можно установить, что за время, истекшее с момента издания его, бурятский язык не претерпел особенно резких изменений в своем звуковом составе.

До сих пор мы говорили об исследовании бурятского языка лицами, не имевшими специальной лингвистической подготовки. Это были миссионеры и толмачи административных органов Сибири. Велись эти исследования, как сказано, кустарными способами и наукообразных работ среди них мы почти не находим.

Но, наряду с такими кустарями, доморощенными языковедами, существовали также представители официальной науки, лингвисты по образованию и ученые по профессии. Многие из них субъективно не являлись ни миссионерами, ни агентами царских обрусителей-чиновников, но объективно они служили тому же самому делу духовного и материального порабощения бурятских масс. Достаточно напомнить, что такая, казалось бы совершенно аполитичная, научная работа, как грамматика Кастрена, была ведь переведена на русский язык миссионерами и использовалась ими в своих целях. И понятно, что в своих исследованиях такие представители академической науки, университетские профессора и т. д. встречали материальную поддержку со стороны властей, получали средства на поездки и печатание своих трудов, так как в конечном итоге выполняли социальный заказ господствующего класса царской России.

Говоря о лингвистах-бурятоведах по профессии, представителях академической науки, нужно в первую очередь начать с Кастрена. Этот действительно гениальный лингвист, на много десятилетий опередивший тогдашнюю стадию изучения языков, дал блестящий труд по бурятскому языку, первый подлинно научный труд по живому разговорному языку бурят. С бурятами Кастрен впервые столкнулся в 1848 г. в Нижнеудинске во время своего большого путешествия по Сибири в 1845—1849 гг. Там он сделал ряд ценных наблюдений над речью тамошних бурят и впоследствии посетил селенгинских, кударинских и хоринских бурят. Результатом этих исследований явилась его знаменитая грамматика бурятского языка (M. Alexander Castrén's Versuch einer Burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. St. Petersburg, 1857), изданная, как все работы Кастрена, уже после его смерти академиком Шифнером. К грамматике приложен небольшой словарь.

К достоинствам этого труда относится прежде всего очень точная транскрипция. В частности, Кастрен прекрасно различает пресловутые *ө*

и *у*. Что касается морфологической части труда Кастрена, то она представляет собой идеальную сводку его данных по морфологии всех бывших ему известными говоров, являясь как бы грамматикой бурятского языка в целом, а не одного какого-либо говора. Это же обстоятельство является до известной степени минусом ее, так как Кастрен недостаточно оттеняет специфические особенности отдельных говоров. Труд Кастрена явился основой для всего дальнейшего научного изучения бурятского языка и, как правильно отмечено в статье, посвященной его памяти, как монголиста, дальнейшие работы, последовавшие за ней непосредственно, явились все шагом назад в науке, и не скоро буряговеды сумели подняться на ту ступень, на которой стоял Кастрен (см. Б. Я. Владимирцов. Кастрен — монголист. Сб. памяти М. А. Кастрена к 75-летию дня смерти. Л., 1927, стр. 92) и особенно это справедливо, например, в отношении упомянутой грамматики Орлова, навлекшей на себя очень суровую критику со стороны Позднеева, а также и работам Подгорбунского. Это тем более замечательно, что у всех позднейших исследователей был уже прекрасный в тогдашних условиях образец исследования бурятского языка Кастрена, за которым еще в 1877 г. вышла в свет грамматика бурятского языка Балинта (Bálint, Gábor. Az éjszaki burját-mongol nyelvjárás rövid ismertetése. Nyelvtudományi Közlemények XIII. Budapest, 1877, стр. 169—248).

Последняя, правда, написана на венгерском языке, и потому является мало доступной.

Относительно Позднеева, раз зашла речь о его критике грамматики Орлова, следует заметить, что этот крупный для своего времени монголист специально бурятским языком лично почти не занимался и исследований бурятского языка не производил. Единственной работой Позднеева, имеющей отношение к бурятскому языкознанию, кроме упомянутой его рецензии на книгу Орлова, является его исследование устного творчества монгольских племен, в котором даются, между прочим, также записи бурятских песен (А. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1, СПб., 1880). Исследование это, однако, имеет гораздо большее значение как литературоведческое, чем лингвистическое, хотя бы в силу весьма неточной, грубой транскрипции.

Из книг, имеющих чисто практическое значение, следует, впрочем, отметить книжку, изданную Н. Волошиновым «Монголо-бурятский переводчик» (СПб., 1891), составленную, как отмечает издатель, Позднеевым. Нужно, однако, заметить, что в этом «переводчике» значительно больше отражен монгольский язык, чем бурятский. Другим практическим пособием

по бурятскому языку является словарик А. В. Старчевского (Проводник и переводчик по окраинам России, заключающий в себе 24 языка. СПб., 1888), где со страницы 109 начинается бурятский.

Особенно большие успехи бурятское языкознание сделало в первом десятилетии нашего столетия.

В начале нашего столетия монгольское языкознание в целом сделало большие успехи. В частности, было окончательно поставлено на должную высоту исследование живых монгольских языков, к которому впервые были применены современные методы языкознания. И если раньше исследование живых монгольских языков привлекало к себе внимание лишь единичных исследователей, то теперь изучение живых языков и их наречий на некоторое время стало доминирующим в монгольском языкознании. Эта новая эра в истории монгольского языкознания всецело связана с именем финляндского ученого Рамстедта, начавшего свою монголоведческую деятельность с исследования калмыцкого и халхаского языков. Рамстедт впервые применил к этим языкам методы точного фонетического описания и, не ограничиваясь одними очерками отдельных наречий, занялся также собиранием записей рассказов, песен и другого фольклорного материала. Рамстедта можно смело назвать основателем монгольской диалектологии и учителем в этой области всего последующего поколения монголистов-языковедов. Специально бурятским языком он не занимался, но его исследования халхаского языка имеют большое значение для изучения бурятского языка, многие явления которого сходны с явлениями халхаского языка.

Ближайшим последователем и учеником Рамстедта в этой области был Руднев, впервые применивший новые методы лингвистических исследований к изучению бурятского языка. В этом отношении Руднев может рассматриваться как основоположник бурятской диалектологии, как первый исследователь, применивший новые методы языкознания к изучению живого разговорного бурятского языка.

Занятия бурятским языком Руднев начал еще в самом конце прошлого столетия, когда в 1898 г. он начал свои занятия с хоринскими и селенгинскими бурятами в Гусино-озерском дацане.

В последующие годы он неоднократно вел занятия с бурятами в различных дацанах Забайкалья.[1] Вплотную Руднев подошел к изучению бурятского языка уже в 1911 г., когда ему представился случай регулярно за-

[1] См. А. Д. Руднев. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911, стр. XXI — XXIII.

ниматься с одним приехавшим в тогдашний Петербург с целью учиться мальчиком-хоринцем. Результатом этих занятий явилось исследование «Хори-бурятский говор» (Опыт исследования, тексты, перевод и примечания. Вып. 1—3. П., 1913—1914). Работа эта, имеющая несомненные достоинства, страдает также рядом довольно крупных недостатков. Самым главным является тот, что в основу ее положен индивидуальный говор одного лица. Хотя Руднев и использовал при составлении своего труда всю совокупность своих сведений о бурятском языке, тем не менее, как он сам говорит, в основу исследования положен говор его единственного объекта изучения. Кроме того, и это самое главное, исследования эти велись не на месте в Бурятии, но в Петербурге, что затрудняло и делало даже невозможной проверку материала привлечением других данных, не говоря уже о том, что исследования языка вообще рекомендуется вести, так сказать, в его естественных условиях, на месте, в соответствующей национальной среде. Из других дефектов этой работы следует отметить слишком упрощенную транскрипцию. Правда, простая транскрипция иногда является известным преимуществом, особенно, когда исследователь задается целью установить лишь основные факты данного языка как такового, не прибегая к сравнению данного наречия с другими; зато, когда в перспективе имеется, в дальнейшем, сравнительное исследование его с другими наречиями, желательно применение более точной транскрипции, которая дает возможность передать даже мелкие отличия в произношении сравниваемых наречий. Чрезвычайно крупным недостатком является и то, что автор все время исходит в своем исследовании из данных письменного монгольского языка. Этим и объясняется тот факт, что Руднев отмечает, главным образом, лишь то, что бросалось ему в глаза при сравнении хоринского говора с письменным языком. Этим объясняется и чрезвычайная неполнота его данных по морфологии, в области которой он отметил почти исключительно одни только эквиваленты письменных форм, оставив без внимания засвидетельствованные в его текстах такие формы, которые письменному языку чужды. Поэтому его исследование хоринского говора является очень неполным и отражающим, главным образом, лишь то, что было уже известно по данным письменного языка. Хоринский говор как таковой, безотносительно к письменности, повидимому, для Руднева не существовал. Особенно показательными являются тезисы Руднева к этому исследованию, являющемуся его диссертацией, в которых только и говорится о письменном языке и о том, что соответствует в хоринском говоре. Характерные же особенности последнего, независимо от того, что представляет собою письменный язык монголов, почти не получили ни-

какого отражения в тезисах. Но, повторяю, особенно вредным было его обобщение данных его сведений, почерпнутых у одного лица, на весь хоринский говор в целом.

Рудневым был опубликован в числе его материалов значительный фольклорный материал. На нем он и строил свое исследование, совершенно не касаясь обыденной речи хоринцев. Между тем, ведь, известно, что язык фольклорных произведений всегда отличается от обыденного разговорного языка, представляя собою или язык более архаичный, или изобилующий различными поэтическими оборотами, несвойственными живому языку. Руднев этого не учел, и поэтому его исследование хоринского говора правильнее всего будет назвать исследованием языка сказок в индивидуальной передаче одного лишь рассказчика, родом хоринца.

Как бы то ни было, труд Руднева имеет большое значение. И теперь еще, это единственное исследование хоринского говора, которым мы располагаем.

Как сказано, Руднев для своего исследования использовал свои записи фольклорных произведений. В начале нынешнего столетия собирание произведений устного творчества бурят вообще уже сделало большие успехи. Здесь на первом месте необходимо упомянуть деятельность Ц. Ж. Жамцарано. Лингвистических задач Жамцарано себе не ставил и целью его было собирание фольклорных материалов и специально эпических произведений бурят. Жамцарано начал свое собирание этих произведений в 1903 г. и в течение ряда лет собрал огромное количество различных эпических сказаний, песен и других фольклорных материалов. Собрание это представляет собою совершенно исключительную ценность и выдвигает собирателя в первый ряд выдающихся деятелей в этой области.

Часть его собраний уже опубликована в серии «Образцы народной словесности монгольских племен», занимая первые два тома (первый вышел в свет в 1918 г., второй — 1931 г. в издании Академии Наук).

Не являясь лингвистом, Жамцарано делал записи в менее точной транскрипции, чем это принято у языковедов. Тем не менее, его материалы представляют собой большую ценность и для лингвистов, как образцы поэтического былинного и песенного языка, различными поэтическими оборотами, синтаксисом, в отношении морфологии, и своим совершенно исключительным богатством словарного материала.

Жамцарано, к сожалению, не дал никакого исследования собранного материала, не исследовал их как литературные памятники, и не дал даже перевода их, что затрудняет пользование ими со стороны лиц, незнакомых

практически с западным наречием, которое особенно богато представлено в его записях. Так как в подобного рода произведениях, особенно эпических, встречается много слов и выражений, несвойственных обыденному языку, и потому неизвестных даже большинству западных бурят, отсутствие перевода, или хотя бы объяснения редких слов, является крупным пробелом, совсем заполнить который, может быть, и не удастся другим исследователям.

Почти одновременно с Жамцарано собирательскую работу вел также бурятский ученый Б. Б. Барадин. Последний имел лингвистические интересы и некоторую часть своих записей использовал как иллюстративный материал в своей работе, посвященной вопросу латинизации бурятской письменности, вышедшей в свет еще в 1910 г. (Б. Барадин. Отрывки из бурятской народной литературы. СПб., 1910). О ней придется поговорить еще дальше.

Империалистическая война и последовавшая за ней гражданская война в Сибири и Забайкалье на некоторое время прервала изучение бурятского языка и собирание материалов по его наречиям. Лишь несколько лет спустя после образования БМ АССР работа эта была возобновлена и продолжена дальше.

Вопросы языкознания после Октябрьской революции приобрели в СССР совершенно особое и, можно даже сказать, исключительное значение. Если раньше языкознание косвенно, а подчас и прямо, служило национальному угнетению и состояло на службе у господствующего класса капиталистической и помещичьей России, то после Октябрьской революции с момента, когда начало развертываться социалистическое строительство и был провозглашен лозунг культурной революции, языкознание смогло стать одним из орудий социалистического строительства и культурной революции, поскольку перед ним стал ряд неотложных практических задач, как например создание письменности для народов, не имевших ее вовсе, или имевших очень несовершенную письменность. Отсюда вытекала необходимость скорейшего изучения и исследования этих языков, являвшихся в большинстве своем неисследованными. Этим объясняется тот интерес, который был вскоре же проявлен отдельными национальными республиками к изучению и исследованию соответствующих национальных языков.

Октябрьская революция отразилась не только в том, что выдвинула новые задачи в области языкознания, но отразилась, естественно, и на методе и характере всей работы. Если раньше ставка делалась на литературные языки, являвшиеся языками господствующего класса, то теперь

в центре внимания оказались живые языки и наречия, язык трудящихся масс той или иной народности. Вместе с тем, естественно, предъявлялись требования, чтобы подобного рода исследования были закончены в возможно короткий срок, так как ждать с созданием письменностей было невозможно. Встал вопрос о темпах работы. Отсюда — коллективность работы, оправдываемая еще тем, что в осуществлении таких коллективных работ в ряде случаев ценной являлась также консультация экономистов и других специалистов, поскольку невозможно отрывать лингвистическое изучение того или иного района от проблемы его экономического и индустриального развития. Этим объясняется, что вместо единоличных поездок специалистов в районы лингвистических исследований после Октябрьской революции мы видим в Бурятии почти исключительно целые лингвистические экспедиции на средства центра и местных организаций.

Вопрос о кадрах, так остро стоящий во всех областях нашего строительства, отразился в этих работах в виде постоянного и непременного участия в экспедиционных исследованиях молодых, начинающих научных работников, аспирантов, а иногда и студентов, и притом, как правило, представителей самих бурят-монголов.

Впервые после Октябрьской революции лингвистические исследования на территории Бурят-Монгольской АССР были предприняты в 1928 г. на совместные средства Академии Наук и Бурят-Монгольского ученого комитета. Согласно плану работа должна была начаться в западных аймаках Бурят-Монгольской АССР и впоследствии она должна была перенестись и на восток.

Плановость этих исследований является также одной из особенностей послеоктябрьских исследований в области языкознания, отличающая их от дореволюционных, когда районы исследований выбирались произвольно, причем в выборе их лингвисты руководствовались исключительно соображениями личного характера. Исследования 1928 г. коснулись говоров бурят нижнеудинского района и Аларского аймака.[1] В районе Нижнеудинска наблюдения вел в течение первой половины лета 1928 г. Г. Д. Санжеев, опубликовавший результаты своих исследований в специальной статье «Фонетические особенности говора Нижнеудинских бурят» (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 8, 1930 г.).

[1] Н. Поппе. К изучению бурятских говоров. Жизнь Бурятии 1928, № 10—12, стр. 94 и сл.

В течение второй половины того же лета Санжеев вел наблюдения над языком унгинских бурят, среди которых им было собрано значительное количество произведений устного творчества, главным образом, эпических. Эти материалы остались пока неопубликованными. Языком бурят, собственно аларских, т. е. бурят на территории прежней Аларской думы, занимался автор настоящей книги. Эти наблюдения вылились в исследование фонетики и морфологии аларского говора и результаты были опубликованы в 1930 г.[1] Им же было собрано некоторое количество записей эпических произведений аларских бурят, опубликованных в качестве иллюстративного материала к названной работе — второй частью ее.[2]

Нужно отметить, что небольшое количество фонетически довольно точных записей образцов устных произведений аларских бурят было сделано несколько раньше аларским бурятом Санжеевым, опубликовавшим небольшое собрание песен аларских бурят.[3]

В итоге названных работ можно считать говор аларских бурят изученным очень основательно и едва ли можно предполагать, чтобы дальнейшие исследования могли к этому прибавить что-либо существенное.

К этим экспедиционным исследованиям говора аларских бурят необходимо прибавить еще наблюдения, ведшиеся над его особенностями представительницей аларских же бурят А. П. Боржоновой, тогда еще студенткой Иркутского государственного университета, впоследствии научной сотрудницей Института культуры Бурят-Монгольской АССР.

Боржонова выбрала очень интересную тему — вопрос о взаимодействии западно-бурятского наречия (точнее, ее родного аларского говора) и русского языка. В общем ее статьи (О взаимоотношениях бурят и русских. Бурятоведческий сборник. Вып. II, Иркутск, 1926; К вопросу о влиянии русского языка на бурятский, там же, вып. III—IV, Иркутск, 1927) для начинающего научного работника, каковым был тогда автор их, не плохи. Главным недостатком их является некоторая односторонность их, в результате которой создается у читателя впечатление, что западные буряты до того обрусели, что едва ли возможна вообще какая-либо помощь делу поднятия их языковой культуры. Эта точка зрения довольно опасная и вредная, поскольку вырывает почву из-под мероприятий по внедрению национальной письменности к западным бурятам.

[1] Н. Н. Поппе. Аларский говор. Ч. I, вып. 11 назв. выше серии, Л., 1930.
[2] Аларский говор. Ч. II, Л., 1931, вып. 13 названной выше серии.
[3] Г. Санжеев. Песнопения аларских бурят. ЗКВ, т. III, Л., 1928.

Экспедиционные исследования бурятского языка были продолжены в 1929 г., когда Санжеевым был обследован в лингвистическом отношении Окинский край, а студентом Ленинградского института восточных языков А. К. Богдановым велись наблюдения над говором бурят острова Ольхона и в Еланцинском районе.

Автор этих строк тогда находился в Монголии и лично в этих работах не участвовал, ограничившись лишь инструкциями и различного рода указаниями названным участникам экспедиции, снаряженной опять на совместные средства Академии Наук и Ученого комитета. Сам он, находясь в Монголии, имел возможность изучать наречие баргу-бурят Хулун-Буирского округа, представителей которого он встретил в Монголии. Материалы 1929 г. остались по причинам финансового характера неопубликованными, несмотря на их большое значение. Так, например, Санжеевым было сделано весьма богатое собрание эпических произведений окинских бурят, а Богданов собрал очень много былин, сказок и песен среди ольхонских бурят. В следующем 1930 г., преобразованный в Институт культуры Бурят-Монгольской АССР, Ученый комитет снарядил опять на совместные средства с Академией Наук экспедицию в Агинский аймак.[1]

Руководил ее работами опять автор настоящей книги. Участниками этой экспедиции были упомянутая А. Н. Боржонова, тогда уже секретарь лингвистического отдела Института культуры, и практикант студент Иркутского университета Т. В. Баханов. В результате этой экспедиции, работавшей в Агинском, Хойто-Агинском, Урда-Агинском, Куйкурском, Будалан-Ульском, Цаган-Ульском и Хара-Шибирском сомонах, был выяснен характер говоров агинских бурят, входящих, как оказалось, в группу говоров хоринских бурят. Было установлено также, что язык агинских бурят не однороден и что там наблюдаются различные мелкие подговоры. Была установлена фонетическая система их. Важным явился факт действительного неразличения агинскими бурятами, как и хоринскими, звуков *ү* и *ө*. Велись также наблюдения над словарным запасом и семантикой. В качестве совершенно новой проблемы был поставлен вопрос о классовых говорах, в частности, наблюдения велись над языком шаманов и ламства. Материалы этой экспедиции сданы в печать, но в момент написания этих строк еще не выходили в свет.

1931 г. принес много нового делу изучения бурятского языка. Прежде всего, в этом году была окончательно проведена латинизация письменности

[1] Н. Н. Поппе. Новые исследования бурят-монгольского языка. Жизнь Бурятии 1930 г., № 5—6, стр. 100 и сл.

и состоялась весьма важная, имевшая решающее значение, конференция по латинизации в Москве. Различные ненормальности в области латинизации и оформления нового литературного языка, вылившиеся в сугубую халхасизацию, о которой говорится в соответствующей главе, дальше привели к обследованию всего этого дела со стороны бригады Обкома ВКП(б), вынесшего известное постановление, согласно которому в основу нового литературного языка должно быть положено наречие селенгинских бурят. Таким образом, в порядок дня было поставлено исследование селенгинского наречия. Здесь лингвистические исследования были поставлены уже прямо на службу латинизации. Работами этой экспедиции опять руководил пишущий эти строки. В качестве его сотрудников в работе экспедиции участвовали аспирант Т. А. Бертагаев и секретарь Бурят-Монгольского комитета нового алфавита Ц. Будаев, селенгинский бурят. Участие последнего было особенно ценным, так как оно обеспечивало увязку всей этой работы с практическими вопросами орфографии. Эта экспедиция отличалась от предыдущих не только теми задачами, которые были перед ней поставлены, но и методами, которые были впервые применены. Если раньше упор делался, главным образом, на собирание фольклорного материала, притом особенно эпических произведений, далеко не всегда отражавших подлинную живую речь, то теперь работа велась исключительно в колхозах и коммунах Селенгинского аймака, где записывались новые термины, выявлялся словарный запас, особенно новые слова и термины колхозного строительства, политические и т. д. и делались записи рассказов из действительной жизни, тексты на чисто разговорном языке на темы организации колхозов, их истории, рассказы о событиях гражданской войны, автобиографии колхозников и т. д. Попутно записывались, конечно, и сказки, а также былины и особенно песни, среди которых преобладающее большинство составляют новые песни, революционные, интересные новыми словами и выражениями. Особенно ценными явились наблюдения над смешением говоров и над становлением нового языка колхозов на основе всех тех говоров, на которых говорили и говорят члены их, собранные в артели и коммуны из разных местностей. Материалы этой экспедиции легли в основу тех докладов, которые были сделаны на состоявшейся по окончании ее лингвистической дискуссии, устроенной Институтом культуры, на которой были подведены итоги всему достигнутому в области исследования бурятских говоров и создания письменности, и особенное внимание было уделено критике тех ошибочных теорий, которыми руководились при проведении мероприятий, связанных с латинизацией.

Наконец, в 1932 г. экспедиция под руководством пишущего эти строки в составе Л. Ч. Гомбоина и А. М. Хамгашалова обследовала Баргузинский аймак и значительную часть Эхрит-Булгатского аймака, а Т. А. Бертагаевым велись наблюдения в Боханском аймаке.

На этом можно было бы считать очерк истории изучения бурятского языка законченным, поскольку мы подошли к самому последнему этапу ее. Но он был бы неполон, если бы мы не коснулись работ, выходящих за пределы голых описаний отдельных говоров. Существуют кроме них также работы более широкого характера, в которых бурятский язык исследуется сравнительно с другими монгольскими языками, а также работы, подводящие теоретические основы под дело создания новой письменности.

Вопросов сравнительного языкознания приходилось касаться почти всем авторам упомянутых исследований отдельных говоров, начиная с Руднева. В своем исследовании хоринского говора он широко пользуется сравнением данных хоринского говора с таковыми письменного монгольского языка. Основным дефектом этой работы является полный отрыв хоринского говора от других, что объясняется малым знакомством с ними автора ее. Отсюда — сравнения с одним лишь письменным монгольским языком. К этому нужно прибавить, что автор этой работы ограничивается лишь констатированием таких-то соотношений, вопросов же происхождения тех или иных явлений он совершенно не касается. Сравнительному изучению бурятского языка и других много места уделяется и в работе об аларском говоре автора настоящего очерка. В этой работе много внимания уделяется сравнительному изучению аларского говора и других говоров бурятского языка, что ставит ее выше работы Руднева, но не делает все же свободной от недочетов, о которых придется поговорить ниже.

Самым большим и полным трудом по сравнительному изучению монгольских языков является капитальный труд Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика» (Л., 1929).

Ко времени написания этого труда сравнительное изучение монгольских языков сделало уже очень большие успехи и автор смог использовать как свои обширные знания и ценные работы и собранные им, но не опубликованные, сырые материалы, так и работы других исследователей.

Обращаясь к этому капитальному труду, следует заметить, что акад. Б. Я. Владимирцов лично бурятским языком не занимался и был знаком с ним лишь по чужим работам. Бурятскому языку в своем труде он уделяет внимание лишь постольку, поскольку и приводит бурятские формы лишь

как соответствия обсуждаемых им халхаских и письменно-монгольских форм. Ввиду того, однако, что многие явления бурятского языка представляют собою то же, что мы наблюдаем в халхаском языке (ср. например, соответствия долгих гласных комплексам звуков в письменном типа халхасского и бурятского *ūla* (uula) = письменному *ayula*), устанавливаемые акад. Владимирцовым законы и правила оказываются одинаково действительными и для бурятского языка.

В общем, о труде акад. Владимирцова можно было бы сказать очень много положительного. Этого даже слишком мало, так как труд этот является безусловно выдающимся, потому что это действительно первый капитальный труд в области сравнительной грамматики языков монгольской группы.

Так как настоящая книга ставит своей задачей помочь критически разобраться в существующей литературе по бурятскому языкознанию, здесь необходимо, в первую очередь, остановиться на недочетах обсуждаемых работ. Поэтому следует, прежде всего, указать также на недочеты и слабые стороны этого труда.

Основным недостатком работы акад. Владимирцова является то, что он склонен все данные письменного монгольского языка считать более древними, а особенности живых языков явлениями более позднего характера. Древнейшей стадией развития монгольского языка, вернее всех языков монгольской группы и их наречий, он признает ту, которую являет нам письменный язык. Хотя во многих случаях он и прав, в этом отношении он все же впадает в крайность в решении вопроса, что древнее и что новее, данные ли литературного языка, или данные живых языков, и обычно склоняется в пользу отнесения данных литературного языка, засвидетельствованных в старых памятниках, к категории более древних явлений. По труду акад. Владимирцова выходит, что бурятский язык везде и всюду является дальнейшей стадией развития того, что дает нам письменность. Но мы знаем, что письменный монгольский язык является, прежде всего, не языком всех древних монголов, но лишь языком письменности определенного класса одной из монгольских народностей эпохи около XII—XIII ст. нашей эры. Наряду с ним сосуществовали наречия и живые языки разных монгольских племен, несомненно неоднородных. И интересно отметить, что в ту эпоху уже мы находим названия некоторых нынешних монгольских и бурятских племен, что свидетельствует о том, что племена эти уже и тогда существовали и несомненно обладали своими особыми языками. Языки эти остались бесписьменными и племена-носители их продолжали и впоследствии стоять на

очень низкой ступени культуры и, более чем вероятно, что и в языках их должны были сохраниться также очень древние элементы, часто более древние, чем в языке письменности, культивировавшейся в более передовой в культурном отношении среде. Поэтому далеко не все, что мы находим в бурятском языке является новым, и, несомненно, в нем сохранились многочисленные архаичные элементы. Ряд положений, выдвинутых в названном труде, является поэтому в противоречии с действительностью, и доказать это не трудно рядом примеров. Говоря на стр. 216 о слове письменного языка *kögerge* «мост», автор считает, что форма именно с этой огласовкой является более древней, из которой получилось западно-бурятское *xӯrge* (kyyrge). Однако, в арабско-монгольском словаре XIV ст. Ибн-Муханна мы встречаем форму *kewürge*, которую мы находим еще в словаре Юаньской эпохи Хуа-и-и-юй (ср. там *ke'ürge*). С другой стороны мы знаем, что письменно-монгольскому *ögе* в бурятском никогда не соответствует *ӯ* (уу), но всегда лишь *ө* (өө). Таким образом, более древним прототипом бурятского *xӯrge* является *kewürge* или *kegürge*, но не *kögerge*, и письменно-монгольская форма, являющаяся вариантом ее, в основе бурятской не лежит.

Другим примером является западно-бурятское (аларское) *zaʔā* (zariaa) 'еж', которому в письменном соответствует *žaraγa*; последнее тоже не является более древним прототипом бурятской формы, ибо в чагатайско-монгольском словаре Мукаддимат-ал-Адаб XIV ст. мы тоже встречаем форму *žarija* с *i*, как в бурятском. Вообще, многие бурятские формы, как оказывается, значительно более древни, чем это представляется на первый взгляд.

Исходя из положения, что письменный язык являет нам более древнюю стадию, чем живые языки, акад. Владимирцов склонен все формы письменного языка считать праязыковыми, т. е. принадлежащими языку, от которого произошли все живые монгольские языки. О праязыковой теории в своем месте будет сказано, здесь же можно заметить, что язык монгольской письменности является языком одного лишь класса одной народности, наряду с которым существовали еще языки других классов и других народностей, которые не от него произошли.

В объяснениях происхождения тех или иных явлений живых языков акад. Владимирцов делает иногда попытку объяснить те или другие изменения в языке причинами экономического характера. Так например, объясняет он появление долгих гласных на месте комплексов *aγa*, *aγu* и т. д., полагая, что такое изменение получилось в результате перехода от охотничьего быта к скотоводческому (стр. 241). В конечном итоге это объяснение верно,

но невыясненным является вопрос, как такие изменения в экономике могли вызвать эти изменения в языке: непосредственно они, конечно, не могли их вызвать, ибо в основе их, несомненно, лежали какие-то перемены социального характера, обусловленные переменами в экономике.

Можно не останавливаться на других недочетах этой работы, ибо на главные здесь уже обращено достаточное внимание. Но повторяем, несмотря на них, труд является весьма ценным, который следует широко использовать при дальнейших изысканиях, не упуская, однако, из виду его недочеты. Прежде всего он отличается изобилием ценнейшего материала и блестяще установленными законами фонетики, являясь лучшим, что до сих пор было написано в области монгольского языкознания. Указанные же недочеты не умаляют его значения и требуют лишь преодоления их в дальнейшем.

Не свободна от недочетов такого же характера работа пишущего эти строки об аларском говоре бурятского языка. Ее главным недочетом является прежде всего то, что она представляет собою формально-лингвистическое описание этого говора. Главное внимание автором было уделено фонетике и морфологии, которые разработаны довольно подробно. Фонетические определения ее, в общем, очень точны. Недочетом является то, что работа эта написана без учета семантических и словарных особенностей аларского говора. Автор ее тоже сильно увлекся теорией о древности письменных форм и многие формы аларского говора без всяких оснований возводить к письменно-монгольским. Так, безусловно натянутыми и деланными являются попытки возвести к одной форме такие, как аларское *хөхеі* (kookei) = монгольское *кейкен* (стр. 57) и *үхен* (yyken) = монгольское письменное *одекін* (стр. 57); по поводу последнего сближения следует заметить то же, что выше было сказано о попытке акад. Владимирцова возвести *хүрге* к *кögерge*, ибо в том же китайско-монгольском словаре Хуа-и-и-юй мы находим форму *е'ükün* «жир», доказывающую нам, что уже в XIV ст. существовала форма, почти совершенно созвучная с аларской, которую незачем возводить к письменной форме.

Переходя теперь к работам теоретического характера, на которых строилась новая латинизированная письменность бурят-монголов, следует остановиться на работах проф. Б. Б. Барадина. Заслуги Барадина в этой области очень значительны, ибо еще в 1910 г. он составил первый проект применения латинского алфавита к бурятскому языку. В своей деятельности он, однако, допустил тоже ряд ошибок, и на них следует подробнее остановиться.

В своей брошюре «Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры» (Баку, 1929) Барадин правильно отмечает, что языковеды прежде, в общем, мало интересовались вопросами практического характера, в роде создания письменности для народов, ее не имевших. Взявшись за разрешение этих практических вопросов, он несомненно является одним из пионеров этой области. Правда, автор названной брошюры заходит несколько слишком далеко в своих утверждениях, что лингвисты только и занимались, что создавали никому ненужные сложнейшие транскрипции (стр. 8). Здесь автор ясно обнаруживает непонимание целей и задач научного языкознания, которое естественно стремится к точному фиксированию звуков речи и притом при помощи наиболее последовательной транскрипции. Отвергать точность в науке значит лишать ее главного, чем научные определения отличаются от обывательских суждений. И сам Барадин является в одной из своих работ жертвой неточности своей же транскрипции: в статье «Отрывки из бурятской народной литературы» (СПб., 1910), он устанавливает в бурятском языке шесть кратких гласных: *а*, *о*, *и*, *е*, *у*, *і*, (стр. 3), в то время как их семь, нужно прибавить еще *ө*, для какового звука новым латинским алфавитом предусматривается знак *ө*. И вот автору этой статьи можно заметить, что лингвисты в своих работах этот звук давно отметили: и Кастрен, и Галлит, и Рамстедт еще за многие годы до Барадина заметили существование этого звука в бурятском языке. И более того, не лингвисты, составители Агвановского алфавита тоже учли его (Н. Амагаев и Аламжи-Мэргэн. Новый монголо-бурятский алфавит. СПб., 1910). А теперь новый бурят-монгольский алфавит и не мыслится иным, как обязательно различающим звуки *у* и *ө* (знаки алфавита у и ө).

Протестуя против всякой сложности, сам Барадин грешит как раз тем, что создает сложнейшие классификации по таким признакам, как языки в количественном отношении, языки по качественному содержанию, языки по количественной форме, языки в качественном отношении, языки по качественной форме, языки по качественному содержанию и т. д. Помимо того, что вся эта схема надуманная, она не удовлетворяет нас хотя бы такими своими положениями, что по качественному содержанию языки делятся на бедные языки и богатые: бедные — некультурных народов, богатые — культурных народов. Автор, очевидно, упускает из виду, что бедность и богатство языков понятия весьма относительные, и что эти богатство и бедность суть продукты исторического развития и вовсе не являются постоянными признаками, присущими языку. По идеологическому содержанию, он делит языки на классовые и на внеклассовые (там же), договари-

ваясь до того, что, якобы, существуют внеклассовые языки. К таким внеклассовым элементам языка он относит, например научные термины. Отсюда недалеко до утверждения внеклассового характера науки. Историю языка Барадин понимает тоже своеобразно, считая, что в жизни языков действует закон борьбы за существование, аналогичный закону естественного отбора в природе (стр. 11).

Язык есть явление общественное, а явления общества, как знает каждый, нельзя смешивать с явлениями природы. Если стать на эту точку зрения, то мы будем вынуждены признать, что ни экономические, ни социальные условия на язык и его развитие повлиять не смогут. Что же касается борьбы языков, то Барадин просто упускает из виду, что борьба языков есть ничто иное, как одно из проявлений классовой борьбы и национального угнетения, и что борются не сами языки, а национальности, господствующие и угнетенные, что в этой борьбе языков проявляется именно классовая борьба. Достаточно упомянуть борьбу языков в царской России, приводившую к исчезновению ряда языков угнетенных народностей.

Все приведенные положения Барадина не могли не сыграть объективно весьма вредной роли в деле латинизации. В самом деле, если существует борьба языков, вытекающая из самого существа языков, то, очевидно, нельзя устранить причин этой борьбы, которые лежат не вне, но внутри языков. Если существуют языки внеклассовые, если существует внеклассовая научная терминология, то в новый литературный язык можно вводить термины без всякого разбора. Неудивительно, что в терминологическом словаре, изданном Буручкомом, оказался такой перевод на монгольский язык термина «материализм», как tasarkai josonii yzel, что в дословном переводе значит «идеология оторванного порядка». В противоположность этому, «идеалисты», естественно, переводится на монгольский язык, как saiṣaaka yzelten, т. е. «придерживающиеся идеологии одобрения». Термины эти взяты без всякого критического подхода прямо из буддийских философских сочинений.

Ложные теоретические установки Барадина, как сказано, сразу же выявились в процессе практического проведения дела латинизации в жизнь. Обнаружившиеся здесь недочеты и уклоны обратили на себя внимание Обкома ВКП(б) Бурят-Монгольской АССР, который, как будет сказано ниже, положил им конец, предложив те мероприятия, которые нам уже известны.

Так как мимо положений Барадина, обнаруживших свою несостоятельность на практике, научное бурятоведение не могло пройти, осенью 1931 г.

в Верхнеудинске Институтом культуры была организована дискуссия о современном положении на лингвистическом фронте Бурят-Монголии, на которой выступил ряд лиц, отметивших все сказанное выше (Вестник Института культуры БМ АССР, № 2—3, стр. 45 и сл.).

Не будем подробно останавливаться на недочетах работ Барадина, тем более, что главные свои ошибки он лично осознал и указал в своем письме в редакцию журнала «Культура Бурятии» № 2 за 1932 г., стр. 28 и сл.), а составленная им недавно прекрасная грамматика бурятского языка (на бурятском языке), доказывает, что значительную часть своих ошибок он сумел преодолеть.

Говоря о недостатках работ Барадина, мы не должны забывать об огромных заслугах этого ученого перед бурятским языкознанием и перед созданием новой латинизированной письменностью. От ошибок же не свободны и другие исследователи и в первую очередь автор настоящей книги.

ГЛАВА V

ПРОШЛОЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Бурятский язык начал изучаться лишь с XVIII ст., вследствие чего мы располагаем лишь незначительными сведениями по части того, что он представлял собою даже в недавнем прошлом. Совсем никаких сведений нет о состоянии бурятского языка в его отдаленном прошлом. Темна также история бурят и вопрос о их происхождении и колонизации ими Бурятии. Неизвестно также, когда впервые появляется само название «бурят», переделанное русскими в «брацкие».

Последнее, т. е. название «бурят» является общим названием всей народности в целом, принятым ею уже после объединения отдельных племен, и потому несомненно является более поздним. Это можно, повидимому, доказать тем, что в древнейшие времена упоминаются лишь названия отдельных племен, входивших в состав бурятской народности.

Главными племенами бурят являются: эхирит, булагат, хорп и баргу. Из них хори, эхирит и баргу упоминаются уже у Рашид-аддина (XIV ст.), располагавшим сведениями, не только относившимися к его времени, но и более старыми. Названия этих племен у него: баргут, хори и икирес. По поводу последнего следует заметить, что оно представляет собою закономерную форму с *s* на конце, соответствующим нынешнему бурятскому *d*, ср., например, монгольское письменное *ulus* = бурятскому *ulad* «народ». У того же Рашид-аддина мы находим название местности Баргуджин-тукум

(*Barγužin töküm*, ср. бурятское Bargazan название реки Баргузин и халхаское tokom «низменность»). Название «бурят» вероятно раньше носило лишь одно из племен и впоследствии только оно стало общенациональным названием. Во всяком случае, оно известно тунгусам, являющимся более древним населением ряда местностей современной Бурятии и упоминается в их старых исторических преданиях в форме *boreiykur*. Бурятские племена, несомненно, смешанного происхождения: об этом свидетельствует множество названий родов, встречающихся и среди других монгольских племен. В частности, интересно отметить, что в преданиях баргузинских тунгусов баргуты, играющие там роль завоевателей, называются *korçihol* — ми. ч. от *korçi*, что соответствует названию монгольского племени хорчин, являвшегося древним населением Баргузинского аймака, как об этом можно судить по историческим преданиям тамошних бурят.

К сожалению, мы никакими сведениями относительно языка этих племен не располагаем. Можно лишь предполагать, что говорили они на разных языках, впоследствии сблизившихся в результате объединения племен. И вероятно бурятский язык или вернее наречия и языки племен, легших в основу образования этой народности, приобрели свои характерные особенности, отличающие их от других крупных монгольских языков, тогда же.

Если обратиться теперь к той древнейшей стадии развития бурятского языка, относительно которой мы располагаем более или менее достоверными сведениями, то нужно признать, что по внешним своим признакам этот язык тогда мало отличался от современного бурятского языка и его наречий. К сожалению, те небольшие списки слов, которые до нас дошли, не дают нам материала для освещения вопроса о морфологии бурятского языка того времени и о семантических особенностях его, отличавших его тогда от нынешних наречий бурятского языка. Да и списки слов очень невелики, чтобы можно было строить какие-нибудь теории относительно тогдашнего словарного запаса.

Древнейшими материалами по живому бурятскому языку являются материалы, легшие в основу составления труда, известного под заглавием «Сравнительные словари всех языков и наречий, составленные десницей высочайшей особы» (Ч. I, СПб., 1787; ч. II, СПб., 1789), вышедшего в свет под редакцией Палласа. Сюда же можно присоединить «Перевод разговора брацких иноверцов Иркуцкаго уезду» и другие материалы, автор которых подписывался «дворянин и городовой толмач Иван Чемесов в Иркутске в 1773 г.», а также вокабулы и фразы на селенгинском наречии, как сказано в оригинале монгольского языка, полученные в 1779—

1780 гг. от Иркутского губернатора Клички. Все эти неизданные материалы хранятся, как сказано выше в IV главе, в рукописных собраниях Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде.

Данные «Сравнительных словарей» и упомянутых материалов относятся ко второй половине XVIII ст., т. е. имеют примерную давность в 150 лет, представляя несомненный интерес для истории бурятского языка.

Что представляет собою язык бурят того времени со стороны фонетической?

Прежде всего, в области консонантизма бросается в глаза наличие *h*, как в современном бурятском языке, на месте *s* других монгольских языков. В качестве примеров можно привести из «Сравнительных словарей» слова: уґу́нъ (= *yheŋ*) «волосы», ноґу́нъ (= *nōhoŋ*) «волосы», хака́лъ (= *haxal*) «борода», кумуґунъ (= *x'umahaŋ*) «ногти», гитуху́ или гедеґунъ «брюхо» (= *getcheŋ*, агинское *getcheŋ*), хунъ или ґунгъ (= *hyŋ*) «молоко», ґара́ (= *hara*) «месяц», ґалкинь (= *halxiŋ*) «ветер» и т. д.

На месте нынешних *s* и *ṣ* (= монг. *c* и *ç*) мы находим те же звуки, например, бишаханъ (= аларск. *bišäxaŋ*) «дитя», шикю́нъ (= *ṣexeŋ*) «ухо», шуху (= *ṣuhaŋ*) «кровь», шалунь (= *ṣulūŋ*) «камень», хуса (= *xusa*) «баран».

На месте нынешних *z* и *ẓ* (монг. *ʒ* и *ǯ*) наблюдаем те же *z* и *ẓ*, например, жергонь (= аларск. *ẓorgōŋ*) «шесть», зонъ (= *zoŋ*) «люди», зоонь (= *zūŋ*) «сто», нашрь (очевидно, читать нажирь = *naẓar*) «лето» и т. д.

Интересно довольно последовательное соответствие к нынешнему *x* (= k нового алфавита) в словах с гласными переднего ряда, что и теперь еще является характерным для говора нижнеудинских бурят. Примеры: кобу́нъ (= нижнеудинск. *kobȳŋ*) «сын», о́кинъ (= нижнеудинск. *ekiŋ*) «дева», шикю́нъ (нижнеудинск. *ṣikeŋ*) «ухо», кыли́нъ (= *keľiŋ*) «язык», куитуць (= *kyiteŋ*) «стужа» и т. д.

Как видно, в основном фонетика тогдашнего языка, поскольку ее можно восстановить на основании очень неточных записей, не отличается от таковой современного языка. Можно поэтому предполагать, что фонетическая система бурятского языка установилась задолго до наших дней. Вместе с тем можно считать несостоятельной точку зрения, что бурятский язык обнаруживает только совсем новые развития, представляя собою язык, очень далеко ушедший вперед в отношении своего развития.

Очень невелик материал по морфологии бурятского языка конца XVIII ст. На основании материалов Чемесова можно установить лишь, что

суффиксом исходного падежа тогда являлся *-āha*, как теперь в баргу-бурятском или в говорах, исследованных Кастреном, ср. у Чемесова фразы барунъ гар кушитей зунъ гарага (= *barūŋ gar xyşitei zūŋ garāha*) «правая рука сильнее левой руки», хара еке одонага наранага багa (= *hara jeke odonāha naranūha baga*) «месяц больше звезды, но меньше солнца».

Форма настоящего времени образуется при помощи суффикса *-na*, например, нидьне (= *ńūdene*) «летает», хона (= *hūna*) «сидит».

Отрицанием при глаголе является ули (= *yli*), например ули ябане (= *yli jabana*) «не ходит» и т. д.

Значительная часть нынешних селенгинских бурят является выходцами из Монголии. Таких выходцев могло быть и раньше много, чем и объясняются многие «монголизмы» в материалах Чемесова, а также в «Сравнительных словарях».

Так, например, у Чемесова мы находим ряд форм с ц, как в селенгинских говорах и халхаском языке, например, бацаганъ «ребенок», кылыцику «говорить». Еще больше их в «Сравнительных словарях», например жергонь или джургō (= *zorgōŋ, ǯorgō*) «шесть», юсунь или югунь (= *jyseŋ, jyhuŋ*) «девять», шикюнъ или чикиниъ (= *şikeŋ, çikeŋ*) «ухо», цагунь или цасунь (= *cahaŋ, casaŋ*) «снег», шалунь или челонь (= *şulūŋ, çulūŋ*) «камень» и т. д. Приводимые формы являются вариантами чисто бурятских, приводимых источником, и это является ценным указанием на многообразие языка той эпохи, на существование в то время тоже разных наречий и говоров.

Что на территории нынешней Бурятии некогда были распространены наречия монгольского типа, не бурятского, наряду с бурятскими наречиями, можно доказать данными тунгусского языка. Так, например, в говоре баргузинских тунгусов можно обнаружить много чисто монгольских форм, наряду с чисто бурятскими элементами. Ср. например, *gansa* «трубка» (= халх. *gaysa*, бур. *gāhaŋ*), *kaiçi* «ножницы», *kapçār* «щипцы», *sukaj* «таволжник» (= бур. *huxai*), *suke* «топор» (= бур. *hyxe*), *sundulāhinmūkānça* «посадил сундалой» (= бур. *hundaldūlxa*), *sunehun* «душа» (= бур. *hynehey*), *çinōn* «сила» (= монг. письм. *çinegen*), *çog* «уголь» (= бур. *sog*), *çulō* «досуг» (= бур.-агинск. *sylō*) и т. д.

Бурятскими же по фонетике являются *guşe* «чайник» (= бур. хори *gyse*, монгольскому письменному *güčе*), *sārsun* «бумага» (= бур. *sārhaŋ*, халх. *cārs*) и т. д.

Это доказывает, что лингвистическая карта Бурятии некогда была не менее пестрой, чем теперь, если даже не пестрее.

ГЛАВА VI

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО СВЯЗИ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ

Как было сказано в третьей главе, бурятский язык входит в группу монгольских языков и находится в очень близких отношениях к халхаскому языку, южно-монгольским языкам и т. д., обладая огромным количеством общего с ними языкового материала. Возникает, естественно, вопрос, откуда явилась эта близость бурятского языка к остальным языкам монгольской группы.

Что представляет собою группа монгольских языков? Как сложилась она?

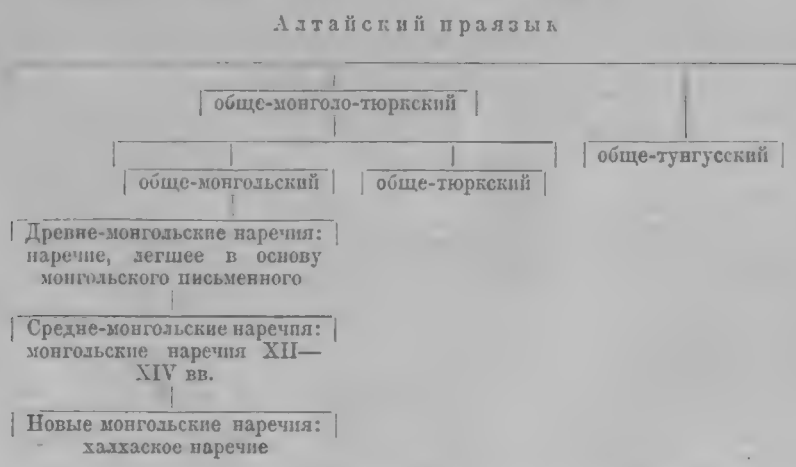
Существует теория, согласно которой некогда, в весьма отдаленные времена, на месте нынешних языков монгольской группы существовал один язык, их общий предок, который носит условно название монгольского праязыка. Предполагается, что этот праязык в течение некоторого времени сохранял свое единство, не дробясь и не распадаясь на отдельные ветви или языки. Впоследствии, на почве миграций и различных событий в жизни народа-носителя этого языка, праязык начал дробиться и утрачивать свою целостность. Постепенно появилось, таким образом, множество языков, которые в дальнейшем продолжали дробиться на все большие количества языков, в результате чего возникли халхаский, бурятский и т. д. языки. Сам бурятский язык не застыл, но продолжал развиваться и дробиться на наречия и говоры. Коротко говоря, путь возникновения и развития отдельных монгольских языков рисовался таким образом: от единства языка, от одного языка, от праязыка — к множеству языков. Таково, следовательно, происхождение бурятского языка по этой теории.

Ответ, который дает на заданный выше вопрос названная праязыковая теория, может показаться исчерпывающим. Тем не менее за первым вопросом может быть задан и второй: а откуда взялся монгольский праязык? Всегда ли он существовал?

Приведенная теория имеет ответ и на этот вопрос. Подобно тому, как, скажем, бурятский язык восходит к монгольскому праязыку, так и монгольский праязык, вместе с рядом других праязыков восходит к еще более древнему общему предку, так сказать, к праязыку праязыков. Этот более древний праязык, условно называется исследователями «алтайским праязыком», так как предполагается, что народ-носитель этого праязыка населял страну вокруг Алтайских гор. Этот алтайский праязык существо-

вал еще раньше, чем монгольский. Впоследствии он начал дробиться на отдельные ветви: появились праязыки монгольский (от которого произошли впоследствии монгольские языки), тюркский (предок современных тюркских языков), тунгусский (предок современных тунгусских языков). Что касается алтайского праязыка, то он в свою очередь восходит к еще более древнему праязыку, к урало-алтайскому, называемому так по той причине, что предполагается, что это был язык народов, населявших страну между Алтаем и Уралом. Этот урало-алтайский праязык распался на алтайский (предок монгольского, тюркского и тунгусского праязыков) и уральский праязык, из которого возникли языки самоедские и финно-угорские (т. е. финский, мордовский, марийский, лопарский, коми, удмуртский, остяцкий, вогульский и венгерский).

В отношении монгольских языков, праязыковая теория, усиленно проводившаяся в частности пишущим эти строки, получила свою наивысшую законченность в «Сравнительной грамматике» Б. Я. Владимирцова (ср. стр. 44 и сл.), где развитие современных монгольских языков, в частности, халхаского, дается в следующего рода схеме:



Если в приведенной схеме заменить халхаское наречие или халхаский язык бурятским языком, то можно будет себе легко представить ход возникновения бурятского языка, как его рисует эта теория.

Попытаемся разобраться в этой теории.

В крупнейших и наиболее культурных государствах современной Западной Европы мы обычно наблюдаем множество наречий и отсутствие единого разговорного языка: так обстоит дело в Германии, во Франции и т. д. Кажется странным, что высококультурные государства, в которых почти

отсутствуют неграмотные и вообще люди, не получившие школьного образования, не могут побороть тенденции языка к расхождению и направить свои разрозненные наречия по пути слияния их в общенациональный язык. И нужно заметить, это в условиях высоко-развитого капитализма. В сколь более счастливом положении были те племена, которые говорили на едином праязыке: они имели общий и единый язык, являющийся предметом тщетных вожделений современных передовых наций! Не кажется ли это страшным?

Нужно, впрочем, заметить, что малые и наименее культурные народы нередко характеризуются тоже наличием множества наречий и языков. Так, например, финно-угорский народ вогулы, общее количество которых не достигает 6000 чел., говорит на языке, распадающемся на четыре наречия, а лопари, общей численностью около 30 000 чел., говорят на шести, весьма сильно отличающихся друг от друга наречиях. Еще поучительнее цифры, которые можно почерпнуть из сведений, имеющихся в нашем распоряжении относительно тунгусов: достигая приблизительно 75 000 чел., тунгусские племена говорят на нескольких десятках наречий, и нередко можно наблюдать отдельный язык у племени в 600—700 чел. Что это доказывает? Это доказывает, что малокультурные, отсталые народности точно также вовсе не едины в языковом отношении.

В действительности дело обстоит иначе, чем учит праязыковая теория. В древности и теперь так называемые малые и отсталые народы говорили и говорят на языках, распадающихся на ряд наречий и говоров. Это понятно, так как живут эти племена разбросанно и редко общаются между собой, ибо стоят они на очень низком уровне культуры, занимаются охотой и ведут бродячий образ жизни. Доставляя себе все самое необходимое для пропитания, эти племена прежде почти не вступали в меновые отношения с другими племенами. Поэтому их язык не сближался с языками других племен. Постепенно, когда начали налаживаться те или иные связи этих племен с другими, когда появились общие интересы — совместная охота, военный союз, меновая торговля и т. д., это не могло не отразиться на языках этих племен, которые начали сближаться. Племена могли впоследствии сливаться в одно, могли создаваться из племен кочевые, а также оседлые государства, что создавало предпосылки для возникновения еще более единых языков. На этой стадии развития прежде, быть может, ничего общего не имевшие языки настолько приблизились друг к другу, что могли уже рассматриваться как наречия одного языка. При феодализме, однако, не смогли появиться абсолютно единые языки, так как для этого не

хватало необходимых условий: феодальные владения были слишком оторваны друг от друга и разрознены, чтобы наречия могли настолько приблизиться друг к другу, чтобы стала возможна речь о единых языках в отдельных странах. И относительно молодой еще капитализм не успел сгладить различий наречий. Таково более верное представление о происхождении отдельных языков: языки развивались от множества к единству.

Эта точка зрения находит свои подтверждения в высказываниях тов. Сталина о путях развития языков от множества к единству, к единому мировому языку.

Итак, монгольские языки в древности представляли собой ряд языков, вероятно, еще дальше отстоявших друг от друга, чем теперь. Отдельные наречия их, как например, наречия бурятского языка представляют собой сблизившиеся языки, в прежнем своем состоянии далекие друг от друга. Когда племена, вошедшие впоследствии в состав бурятской народности, жили разобщенно, когда иной общественной организации кроме родовой у них не существовало, эти племена говорили на различных, быть может, очень далеко отстоявших друг от друга языках. Впоследствии эти племена создали нечто вроде племенного союза и постепенно, на почве общественных охот и т. п., утратили свою полную разобщенность: можно было уже говорить как бы об одном большом племени с родовыми подразделениями. Несомненно, к этому времени языки всех племен уже настолько приблизились друг к другу, что можно было говорить об одном языке, разделявшемся на наречия и говоры. На этом дело почти остановилось, ибо буряты были покорены русскими и, живя своей феодально-родовой организацией, они сразу же, особенно на западе, оказались объектом эксплоатации со стороны русских капиталистических элементов, которые существенного влияния на ход развития языка и его консолидации оказать не могли, если исключить из поля зрения денационализирующее влияние их, которое представляет собою явление отрицательное в истории бурятского языка, поскольку оно просто на просто действовало уничтожающе на национальный язык. Таким образом, западные буряты с трудом сохранили свой, не ставший абсолютно единым, национальный язык.

Изолированность западных бурят, а потом русское завоевание и русское окружение сильно затормозили дело образования единого национального бурятского языка и способствовали лишь углублению той пропасти, которая лежала между западным наречием и восточным.

Восточные буряты скотоводы-кочевники гораздо дольше и даже до самого последнего времени поддерживали сношения с монголами, в част-

ности, с халхасами и испытали на себе влияние их феодальной организации, которое не распространялось в такой степени на западных бурят. Распространение грамотности и буддизма еще больше способствовало укреплению связей с Монголией и выработке языка, значительно приблизившегося к халхаскому. То же самое можно сказать и о баргу-бурятах.

Нет ничего удивительного в том, что восточно-бурятское наречие и баргу-бурятское приблизились к халхаскому языку и оказались далекими западному. Наконец, можно доказать, что в состав бурят просто на просто вошли недавние выходцы из Монголии — такова значительная часть селенгинских бурят. Этим и объясняется то обстоятельство, что язык их так близок к халхаскому.

Было бы, однако, односторонним считать, что языки образуются всегда исключительно путем скрещения в прошлом совершенно чуждых друг другу языков. Случаи дробления языков тоже наблюдаются, но лишь как подчиненный момент. Конкретным примером является говор баргузинских бурят. В XVIII ст. произошло разделение эхиритов: часть их эмигрировала из районов Верхоленского острога в долину р. Баргузин. Роды баргузинских бурят и теперь те же, что эхиритов: *şono, heŋgylder, abazai* и т. д. Говорят эти буряты и теперь на говоре, в фонетическом отношении близком к эхиритскому на о. Ольхоне, у Кутула, Хогота и т. д. Таким образом, мы имеем несомненно факт раздробления в прошлом эхиритского говора, к которому восходят и нынешний эхиритский в Прибайкалье и баргузинский. Но впоследствии в долину р. Баргузин эмигрировали и хоринцы (ср. теперь роды *galzūd* и др.), с говором которых скрестился эхиритский. Таким образом, говор баргузинских бурят есть результат скрещения эхиритского и хоринского говоров, из которых последний перенесен туда выходцами XVIII ст. Этому скрещению предшествовало разделение, дробление эхиритского и хоринского, когда отдельные роды эхиритов и хоринцев на новых местах утратили связь со своими сородичами. Таким образом, элемент дробления здесь несомненно налицо, но это момент, подчиненный процессу скрещения эхиритских и хоринских элементов, откоповшихся от основной массы эхиритской и хоринской языковых стихий.

С этими разъяснениями и ограничениями бурятский язык в целом есть результат неполного еще слияния и скрещения ряда первоначальных языков, частично исконно различных, частично появившихся в результате дробления более старых. Так, конкретно, нынешний баргузинский и эхиритский говоры восходят в части общего им материала к говору, на котором говорили буряты Верхоленского острога еще в XVIII ст.

В результате названных выше обстоятельств бурятский язык стал родственным халхаскому и другим монгольским языкам, которые точно также приобрели свое взаимное родство путем скрещения. Иногда некоторые из них просто на просто восходят к какому-нибудь одному языку, отдельные ветви которого, после распада его на последние, скрестились с другими языками.

На почве разных экономических и социальных условий установилась со временем языковая близость между монголами и тюрками. Если в языке древне-тюркских надписей, так называемых орхонских надписей, можно найти лишь отдаленные родственные элементы монгольскому языку, то в языках тюрков XIV ст. и более поздних, в языках эпохи последующей монгольскому нашествию, когда многочисленные тюркские племена вошли в состав империи Чингисхана, можно найти большое количество элементов общих и для монгольского языка.

В маньчжурском языке и языках разных тунгусских племен можно усмотреть много общего и для монгольских языков. Это родство монгольских, тюркских и тунгусских языков не есть заблуждение, это факт непреложный, но родство это нужно иначе понимать, чем это выходит по праязыковой теории: оно является результатом сближения этих языков. Здесь нужно отметить, что праязыковая теория не является единственной в монголоведении: известный исследователь монгольских и тюркских языков Рамстедт в свое время уже усумнился в том, что существовал когда-либо алтайский праязык и давал близости монгольских и тюркских языков объяснение, аналогичное даваемому здесь (Konjugation, стр. VII).

Помимо таких родственных связей с тюркскими и тунгусскими языками, помимо общего языкового материала, возникшего в процессе взаимоотношений монголов, тюрков и тунгусов или, вернее, тех племен, из которых эти народы сложились, наблюдается много таких элементов в монгольских языках, которые впоследствии проникли в разные эпохи из уже вполне сложившихся тюркских языков и наоборот.

Тюркские элементы в бурятском языке в значительной части того же происхождения и той же давности, что и в остальных монгольских языках, хотя есть в бурятском языке и такие тюркские слова, которые другим монгольским языкам неизвестны, как, например, аларское *śi* «сухой навоз для подстилки скоту» < якутского *kī*, казак. *qūi*, анатол. *qыŋ* «сухой навоз». Очень возможно, что обратно, многие монгольские элементы в некоторых тюркских языках, например якутском, являются по своему происхождению бурятскими. К сожалению, этот вопрос еще не обратил на себя внимание и

является совершенно не разработанным. Тем не менее, можно уже теперь утверждать, что многие монгольские слова в карагасском языке имеют именно бурятское происхождение. Таковы, например, караг. *serä̈j*, «лицо» < бур. *ṣarai* (так как в карагасском языке есть звук, близкий к монг. *ç*, это слово при заимствовании из *ç*-языка имело бы в начале не *s*, но как раз этот звук).

Связи с тунгусскими наречиями выражаются в многочисленных бурятских заимствованиях из бурятского языка в тунгусский. Таковы, например, следующие слова в баргузинско-тунгусском наречии: *gatahun* «кол», < бурятского, ср. агинское и ольхонское *gatahaŋ* (во всех других языках монгольской группы это слово имеет не *t*, но *d*, ср. халх. *gadas*), *guṣe* «чайник» < бур. *gyse* (в монгольском имеет *ç*, а не *ṣ*), *takṣi* «чашка» < бур., ср. аларское *tagṣa* и т. д. Есть, конечно, также такие слова, которые в бурятский язык могли попасть из тунгусского: таково, например, слово баргузинско-тунгусское *sāžī* «коса» и бур., например аларск. *sāza*, происхождение которого точно неизвестно, так как этого слова нет в других языках монгольской группы.

Есть в бурятском языке довольно много тибетских слов, и притом даже в западном наречии, не подвергшемся ламскому влиянию. Таково, например, слово *serzem* «возлияние, жертвенные брызги разным духам», < тибетского, проникшее даже в шаманский обиход западных бурят (на Ольхоне и т. д.).

В бурятский язык проникли также отдельные китайские слова, как, например, *janza* «образ действия, манера» или *ṣāzaŋxui* «фарфор», или «стекло», тоже известные западным бурятам.

Буддизм, влияние которого на бурятский язык сказалось в проникновении в него ряда тибетских слов, явился также проводником санскритских элементов. Таковы общеизвестные слова, как *arṣāŋ* «источник, целебный ключ» < санскр. *rasāyana, hudar* «сутра, буддийская книга» < санскр. *sūtra* и т. д., которые встречаются даже в западно-бурятских песнях и сказаниях.

Есть в бурятском языке и иранские элементы, поскольку некоторое количество их в свое время проникло в разные монгольские языки. Таковы, например, аларск. *bulad* «сталь» < перс. *pūlād*, аларск. *togod ṣubūŋ* «павлин» < ар.-перс. *tāus*.

Через иранское и тюркское посредство в бурятский язык проникли также единичные арабские слова. Таково, например, селенг. *sabaŋ* «мыло» < араб. *ṣabun* «мыло». Подлинно арабских слов в монгольских языках,

однако, очень мало, и большинство таких, якобы арабских заимствований в монгольском языке, как, например, монг. *araki* «молочное вино» < араб. *'araq'* «финиковый экстракт», более чем сомнительно.

Наконец, есть в бурятском языке много русских слов и разных западно-европейских, проникших в бурятский через русское посредство.

ЛИТЕРАТУРА

Владимирцов, Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 13—16, 42—47.

Poppe, N. Altaisch und Urtürkisch. Ungarische Jahrbücher, Bd. VI, Heft 1—2.

Ramstedt, G. J. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors, 1903.

Его же. Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. JSFOu XXXII, 2.

Его же. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. Ibidem, XXVIII, 3.

Schmidt, P. Der Lautwandel im Mandschu und Mongolischen. Peking Oriental Society Journal, vol. IV.

Kotwicz, Wł. Contributions aux études altaiques I—III. Rocznik Orientalistyczny, tom VII, стр. 130 и сл.

Поппе, Н. Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Л., 1927.

Поппе, Н. Н. История и современное положение вопроса о взаимном родстве алтайских языков. I Всес. тюрколог. съезд. 26 II — 5 III 1926 г. Стеногр. отчет. Баку, 1926, стр. 104 и сл.

Егоров, В. Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930.

Владимирцов, Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке. Зап. Вост. отд. Русск. арх. общ., т. XX, стр. 153 и сл.

Его же. Mongolica. Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии. ЗКВ, т. I, стр. 305 и сл.

Его же. Арабские слова в монгольском. ЗКВ, т. V, стр. 73 и сл.

ГЛАВА VII

СТАРАЯ БУРЯТСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Своей особой, отдельной от других монгольских народностей, письменности буряты до самого последнего времени не имели и пользовались в качестве литературного языка письменным монгольским языком, языком монгольской письменности, которая обслуживала очень многие монгольские народности, являясь как бы общемонгольской и объединяя ряд языков.

Как было сказано во второй главе, единого живого разговорного монгольского языка нет и вместо такового мы наблюдаем ряд живых монгольских языков, в большей или меньшей степени отличающихся друг от друга, среди которых, как мы видели, есть такие, которые являются сравнительно понятными говорящим на некоторых других, наряду с чем наблюдаются и такие языки, которые говорящим на других монгольских языках совершенно непонятны. Итак, единого живого разговорного монгольского языка нет и

объединяющим большинство известных в настоящее время монгольских народностей (вернее лишь господствующий класс их) является не их разговорный язык, но письменный, т. е. монгольский письменный язык, обслуживающий в настоящее время значительную часть бурят (а именно всех, кроме западных, т. е. забайкальских), халхасов и всех монголов Внутренней Монголии, а также некоторые народности, говорящие на разных ойратских говорах, как то ойратов северозападной Монголии в Кобдоском округе.

Этот письменный монгольский язык весьма существенно отличается от всех ныне известных живых монгольских языков и нигде не является разговорным языком: наоборот, он настолько отличается от живой речи всех современных монголов, что по отношению к любому из нынешних живых языков он представляет собою как бы второй язык, и притом более отличающийся от всех живых монгольских языков, чем они между собою. Монгольский письменный язык является по сравнению с некоторыми ныне существующими живыми монгольскими языками значительно более архаичным языком, представляя собою совсем иную стадию развития, чем эти разговорные языки.

Когда и при каких обстоятельствах возник монгольский письменный язык, является неустановленным, как вообще темным является период истории монголов, предшествовавший эпохе Чингисхана, объединившего разрозненные до того монгольские племена, к которой относятся первые памятники монгольского письменного языка из числа известных нам.

Монгольский письменный язык, начавший широко распространяться именно в эпоху Чингисхана, не может, однако, считаться зафиксированным в письме живым разговорным языком всех или хотя бы части монгольских племен того времени: такое предположение, если бы его высказать, встретило бы очень веские опровержения со стороны фактов, которыми мы располагаем.

Дело в том, что те живые монгольские языки эпохи середины и конца XIII ст., данными по которым мы располагаем, весьма существенно отличаются от письменного монгольского языка, стоя во многих отношениях значительно ближе к некоторым нынешним живым языкам монгольской группы. Таким образом, отождествлять монгольский письменный язык с разговорным языком эпохи Чингисхана нельзя.

Если обратиться к рассмотрению особенностей письменного языка и сравнению его с разговорными языками XIII—XIV ст., то можно прежде всего установить, что письменный язык представляет собою иную стадию развития, чем та, на которой стояли разговорные языки монголов эпохи

Чингисхана. Монгольский письменный язык и тот живой язык, на основе которого он сложился, характеризуются рядом существенных особенностей, чуждых разговорной речи монголов XIII—XIV ст. Прежде всего, письменный язык отличается своими сочетаниями *aγa*, *oγa*, *aγu*, *ege*, *egü* и т. д., которым в живой речи XIII ст. соответствовали или долгие гласные двусложи, или дифтонги, а *γ* или *g* там отсутствовали, например письменное *aγula* «гора» = разговорный язык XIII ст. *a'ūla* или *aula*, письменное *taγala* «полюби» = язык XIII ст. *tāla* и т. д. Далее, в письменном языке в первом слоге наблюдается *i* перед следующими *a*, *u*, и т. д., в то время как в разговорном языке XIII ст. мы наблюдаем в ряде случаев явление, известное под названием «перелома» *i*, ср. письменное *ǰirγuγan* «шесть» = язык XIII ст. *ǰuγan* и т. п. К этим наиболее ярким отличительным чертам можно было бы прибавить еще много второстепенных как из области фонетики, так и морфологии. Итак, не подлежит никакому сомнению, что язык, на основе которого создался письменный монгольский язык, в XIII ст. не был всеобщим разговорным языком. Возможно, что он был разговорным языком лишь части монголов эпохи Чингисхана, о которых у нас нет никаких сведений. Во всяком случае, он как разговорный язык исчез, вероятно, очень скоро после своего превращения в язык письменный. Повидимому, дело обстоит, однако, иначе.

Среди монгольских племен XII—XIII ст. особенно выделялись два племени — кереиты и найманы, стоявшие в культурном отношении значительно выше остальных монголов. Имея сношения с рядом культурных народов Азии, в частности, с уйгурами и кара-китаями, с китайцами и тангутами — обитателями царства Си-ся, их ханы с подвластными им мелкими князьками — словом, господствующий класс найманов и кереитов — довольно рано усвоил элементы более высокой оседлой культуры. Что культурное влияние запада на найманов и кереитов было значительное, показывает также тот факт, что среди них было распространено христианство несторианского толка, что предполагает, несомненно, ряд предпосылок экономического характера, экономическую связь с областями, принадлежавшими к центрам распространения этой формы христианства. Некоторые легенды приписывают заимствование монголами письма именно от найманов: Чингисхан будто бы познакомился с письмом от уйгура — канцлера найманского хана после одержания победы над найманами, когда их государство было совершенно разгромлено монголами. Вполне возможно поэтому, что письменность была распространена у кереитов и найманов задолго до Чингисхана, ибо известно, между прочим, что и христианство они приняли до эпохи Чин-

гисхана. Успешное же распространение христианства было возможно, однако, лишь при условии, что была какая-то возможность распространять соответствующие священные книги, что в свою очередь предполагает наличие какой-то системы письменности. Чингисхан заимствовал, повидимому, не только монгольский алфавит, но и литературный язык: об этом свидетельствует тот факт, что первый известный памятник письменного монгольского языка — так называемый «Чингисов камень», относящийся приблизительно к 1220 г., — отличается уже вполне сложившимся языком, который едва ли мог выработаться за те 15 лет, которые отделяют время сооружения памятника от даты введения монголами Чингисхана письменности.

Таким образом, можно с некоторой вероятностью предполагать, что письменный монгольский язык не сложился в эпоху Чингисхана, не был создан на почве какого-нибудь наречия тогдашнего языка монголов Чингисхана, но был введен Чингисханом уже как готовый язык, существовавший и до него, но только у другого племени. Что это так, доказывается еще тем, что письменный язык полностью не совпадает ни с одним из тогда существовавших монгольских разговорных языков, что, следовательно, он уже успел, как всякий письменный язык, стать несколько условным, а по ряду признаков внешних, даже архаичным. Тот живой язык, на основе которого выработался письменный монгольский язык, — возможно, что это был кереитский язык — по всей вероятности, с самого начала был языком не всей соответствующей монгольской народности, но лишь господствующего класса и жречества в лице христианских священнослужителей. Создав свою империю отчасти на развалинах царства кереитов, Чингисхан воспользовался готовым письменным языком их, являвшимся языком того же класса, который был призван играть главную роль и в новой империи.

Говоря о письменном монгольском языке, о монгольской письменности вообще, следует, прежде всего, остановиться на монгольском алфавите.

Монгольский алфавит был заимствован от тюркского народа уйгуров. Уйгурский алфавит, в свою очередь, является дальнейшим видоизменением алфавита согдийцев, одного иранского народа. Этот согдийский алфавит в конечном итоге восходит к северному семитическому алфавиту, одному из арамейских. Вначале монголы пользовались уйгурским алфавитом почти без малейших изменений (до конца XVI ст.), с конца же XVI ст. вырабатывается окончательно характерный монгольский алфавит. И старый алфавит (до конца XVI ст.) и новый (после конца XVI ст.) отличаются той особенностью, что каждая буква имеет три основных начертания в зависимости от того, в начале ли она слова, в середине, или на конце, что выте-

кает из вертикального характера письма, при котором каждая начальная буква соединяется со следующей, которая пишется под ней, срединная буква соединяется с вышенаходящейся и нижеследующей, а конечная соединяется с предшествующей ей буквой наверху, оставаясь ни с чем не соединенной с другого конца.

ТАБЛИЦА СТАРОГО МОНГОЛЬСКОГО АЛФАВИТА

(в том виде, как он употреблялся до конца XVI ст.)

Начертания букв			Транскрипция
Начальные	Серединные	Конечные	
			a
			e
			i
			o, u
			ö, ü
			n
—			*ng (ŋ)*
			q γ
			b
			s
		—	*š*
			t d
			l
			m
			č ǯ
			j ž
			k g
			r
		—	*v*

ТАБЛИЦА НОВОГО МОНГОЛЬСКОГО АЛФАВИТА
(в том виде, как он был установлен с конца XVI стол.)

Начертания букв			Принятая в научных работах латинская транскрипция	Принятая в прежних работах русская академическая транскрипция	Новый латинский алфавит	Произношение в передаче знаками русского алфавита
Начальные	Серединные	Конечные				
			a	а	а	а
			e	е	е	э
			i	і	і	и
			o u	о ў	о u	о у
			ö ü	ö ў	о у	как немецк. *ö ü*
			n	н		н
			ng	ц		как немецк. *n* перед *g*
			q	k (x)	k	х
			γ	б	g	г
			b	б	b	б
			p	п	p	п
			s	с	s	с
			š	ш	ş	ш
			t d	т д	t d	т д
			l	л	l	л
			m	м	m	м
			č	ч	ç	ч
			ǯ	ц	z	дж
			j	j	j	как немецк. j
			k g	к г	k g	к г
			r	р	r	р
			v	в	v	в
			h	h	h	гортанный проточный h

БИБЛИОТЕКА

Представленный в таблице на стр. 78 алфавит употреблялся, как сказано, в этом самом виде до конца XVI ст. С этого же момента картина меняется: происходит окончательное приспособление этого алфавита к нуждам монгольского языка, начертания многих знаков сильно изменяются и т. д. Эти изменения алфавита стоят в связи с теми переменами, которые коснулись также самого письменного языка, о чем речь будет итти дальше, в период высшего расцвета в Монголии феодализма.

На основе монгольского алфавита был создан ойратский алфавит, а также маньчжурский. Попытку уточнения монгольского алфавита представляет собою очень неудобный алфавит, составленный хамбо-ламой Агваном Доржиевым для бурят, о котором речь будет дальше.

Возвращаясь к письменному монгольскому языку, следует еще раз напомнить, что он нигде не является живым разговорным языком, служа только для письменного выражения мыслей. Тем не менее его нельзя считать абсолютно мертвым, о чем придется говорить еще дальше, а тем более застывшим и окаменевшим, не знающим никакого развития и движения, чем-то раз навсегда установившимся. Письменный монгольский язык имеет свою историю. Правда, за те несколько сотен лет, что он известен, монгольский письменный язык в отношении своей внешней стороны, со стороны фонетики и морфологии, изменился, сравнительно с многими другими языками, довольно мало, но все же изменился. Особенно заметны различия между языком разных эпох в области синтаксиса, семантики и словаря: синтаксис претерпел довольно значительные изменения, если сравнить язык, например XVIII ст. с языком XIV ст., многие слова ныне употребляются в совершенно иных значениях, чем раньше и, наконец, многие слова более старого письменного языка в современном письменном языке оказываются замененными другими.

В общем, в истории монгольского письменного языка можно установить два основных периода: первый от XIII до XVII ст., второй — с XVII ст. Язык первого периода характеризуется рядом особенностей орфографического характера, некоторыми особенностями в области морфологии и также в области словаря.

Относительно этой последней области, области словаря, можно прежде всего заметить, что язык того периода сравнительно свободен от иноязычных элементов и отличается большой архаичностью. Из иноязычных элементов в ту пору можно говорить, главным образом, имея в виду тюркские элементы, вошедшие в язык, вероятно, в период создания письменности,

а отчасти в дописьменный период, когда он был воспринят еще тогдашним живым разговорным языком.

Период истории письменного языка, начало которого относится к XVII ст., можно назвать поздне-феодальным. Язык этого периода характеризуется довольно большими изменениями по сравнению с предшествующим периодом. Язык обогащается значительным количеством иноязычных элементов, особенно заимствованиями из тибетского языка, проникшими в язык в связи с расцветом буддизма именно в этот период. С другой стороны, в письменный язык начали тогда проникать элементы диалектические, и вместе с тем началось очищение языка от всех устаревших и ставших непонятными слов и выражений.

Письменный монгольский язык тогда окончательно сформировался в том виде, в котором он существовал еще в XIX ст., достигнув своего расцвета. Причины такого расцвета лежат в том, что в XVII ст. произошло объединение значительного количества монгольских племен под властью манджуров, и феодальный строй охватывает значительное количество монгольских племен, прежде не знавших феодализма. Феодальные учреждения Монголии по совершенно понятным причинам имели большое влияние на судьбу письменного монгольского языка: успешно конкурируя с манджурским языком, значительно более новым в роли письменного языка канцелярий и управлений, монгольский письменный язык стал языком делопроизводства во всех канцеляриях при ставках феодалов. Благодаря этому, с одной стороны, письменность распространяется по всей Монголии, как Внутренней, так и Внешней, а, с другой стороны, качественная сторона письменного языка, ставшего письменным языком местных феодалов, тоже сильно изменилась, хотя бы в том смысле, что выработался особый канцелярский стиль и появилось множество терминов, относящихся к области управления. На судьбах письменного языка не могло не отразиться также мощное распространение буддизма по всей Монголии, проникшего в начале XVIII ст. даже к бурятам Забайкалья. Буддизм нес с собой большую литературу, главным образом, религиозного, нравственного и философского характера, значительная часть произведений которой известна как раз в переводе на монгольский язык. Такие книги распространялись не только в рукописном виде, но и печатные ксилографическим способом, заключающимся в вырезывании целых страниц на досках, с которых получаются оттиски на бумаге. Книгопечатание происходило при буддийских монастырях и особенно развилось на юге, в Пекине, далее, среди чахар, при некоторых монастырях во Внешней Монголии и впоследствии особенно при бурятских дацанах. Эта буддийская литература

обогатила письменный язык рядом новых терминов, правда, очень несовершенных и громоздких, философского, медицинского и т. д. характера, сделавших тоже письменный язык качественно отличным от языка прежних эпох и, с другой стороны, повлияла на распространение грамотности в порядке одного из религиозных предписаний, другими словами, повлияла на количественное изменение письменности. Роль монгольского письменного языка, как орудия светских феодалов и духовенства в деле управления аратскими массами и их духовного угнетения, становится совершенно очевидной начиная с XVII ст., открывшего период укрепления феодализма и усиления буддизма среди монгольских народностей.

Буддизм, повлиявший, как сказано, в известный период в положительном смысле на распространение грамотности на монгольском языке, с другой стороны, оказался фактором, отрицательно влиявшим на развитие языка, пополняя его исключительно такими терминами, которые являлись дословными переводами тибетских терминов, и потому были совершенно незнакомы не только широким массам, но и представителям даже господствующего класса, не получившим ламского образования. Как известно, монастыри, подобно монастырям средневековой Европы, являлись единственными центрами интеллектуальной жизни, куда стягивалась значительная часть работоспособного населения. В монастырях явное преобладание имел в качестве языка письменности тибетский, игравший большую роль, как язык религии и тех научных дисциплин, которые были связаны с буддизмом. Ламство почти целиком перешло на тибетский язык, на котором оно не только изучало буддийские сочинения, но и само писало и пользовалось им в качестве разговорного языка во время богословских диспутов и в монастырских школах высшего характера. На монгольском языке тем не менее выпускалось очень много книг, но терминология их и словарный запас их языка был специфически ламский, и потому мало доступный массам. Единственный вклад буддийской литературы в письменный монгольский язык — это несовершенная терминология. Остальные стороны, остальные области языка письменности совершенно не развивались и результатом этого господства буддийской литературы явилась сильная отсталость языка во всех областях, не примыкающих непосредственно к области философии буддизма. Остальные области, вернее, лишь одна, а именно область терминологии административной, развивалась уже исключительно под влиянием аппарата феодального государства. Знание тибетского языка распространилось понемногу также за пределы монастырей, так как он естественно стал считаться языком более культурным, почему также многие светские лица, особенно из

феодалов, желавшие получить настоящее образование, им владели подчас лучше даже, чем монгольским письменным языком. Все же письменным языком светских слоев, особенно светских феодалов и их канцелярских и управленческих служащих, оставался монгольский письменный язык.

Переходя к тем специфическим условиям, в которых монгольская письменность развивалась в Бурятии, необходимо прежде всего остановиться на вопросе о времени проникновения в Бурятию монгольской письменности.

В XVIII ст. в Бурятии, особенно в восточной ее части, значительно усилилось влияние монгольского феодализма и большую роль стал играть там китайский торговый капитал, проникший туда через Монголию. Вместе с феодализмом, с его влиянием, вместе с торговым капиталом, к бурятам начала проникать и монгольская письменность, а также буддизм. В 1712 г. в Бурятию прибыло 150 тибетских проповедников и этот год можно считать исторической датой проникновения к бурятам буддизма, хотя, вероятно, с буддизмом буряты сталкивались и раньше при посредстве той же Монголии, где с расцветом феодализма, особенно с XVII ст., буддизм утвердился весьма прочно. Конечно, на первых порах буряты в главной массе продолжали оставаться шаманистами. Буддизм сильно повлиял на распространение среди представителей господствующего класса, а потом и стоящей под ним массы, письменности, поскольку все книги печатались и издавались исключительно в дацанах, развивавших большую деятельность в деле духовного порабощения масс. Уже с 1741 г. начали у бурят появляться дацаны. Они являлись в свое время не только религиозными центрами, но также культурными центрами, центрами своеобразной культуры феодального общества, поскольку в буддийских монастырях разрабатывались и изучались различные, соответствовавшие тогдашнему уровню, научные дисциплины, как то: философия, медицина, астрология и т. д. Каковы бы ни были эти своеобразные науки, процветавшие в буддийских монастырях, изобиловавшие, с нашей точки зрения, множеством лженаучных положений, все же нельзя отрицать факта, что буддийские монастыри в свое время и при тогдашних условиях сыграли известную роль в истории культуры монгольских народностей, в том числе бурят. При бурятских дацанах делались переводы с тибетского языка на монгольский различных книг религиозного, нравственного, дидактического и философского характера, также медицинских и т. д. Составлялись букварн как монгольские, так и тибетские и санскритские. Все эти переводы, к которым необходимо прибавить также ряд оригинальных произведений, издавались ксилографическим способом, заключающимся, как уже сказано, в вырезывании на досках целых страниц книги, с которых получаются оттиски на

листах бумаги. Издавались таким способом не только книги религиозного содержания, но, как сказано, также философские, дидактические, медицинские, буквари и даже сборники повестей и рассказов, так называемые джатаки и другие. Многие из бурятских дацанов имели и имеют прекрасно оборудованные типографии, в которых хранятся доски многих тысяч и десятков тысяч страниц различных книг, не только на тибетском, но также на монгольском языке. Таковы, например, Агинский, Цугольский, Аннинский, Эгитуевский и др. дацаны, при которых имеются высшие философские школы, вследствие чего эти дацаны вообще являются весьма крупными центрами.

Особенно замечательным в этом отношении является Цугольский дацан в Агинском аймаке, выдвинувший ряд крупных деятелей в области распространения монгольской литературы. Но не только из религиозных книг, и книг, издаваемых дацанами, слагается старая бурятская литература, но также из ряда исторических сочинений. Последние представляют собою родовые истории, истории отдельных бурятских родов, в которых в полулегендарной форме сообщаются интереснейшие и ценнейшие данные по старой истории бурят. Есть также целый отдел шаманской литературы: это небольшие книжечки, содержащие моления различным божествам шаманского пантеона. Как родовые истории, так и шаманские культовые книжки являются исключительно рукописными.

Сделав довольно много для распространения монгольской письменности, в своих, конечно, целях, целях духовного порабощения масс, дацаны сами в своем внутреннем обиходе пользовались исключительно тибетским языком.

В Бурятии, точно так же, как и в известный период в Монголии, письменный язык развивался почти исключительно в монастырских кругах, наложивших на него свой очень резкий отпечаток, влив в него множество чисто ламских терминов.

В Монголии монгольский письменный язык начинает в последние столетия очень сильно изменяться, и на место единого письменного языка, каким он был раньше, начинают появляться множество местных письменных языков, на которых очень сильно заметно влияние местных наречий. Чем объясняется появление таких местных письменных языков или, вернее, письменного языка, содержащего в разных местностях множество элементов, множество признаков, присущих местным наречиям, словом, исчезновение единого стандартизованного письменного языка?

К тому времени, когда буддизм распространился по всей Монголии и пустил там глубокие корни и когда заметно укрепился монгольский фео-

дализм, принявший новые формы под влиянием господства манджуров — имеется в виду феодальный строй Халхи — последний претерпел известные изменения. Отдельные области, объединенные общей зависимостью от Китая эпохи манджуров, в этом отношении составляют как бы единую Монголию. Но страна в целом разделяется на множество мелких княжеств, с мелкими феодалами во главе, подчинявшимися небольшому количеству крупных феодалов, ханов. Среди населения этих княжеств окончательно наметилось и произошло разделение на князей-нойонов, духовенство (среди которого большую роль начинают играть хутухты, хубилганы, гегены и прочие духовные феодалы), аратов и крепостных. Господствующим классом был класс светских и духовных феодалов, которому безоговорочно подчинялось все остальное население. Количество лам росло буквально по дням и, наконец, значительная часть трудоспособного населения оказалась в монастырях, где, как уже сказано, господствующим языком был тибетский. О развитии языка монгольской письменности в монастырских условиях уже говорилось. Теперь необходимо остановиться подробнее на том вопросе, какое влияние оказал на язык письменности господствующий класс в его не духовной, но светской части, т. е. светские феодалы. Страна, как уже выше было отмечено, распалась на ряд мелких феодальных княжеств. Центральная власть была в Китае. Представители ее — манджурские наместники, различные амбани и т. п., имели при себе в Монголии свой аппарат и свои штаты манджурских писарей и чиновников. Монгольские же феодалы не представляли собою какой-нибудь центральной власти. В лучшем случае, такие ханы, как Тушету хан или Сайн Нойон хан, стояли во главе лишь аймаков, и их власть далеко за пределы их не распространялась. Следствием этого явилось, что язык в таких разобщенных феодальных владениях не мог сохранять своего единства, и монгольский письменный язык начинает испытывать довольно сильные влияния со стороны местных наречий. Он начинает меняться как в смысле своего словарного запаса, морфологии, орфографии, так и синтаксиса, обнаруживая явные следы влияния живой речи. Началось сближение письменного языка с разговорным, которому особенно содействовало то обстоятельство, что в Монголии всегда было очень мало школ. Это сближение письменного языка с разговорным проявляется в проникновении в письменный язык элементов живой речи, свойственных языку феодальных слоев каждой данной местности. Вместо единого письменного языка появляется, можно сказать, ряд письменных языков на основе письменного языка предшествующей эпохи, с преобладанием тех или иных элементов живой речи каждой данной местности. Решаю-

щую роль здесь играет безусловно обособленность друг от друга отдельных частей Монголии, прежде являвшейся единой империей (при Чингис-хане и его преемниках).

Таким образом, если в монастырях развивался довольно однотипно и однообразно язык буддийской литературы, то этого нельзя было сказать о языке светской литературы, который, наоборот, в разных местностях приобретает разнообразный характер. Конечно, язык в общем сохранял свое единство, и не следует вышесказанное понимать в том смысле, будто литературных языков стало несколько: это был один, в общих чертах, язык, но обнаруживавший разные местные диалектические влияния.

В специфических условиях Бурятии отсутствовали крупные феодалы со своим управленческим аппаратом, со своими канцеляриями, поскольку Бурятия уже давно подпала под власть России. Тем не менее светско-феодальные элементы в лице тайшей, шуленг, зайсанов и т. д. были довольно сильны. Кроме того, отдаленность Бурятии от центров, где процветал образцовый монгольский письменный язык — от Внутренней Монголии и от Пекина — в значительной степени способствовала внедрению различных диалектических форм в язык бурят-монгольской письменности, чуждых монгольскому письменному языку так называемого классического периода. Появляются чисто бурятские слова, кроме того многие слова старой монгольской письменности появляются в бурятской фонетической оболочке. Меняется также почерк: в то время как в Монголии с XIX ст. широко распространяется, под влиянием канцелярий, скоропись, характеризующаяся, между прочим, обилием закругленных хвостов у конечных букв, в Бурятии вырабатывается свой особый почерк, более угловатый и четкий.

Распространившись в восточной Бурятии, среди восточных и селенгинских бурят, монгольская письменность не проникла к западным, где пережитки родового строя сохранялись значительно дольше и где не ощущалось так сильно влияние монгольского феодализма, жившим обособленно от восточных своих соплеменников и, в языковом отношении, к моменту распространения письменности значительно отличавшимся от них. Отличаясь не только словарным запасом, семантикой, морфологией и фонетикой от языка восточных бурят, язык западных бурят представлял собою большие затруднения в смысле возможности приспособления к нему существовавшей письменности. Вопрос об отсутствии национальной письменности у западных бурят, впрочем, никого до поры до времени особенно не беспокоил. Лишь в первом десятилетии этого столетия группа бурятских деятелей, являвшихся выразителями стремлений нарождавшейся бурятской национальной

буржуазии, возглавлявшаяся известным хамбо-ламою Агваном Доржиевым, наметила ряд мероприятий в деле распространения среди западных бурят письменности. Сильное обрусение бурят ряда западных районов представляло собою довольно угрожающее явление для молодой национальной буржуазии, прекрасно сознававшей, что колонизационная политика царских чиновников в союзе со стихийным обрусением целых районов несет ей экономическую гибель и капитуляцию перед русской буржуазией. Западные буряты, как сказано, не были знакомы с монгольской письменностью и получившие образование из них были грамотны лишь по-русски. Стоя в отношении своего экономического уровня несравненно выше восточных бурят-кочевников, западные буряты сохраняли тогда еще много первобытных пережитков: нигде шаманизм и разные суеверия не сохранялись среди бурят в такой целости, как именно среди западных бурят. Приобщение же к культуре, к цивилизации, группа бурятских деятелей, возглавлявшаяся Агваном Доржиевым, понимала только как приобщение к буддийской культуре своего класса, как возвращение в лоно общемонгольской культуры, которую они понимали как буддийско-монгольскую культуру, отрыв от которой им представлялся равноценным национальной гибели. Группа эта являлась носительницей и пропагандисткой клерикально националистических идей и лозунгов.

Приобщение западных бурят к монгольской письменности было, однако, делом весьма нелегким в силу того, что язык западных бурят отстоял слишком далеко от монгольского. Кроме того, изучение монгольского алфавита, многие буквы которого имеют по несколько значений, затруднялось неточностью и несовершенством его. Поэтому названная группа, наиболее деятельными членами которой были просвещенцы Н. Амагаев и Аламжи-Мэргэн (псевдоним), считала необходимым сделать изучение грамоты более легким и доступным. Самым радикальным было бы, конечно, предложить бурятам принять иную систему письменности по сравнению с прежней и отбросить старую монгольскую, которая ни в коей мере не могла служить орудием приобщения масс к достояниям современной науки. Но молодая бурятская буржуазия иначе смотрела на это дело: полный отрыв от всего остального монгольского мира был крайне нежелателен и, делая такой ответственный шаг, как создание письменности для бесписьменной народности, каковой являлись западные буряты, она боялась быть слишком революционной в этом деле и предпочла стать на путь частичных реформ существующего алфавита переходу на совершенно иную письменность, тем более, что для бурятской буржуазии был нежелателен отказ от буддизма — недаром делом со-

здания нового алфавита руководил хамбо-лама, именем которого был назван алфавит. Это прекрасно видно из заявления составителей учебника нового алфавита Амагаева и Аламжи-Мэргэна: «Все то, что должно было будить, возвышать и заставлять стремиться к лучшему народную мысль и волю, а именно религия (подчеркнуто мною. *Н. П.*) — в виде философского и нравственного учения буддизма — и европейская культура в ее положительных проявлениях были недоступны для широких масс и свет истинного знания был почти совершенно закрыт для них то случайными, то умышленными преградами... И вот результаты, западная культура, разрушая патриархальный быт (подчеркнуто мною. *Н. П.*), его устои, не давала ничего взамен, вследствие чего в массах падали нравственные начала и широко распространялись социальные болезни, как пьянство, преступность и т. д.» (Новый Монголо-Бурятский алфавит, стр. 1—2). Здесь ясно сказано, что очень близкое знакомство с культурой запада было названной группе крайне нежелательно, ибо западная культура, разрушающая патриархальный быт, несла также нежелательное пробуждение сознательности масс и могла пробудить среди отсталой бурятской массы опасные революционные настроения. Такой путь, путь введения совсем новой письменности был нежелателен, тем более желательной была реформа алфавита, которая должна была приблизить культуру и просвещение через родной язык, которые, по мысли авторов учебника, являлись единственным средством спасения бурят от вымирания и исчезновения, а их хозяйство от краха (стр. 4).

Алфавит, получивший название «алфавита Агвана Доржиева», представляет собою реформированный и уточненный монгольский алфавит (см. стр. 89).

Несмотря на принятие довольно энергичных мер, опубликование учебника нового алфавита, нескольких сборников поэзии и других книг, для которых был отлит специальный шрифт, новый алфавит не привился, причиной чего была его сложность и, кроме того, неизжитость и утопичность всего предприятия приобщить западных бурят к культуре при посредстве письменности на основе чуждого им монгольского алфавита.

Не помогло распространению новой письменности и то, что в основу нового литературного языка была положена живая речь западных бурят. Это обстоятельство, впрочем, являлось скорее отрицательным фактом для новой письменности, ибо явно утопичным было предположение, что у западных бурят сможет развиться особый литературный язык на основе разговорного, отличный от письменности восточных бурят.

Главной причиной, почему новая письменность не распространилась и не привилась, было то, что новая письменность была создана узким кру-

ТАБЛИЦА ЗНАКОВ АЛФАВИТА АГВАНА ДОРЖИЕВА

Начертания букв	Принятая в научных работах транскрипция	Новый латинский алфавит	Произношение в передаче знаками русского алфавита
	a	a	а
	o	o	о
	u	u	у
	e	e	э
	y	y	в русск. академич. транскр. ӳ
	ȯ	ȯ	» » » » ȯ
	i	i	и
	g	g	г
	x	k	х
	m	m	м
	n	n	н
	ŋ	ng	в русск. академич. транскр. ң
	z	z	ж
	ç	ç	ч
	ş	ş	ш
	z	z	з
	c	c	ц
	s	s	с
	d	d	д
	t	t	т
	b	b	б
	p	p	п
	l	l	л
	r	r	р
	j	j	в русск. академич. транскр. j
	v	v	» » » » w

гом интеллигентов в полном отрыве от массы, причем даже не было сделано попытки со стороны инициаторов этого дела разъяснить массам смысл и значение этой реформы. Безусловно прав автор предисловия к одной из немногих книг, вышедших на новом алфавите, Алмас Нарнай, когда он в качестве одной из причин неудачи новой письменности приводит тот факт, что на новом алфавите издавались исключительно литографированные брошюры на душеспасительные темы. Правда, Алмас Нарнай главную причину видит в том, что книги эти были литографированные, а не печатные, и потому не могли иметь достаточного авторитета у массы, для которой печатное слово обладает большим весом, чем рукопись. На деле гораздо больше значения имело, конечно, содержание этих брошюр; но спрашивается, какие же брошюры могли издаваться на агвановском алфавите, как не религиозные?

Таким образом, среди западных бурят не распространилась письменность и, фактически, они оставались бесписьменными до Октябрьской революции, а среди восточных бурят продолжал существовать только старый монгольский алфавит.

Переходя к письменности революционной эпохи, следует остановиться, прежде всего, на судьбах монгольской письменности в послереволюционный период в Монголии.

Как было сказано выше, еще задолго до революции начался процесс усвоения письменным языком элементов живой речи. Особенно ускорился этот процесс на территории Внешней Монголии после революции в Монголии, после провозглашения Монгольской народной республики, так как революция имела своим следствием приход к власти трудового аратства, создавшего свои учреждения и образовавшего значительный процент служащих государственного аппарата. Представители худонского трудового аратства внесли в письменный язык деловой переписки много элементов своего разговорного халхаского языка. С другой стороны, независимая Монголия привлекла много выходцев, эмигрантов и из Внутренней Монголии, которые внесли в новый язык политической литературы и деловой переписки элементы своих живых языков. Этот новый письменный язык революционного периода в Монгольской народной республике характеризуется отчасти своей орфографией, главной особенностью которой является большая непоследовательность и тенденция ряд слов передавать не в традиционном написании, по применительно к живой речи, например, такие формы, как: [illegible] «теперь», вместо [illegible]; [illegible] вместо [illegible] и т. д. Далее, этот язык отличается и в отношении морфологии: многие суффиксы

употребляются без строгого следования правилам, так, например, суффиксы родительного падежа *-u*, *-un* и *-jin* могут употребляться от основ, оканчивающихся на любые звуки и т. п. Самые же главные отличия нового письменного языка касаются области словаря.

Революция принесла с собой множество новых понятий, которые в значительной своей части уже выходили за пределы круга прежних, дореволюционных понятий, хотя бы в той же области административной и политической терминологии. Язык начал пополняться соответствующими новыми словами и выражениями, количество которых с каждым годом все увеличивается. При этом в вопросе создания этого нового, уже революционного письменного языка, можно установить два основных периода. На первом своем этапе монгольская революция является национально-освободительной, и под этим лозунгом национального освобождения Монголии от внешних империалистов и их агентов внутри страны и протекал первый период монгольской революции, характеризующийся известным подъемом националистических тенденций, зародившихся в среде бывших феодалов, представителей прежнего чиновничества и т. д. Эти националистические тенденции, известные под названием панмонголизма, целью которого было политическое объединение всех монгольских народностей на основе сохранения существовавшей экономической системы, проявлялись также в области языковой: наметилось определенное стремление все понятия, создаваемые быстро текущей жизнью, передавать своими чисто монгольскими словами, не прибегая к заимствованиям из других языков. Началось изобретение новых терминов на основе прежде существовавших в языке слов, и результатом этого явилось множество довольно громоздких терминов чисто монгольского происхождения даже для интернациональных понятий, как, например, коммунизм, социализм, республика и т. д. Когда же монгольская революция вступила в следующие свои фазы, когда Монгольская народно-революционная партия взяла решительный курс на ликвидацию феодальных элементов — это не осталось без влияния на письменный язык. В новейших книгах политического содержания можно уже встретить многочисленные термины международные или русские, явившиеся на смену терминам чисто монгольским, таковы, например, термины кооперация, коммунизм и т. д., вытесняющие созданные в начале революции термины [illegible] и т. д. Особенно заметно стало количество таких международных терминов в период после VIII Съезда Монгольской народно-революционной партии, который можно назвать периодом начала интернационализации монгольской терминологии. Таков, следовательно, последний этап монгольского

письменного языка эпохи диктатуры аратства, естественно порвавшего со всеми старыми традициями и поведшего энергичную борьбу с проявлениями классово-враждебного панмонголизма, в частности, в языковой области.

Письменный монгольский язык революционного периода характеризуется еще тем, что он обнаружил способность стать суррогатом живого литературного языка, главной особенностью которого является подстановка, на месте чисто письменных форм, халхаских, с сохранением в остальном всех особенностей письменного языка.

Несмотря на такие перемены, которые претерпел письменный монгольский язык, он все же не сравнялся с живой халхаской речью и, по существу, является как бы вторым, параллельным ей языком.

Историю бурятской письменности за период после Октябрьской революции нельзя отделять от истории письменности за этот же период на территории Монгольской народной республики.

До Октябрьской революции Монголия и Бурятия были разобщены: Монголия, входившая в состав Китайской империи, и Бурятия, составлявшая часть России, жили разной жизнью как политической, так и культурной. Культурная связь не только не налаживалась, но все ослабевала, чему виною было то национальное угнетение, которое Бурятия испытывала со стороны царского правительства, в каждом культурном мероприятии видевшего крамолу. Между прочим, крамолой считалась даже реформа алфавита, о которой говорилось выше.

Октябрьская революция принесла освобождение трудящимся массам Бурятии от этого гнета. В результате же Октябрьской революции произошло и освобождение Монголии от китайского капитала и его агентов внутри страны, ликвидировав те феодальные отношения, которые преграждали монгольской массе путь к просвещению. С момента Октябрьской революции оба братские народа — халха-монголы и буряты, стали строить новую жизнь. В Монголии появилось много деятелей родом бурят, что не могло не отразиться на деловом языке и на языке политических речей и прессы. С другой стороны, буряты, за редким исключением незнакомые с иной политической, экономической и т. д. терминологией, как только с русской, что объяснялось специфическими условиями в Бурятии при старом режиме, были вынуждены заимствовать от монголов всю специальную терминологию и ввести ее в обиход тех учреждений, которые возникли в революционной Бурятии. В этом деле заимствования терминов, создания искусственных терминов на основе старых монгольских и образования их от тех или иных монгольских корней были допущены ошибки. Так например, термины, вы-

ражающие те или иные понятия, связанные с международным рабочим движением, коммунизмом, пролетарской революцией и т. д., которые являются интернациональными, в Бурятии уступили место искусственным и часто громоздким и не совсем точно выражающим основную идею монгольским терминам. В этих ошибках были повинны как Бурят-монгольский ученый комитет, так и Бургиз и др. организации. Особенно показательным является терминологический словарь, изданный Буручкомом в 1928 г., в котором даже такие слова, как название французской монеты «франк», переведено на монгольский язык особым монгольским словом, дословно значущим «французский тухрик».

Революция сильно обогатила письменный язык бурятской прессы новыми словами и выражениями и дала новое содержание многим словам старого языка. Имея много общего с языком монгольской революционной прессы, язык бурятский отличается все же рядом своих специфических особенностей, преимущественно обилием таких терминов, которые могли возникнуть лишь в условиях советской действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Бобровников, А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
Ковалевский, О. Монгольско-русско-французский словарь. Томы I—III, Казань, 1844—1849.
Голстунский, К. Ф. Монгольско-русский словарь. Томы I—III и дополнения. СПб., 1893—1901.
Владимирцов, Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
Владимирцов, Б. Я. Монгольский сборник рассказов из Paiçatantra. П., 1921.
Poppe, N. Geserica. Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Version des Gesserkhan. Asia Major, vol. III, Lpz., 1927.
Барадин, Б. Б. Буддийские монастыри. Статья в книге М. Н. Богданова. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926, стр. 109 и сл.
Новый монголо-бурятский алфавит. Сост. Амагаев, П. и Аламжи-Мэрген. СПб., 1910.
Сборник монголо-бурятской народной поэзии. Под ред. Алмас Нарнай. Вып. II, СПб., 1911.
Русско-монгольский терминологический словарь. Изд. Буручкомом. Верхнеудинск, 1928.

ГЛАВА VIII

ЛАТИНИЗАЦИЯ БУРЯТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Вопросы письменности всегда принадлежали к наиболее сложным и больным вопросам прошлого бурят. Как уже было сказано, с монгольской письменностью были знакомы только забайкальские буряты и баргу-буряты, западные же буряты до самого последнего времени оставались бесписьменными.

Да и среди восточных бурят письменность была распространена чрезвычайно слабо и большинство населения было неграмотно. Объясняется это

не только отсутствием поддержки и помощи делу просвещения со стороны царского правительства, или вернее прямым противодействием распространению знаний с его стороны, но также трудностью монгольской письменности. Алфавит был крайне несовершенен и на изучение грамоты уходило значительно больше времени, чем на изучение грамоты какого-нибудь европейского народа.

Еще большее значение, чем несовершенство алфавита, имело полное несоответствие разговорного языка языку письменности, являющемуся по существу другим языком. Грамотный по монгольски должен был, таким образом, быть двуязычным. Монгольское же письмо было таково, что писать этим алфавитом на разговорном языке было невозможно.

Выше, в седьмой главе, говорилось о неудачной попытке реформировать старый монгольский алфавит, уточнить его и приспособить специально к западно-бурятскому наречию, сделанной группой просвещенцев во главе с хамбо-ламой Агваном Доржиевым. Там же были перечислены причины неудачи этой новой письменности.

Неудачи, постигшие новую реформированную письменность, должны были ясно показать, что никакими средствами облегчить изучение и распространение монгольской письменности нельзя, как бы она ни была упрощена и усовершенствована. Поднять культуру бурят и распространить среди них знания могло только одно: отказ от старой несовершенной письменности и переход на новую, более совершенную на основе международного латинского алфавита.

Такой отказ от устарелых и отсталых форм письма и переход на латинский алфавит составляют одно из величайших завоеваний Октябрьской революции, которая дала дотоле бесписьменным народностям или пользовавшимся несовершенными алфавитами, типа арабского, новую письменность. И бурят-монголы оказались в числе народностей, получивших новый латинский алфавит из рук рабочего класса.

Нужно, впрочем, заметить, что первый опыт приспособления латинского алфавита к бурятскому языку был сделан задолго до Октябрьской революции и даже немного раньше того, как неудача Агвановского алфавита стала совершенно очевидной. Дело в том, что скептическое отношение к реформированному алфавиту Агвана Доржиева было проявлено со стороны наиболее дальновидных и решительных бурятских деятелей почти сразу после его возникновения. Среди этой группы зародилась мысль ввести латинский алфавит и писать этим алфавитом на живом разговорном языке.

Первый проект бурятского алфавита на латинской основе принадлежит заслуженому деятелю бурятской науки Б. Б. Барадину, являющемуся самым первым и самым активным деятелем латинизации. В 1910 г. вышла в свет его брошюра Buriaad zonoi uran eugeiin deeji (Отрывки из бурятской народной литературы), в которой даются в латинской транскрипции некоторые произведения устного творчества бурят и объяснение алфавита, а первые опыты в этом направлении им делались еще в 1905 г.

Алфавит Барадина приводится на стр. 96. В качестве примечания к нему добавим, что долгота гласных обозначается им двойным начертанием гласного.

Барадин не был одинок в своем почине и встретил поддержку со стороны наиболее передовых представителей бурятской интеллигенции.

Соратником его в деле пропаганды нового латинского алфавита явился известный бурятский ученый и политический деятель М. Н. Богданов, зверски убитый в эпоху гражданской войны белогвардейцами, выступавший за латинский алфавит в газете «Сибирь» (за 1910 г.) под псевдонимом Галсан Цэрэнов.

Идея латинизации встретила резкий отпор со стороны приверженцев алфавита Агвана Доржиева. Так, например, Алмас Нарнай, редактировавший II выпуск «Сборника Монголо-Бурятской народной поэзии» (СПб., 1911, стр. IV — V), заранее постарался дискредитировать латинский алфавит, говоря, что он никакой будущности не имеет и что против него вся Бурятия и все видные представители сибирской интеллигенции. Кроме того, по словам Алмас Нарнай, против латинского алфавита будто бы выступили и столичные ученые, признавшие латинский алфавит неприспособленным к передаче звуков бурятского языка. Эти выступления бурятских реакционных элементов против латинского алфавита имели свои вполне основательные причины. Реакционной буржуазии был нежелателен отрыв от остального монгольского мира и, кроме того, переход на латинский алфавит знаменовал бы собою отход от буддизма, от религии, сохранение власти которой над массами было буржуазии жизненно необходимо. В предыдущей главе приводились заявления поборников реформированного Агвановского алфавита о том, что новая письменность призвана распространять среди бурят «все то, что должно было будить, возвышать и заставлять стремиться к лучшему народную волю, а именно религию в виде философского и нравственного учения буддизма» и т. д. Латинский алфавит не мог рассматриваться как проводник буддийской нравственности.

АЛФАВИТ Б. Б. БАРАДИНА

Знаки алфавита Барадина	Знаки нового алфавита	Соответствующий знак русского алфавита
a	a	а
b	b	б
c	c	с
d	d	д
e	e	э
eo	o	в русск. академич. транскр. ȯ
eu	y	» » » » ẏ
g	g	г
h	h	в русск. академич. транскр. h
i	i	и
j	ƶ	ж
l	l	л
m	m	м
n	n	н
o	o	о
p	p	п
r	r	р
s	ş	ш
t	t	т
u	u	у
x	k	х
y	j	в русск. академич. транскр. j
z	z	з

Алфавит Бардина не получил распространения. Этому препятствовало, прежде всего, яростное сопротивление бурятского нойонства и ламства. Кроме того, это дело не встретило не только никакой поддержки со стороны правительства, но прямое противодействие ему. Ведь правительство принимало меры даже к искоренению нового Агвановского алфавита, доходя до таких репрессий по отношению к деятелям его, как высылка. Наконец, и это является тоже весьма существенной причиной, переход на новый латинский алфавит в условиях одной только Бурятии не мог бы все равно ничего дать, кроме как порвать все культурные связи с Монголией. А Бурятии, с ее слабо развитой письменностью, в условиях тяжелого национального угнетения со стороны царского правительства, это было невыгодно.

Когда Октябрьская революция принесла освобождение многочисленным угнетенным национальностям царской России, и поднялась мощная волна культурного строительства в национальных республиках и областях, впервые был серьезно поставлен вопрос о переходе на новую, более совершенную письменность на основе латинского алфавита. Почин в этом деле принадлежит тюркам, именно якутам, еще в 1923 г. перешедшим на алфавит, созданный С. А. Новгородовым на основе латинского. Алфавит этот отличался, однако, некоторыми недостатками, и вскоре в Азербайджане был введен другой алфавит тоже на латинской основе. Этот азербайджанский алфавит — Новый тюркский алфавит — вскоре стал алфавитом всех тюркских народностей Союза, после того как он подвергся некоторым частичным изменениям.

В Бурят-Монгольской АССР вопрос о переходе на латинский алфавит был после Октябрьской революции впервые поднят на I Национально-культурном совещании в Верхнеудинске в 1926 г., где Б. Б. Бардин снова выступил с проектом латинизации, предложив на этот раз фонемографичное, как он его называет, письмо, т. е. такое письмо, «которое отмечает не только единичные, но и общие типы фонем». Другими словами, близкими по начертанию знаками этого алфавита должны передаваться родственные по артикуляции звуки, так, например, буквами p, b и d Бардин предлагал передавать звуки *п*, *б* и *м*.

Проект этот довольно фантастичен, но идея перехода на латинский алфавит была вполне правильной. Момент, однако, еще не совсем созрел и было нецелесообразно это мероприятие осуществлять отдельно от революционной Монголии. Кроме того, идея перехода на латинский алфавит и на этот раз на Совещании встретила яростный отпор со стороны реакционных

элементов бурятской интеллигенции. На этом совещании снова раздались голоса, что латинизация порвет связи, соединяющие бурят и остальных монголов.

Более решительно вопрос о переходе на латинский алфавит был поднят в 1929 г. Тогда же был опубликован первый проект бурятского алфавита на основе нового тюркского. Автором настоящей книги был предложен свой проект латинского алфавита, безусловно неудачный, поскольку он должен был обслуживать не бурятский язык и не монгольский, а какой-то реально не существующий, средний между халхаским и бурятским находящийся язык, который должен был стать языком новой письменности. В 1930 г. пишущий настоящие строки предложил уже другой алфавит, который почти ничем не отличается от ныне принятого бурят-монгольского алфавита. Решающим явился февраль 1930 г., когда в Верхнеудинске была созвана конференция по латинизации. Эта конференция, в которой участвовали также представители Монгольской народной республики, окончательно постановила произвести переход на новый алфавит, в который она внесла некоторые изменения. Алфавит этот дается на стр. 99.

Алфавит этот не был утвержден пленумом Комитета нового алфавита, собравшимся в мае 1930 г. в г. Алма-Ата, где было предложено принять новый унифицированный алфавит. Последний и был объявлен официально новым бурят-монгольским алфавитом (см. стр. 100).

Этот алфавит был принят впоследствии и монголами. Окончательно дело латинизации бурят-монгольской письменности было закреплено конференцией, созванной в январе 1931 г. в Москве, в работе которой, кроме представителей Бурят-Монголии, приняли также участие представители Монгольской народной республики и Калмыцкой автономной области. На этой конференции была произведена унификация латинских алфавитов всех монгольских народностей (бурят, монголов и калмыков) и были выработаны твердые правила бурятской орфографии. На этой же конференции был решен вопрос о бурятском литературном языке.

В силу раздробленности бурятских говоров вопрос о том, какой говор или какое наречие положить в основу нового литературного языка, всегда представлял собою большие трудности. С другой стороны, ввиду желательности обслуживания монголов и бурят одним литературным языком явилось естественным предложение положить в основу нового литературного языка халхаский язык. Поэтому такое предложение заслуживало всяческого внимания. Не следует, однако, понимать его таким образом, что буряты должны были писать по-халхаски. Принятое конференцией решение гласило, что

АЛФАВИТ, ВЫРАБОТАННЫЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ 1930 Г.

Знаки алфавита	Соответствия ныне принятого алфавита	Произношение в транскрипции знаками русского алфавита
a	a	а
b	b	б
c	c	ц
ch	ç	ч
d	d	д
e	e	э
f	f	ф
g	g	г
i	i	и
j	j	в русск. академич. транскр. j
k	k	х
l	l	л
m	m	м
n	n	н
o	o	о
ө	ө	в русск. академич. транскр. ȯ
p	p	п
r	r	р
s	s	с
sh	ş	ш
t	t	т
u	y	в русск. академич. транскр. ў
v	u	у
w	v	в
y	i i	в русск. академич. транскр. ī
z	z	з
zh	ƶ	ж

НЫНЕ ДЕЙСТВУЮЩИЙ НОВЫЙ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ АЛФАВИТ

(под чертой в каждой клеточке дается эквивалент русской транскрипции)

A a / а	B b / б	C c / ц	Ç ç / ч	D d / д
E e / э	F f / ф	G g / г	H h / h	I i / и
J j / j	K k / х	L l / л	M m / м	N n / н
O o / о	Ө ө / ӧ	P p / п	R r / р	S s / с
Ş ş / ш	T t / т	U u / у	V v / в	Y y / ӳ
Z z / з	Ƶ ƶ / ж	—	—	—

халхаский язык кладется лишь в основу бурятского литературного языка, т. е. что правила нового литературного языка строятся лишь в основном, в общих, в главных чертах, на халхаском языке. К сожалению, конференция не уточнила тех границ, в пределах которых новый литературный язык должен был быть халхаским и, что хуже, в течение весьма продолжительного срока после конференции не были изданы материалы и стенограммы конференции, что лишило всех, кто не был на конференции, возможности ознакомиться с ее основными решениями. Неудивительно, что многие стали поэтому самостоятельно решать вопрос о пропорциях халхаских и бурятских элементов в новом литературном языке.

Еще в 1926 г. Бардин заявил, что новый литературный язык должен содержанием своим охватить не только «всю языковую культуру монгольских племен в лице лексического и идеологического содержания литературно-монгольского языка и всех живых монгольских наречий, но и все интернациональные языковые элементы». По форме же новый литературный язык должен был быть халхаским языком. Теория, что можно создать

какой-то язык, который состоял бы из слов одного языка, переделанных на фонетический лад другого языка, является довольно наивной, ибо требует от говорящих и пишущих, чтобы они были специалистами в области сравнительного языкознания и, прибегая к различным правилам, придавали бы, скажем, бурятским словам фонетически закономерную халхаскую оболочку. Такое предложение могло, конечно, родиться только под влиянием формальной школы в языкознании, устанавливающей различные закономерности между разными языками и почти не интересующейся исключениями из общих правил, нарушающими эти закономерности, как чем-то случайным и потому не существенным. Но ведь еще Энгельс говорил, что фактически это означает следующее: то, что можно подвести под законы, что, следовательно, знают, то интересно, а то, чего нельзя подвести под законы, чего, следовательно, не знают, то безразлично, тем можно пренебречь. И прав Энгельс, когда говорит, что при такой точке зрения прекращается всякая наука, задача которой как раз заключается в том, чтобы раскрыть нам то, чего мы не знаем (Диалектика природы). Сторонники этого течения забыли, что есть много такого в бурятском языке, что не подходит под общие законы соответствий халхаского и бурятского, и отмахнулись от таких явлений, повторив то, что было отмечено Энгельсом как нечто антинаучное.

Другая ошибка этого течения, настаивавшего на введении в качестве литературного языка смеси халхаского и бурятского языков, заключается в механистическом понимании отношения формы и содержания. Бардин решал вопрос об отношении формы нового литературного языка к его содержанию очень просто: содержанием он объявил все то, что в смысле языкового материала нам дают все монгольские языки, в том числе бурятский, а формой — то специфическое, особенное, что представляет собой халхаский язык. Он считал возможным создание искусственного литературного языка путем придачи халхаской внешней звуковой формы словам, между прочим, чисто бурятским. В качестве примера такого искусственного создавания слов литературного языка можно было бы привести такое бурятское слово, как *sol* (sool) «печь», которое в «халхаской» фонетической оболочке по правилам орфографии в новом литературном языке должно было бы иметь вид *col* (cool). Нечего и говорить, что ни халхас, ни восточный бурят никогда бы не догадались, что эта искусственно созданная форма должна означать.

В более развитом и обработанном виде Бардин издал свой проект грамматики нового литературного языка уже после конференции 1931 г.

В этой своей книге, озаглавленной «Краткое руководство по грамматике и графетике нового бурят-монгольского литературного языка», Бардин под видом нового литературного языка все время говорит о стопроцентном халхаском языке. Хотя в этой своей работе он и повторяет свои прежде высказанные соображения об отношении формы нового литературного языка к его содержанию, его замечание о том, что по своему лексическому содержанию новый литературный язык должен представлять собою синтез всех монгольских языков, на деле является простым лишь привеском к его работе, ибо в дальнейшем он приводит лишь чисто халхаский материал и, притом, специфически халхаский.

Весьма значительным недостатком прежних работ в области грамматики и орфографии нового литературного языка Бардина, является трудность и непонятность изложения. Особенно автор этих работ злоупотребляет различными терминами, на три четверти лично им впервые вводимыми и совершенно неизвестными поэтому даже специалистам. Слабостью автора является также его любовь к различного рода схемам и классификациям, которые возбуждают весьма большие сомнения. Так, например, Бардин классифицирует языки по лексическому содержанию на бедные языки первобытных диких и малокультурных народов и на языки богатые культурных народов. Автор, очевидно, забыл, что богатство или бедность языков, о которых он говорит, не являются качествами, внутренне присущими языку, но обусловлены исключительно внешними для языка причинами, например, национальным угнетением, экономической отсталостью и т. д. Еще более обращает на себя внимание разбивка языков по «идеологическому содержанию» на классовые и внеклассовые. Наконец автор договорился даже до того, что в жизни языков и письмен якобы действует закон борьбы за существование, аналогичный закону естественного отбора в жизни органического мира (Б. Бардин. Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры. Баку, 1929, стр. 11). Между тем, ведь общеизвестно, что самым непозволительным, что только может быть, является смешение законов общества с законами природы, и что так называемая борьба языков есть ничто иное, как одно из проявлений классовой борьбы. Все же необходимо подчеркнуть, что роль Бардина в области латинизации является совершенно исключительной, и заслуги его, несмотря на ряд недочетов его работ, огромны. Работы Бардина нужно изучать, извлекать из них ценное и полезное тем более, что есть у него работы, которые сделали бы честь любому серьезному исследователю, как, напр., его новая грамматика, составленная на бурятском языке.

Теоретические ошибки не преминули сказаться на практике латинизации. Рекомендованные рецепты приготовления нового литературного языка путем вливания в халхаскую оболочку бурятских слов были правильно заклеймены, как идеализм в языкознании.

Правильный выход из создавшегося трудного положения нашел Бурят-Монгольский обком ВКП(б), вынесший постановление, согласно которому вместо искусственного литературного языка на основе халхаского должно быть введено в качестве литературного языка селенгинско-бурятское наречие, имеющее наряду с другими еще и то преимущество перед прочими, что оно довольно близко к халхаскому языку. Введение этого наречия в качестве литературного языка должно было помочь сохранению известной связи между культурным строительством Бурятии и Монголии.

Таким образом было, наконец, найдено правильное решение трудного и запутанного вопроса о том, на основе какого наречия должен разрабатываться новый литературный язык.

Латинизация сделала в Бурят-Монгольской АССР в короткое время большие успехи и уже в середине 1931 г. главный орган Бурят-Монгольской АССР Buriaad-Mongoliin Unen почти на 25% издавался уже на новом литературном языке и латинском алфавите. Не коснулась она по понятным причинам лишь баргу-бурят.

Латинизация бурят-монгольского языка, как видно, не являлась легким делом и не прошла абсолютно безболезненно. О различного рода ошибках, допущенных при ее осуществлении на практике, выше уже говорилось, здесь же необходимо указать на то, что латинизация, как и следовало ожидать, встретила со стороны нойонства и кулачества довольно сильное противодействие. Это понятно, так как латинизация должна была нанести окончательный удар их господству. В частности, она нанесла жестокий удар планам панмонголистов, ибо с момента проведения латинизации наиболее передовые монгольские народности, бурят-монголы и калмыки, строющие социализм, и халха-монголы, добившиеся своего национального освобождения и создавшие самостоятельное государство, окончательно вышли на путь культурной революции. Старый алфавит и старый литературный язык, объединявший феодалов всех монгольских областей и являвшийся орудием их классового господства, потерпел жесточайшее поражение. Латинизация явилась также ударом по буддизму и его религиозной литературе, порвав наконец все нити, связывавшие бурят с их прошлым. Прекрасно характеризует настроение класса, лишенного в результате латинизации еще одного орудия своего господства, предисловие к изданной в Чехословакии грам-

матике калмыцкого языка, в котором высказывается следующее соображение насчет отказа калмыков от своего старого Зая-пандитовского алфавита: «А между тем, отрицательные стороны реформы ясны: порвана еще одна нить, которая, с одной стороны, связывала калмыцкий народ с его славным прошлым, а с другой — вела к остальным ойратским племенам в Джунгарии и далее в Монголию. Оторванность калмыков отныне будет чувствоваться еще сильнее со всеми проистекающими отсюда последствиями. Но не весь калмыцкий народ стал на этот путь. Те, кого судьба забросила еще далее на запад, в среду высококультурных народов (имеются в виду калмыки-эмигранты в Чехословакии. *Н. П.*), иначе смотрят на дело. Стараясь приобщиться к условиям современной общекультурной жизни, они берегут и свое национально-культурное достояние, остаются верными Зая-пандитовскому калмыцкому алфавиту...» (Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-е. Издание Калмыцкой комиссии культурных работников в Чехословацкой республике. Ржевнице у Праги. 1929, стр. IX.

ЛИТЕРАТУРА

Барадин, Бадзар. Отрывки из бурятской народной литературы. Тексты. СПб., 1910.

Сборник Монголо-Бурятской народной поэзии. Вып. II. Под ред. Алмас Нарнай. СПб., 1911.

Материалы к первому культурно-национальному совещанию БМ АССР. Верхнеудинск, 1926 (на правах рукописи).

Поппе, Н. Н. К вопросу о создании нового монгольского алфавита. Культура и письменность Востока. Кн. V, Баку, 1929, стр. 28 и сл.

Поппе, Н. Н. Еще о новом монгольском алфавите. Культура и письменность Востока. Кн. VI, Баку, 1930.

Барадин, Б. Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры. Баку, 1929.

Барадин, Б. Краткое руководство по грамматике и графике нового бурят-монгольского литературного языка. Верхнеудинск, 1931.

ГЛАВА IX

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЕДИНОГО БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Как сказано в главах первой и третьей, единого бурятского языка нет и бурятский язык распадается на несколько наречий и ряд говоров. Там же были указаны причины, препятствовавшие образованию абсолютно единого бурятского языка.

Итак, бурятский язык распадается на ряд говоров, и объединяющим часть этих говоров с большинством других языков монгольской группы, или вернее носителей их из среды господствующего класса, являлся лишь пись-

менный монгольский язык. Последний, как нам уже известно, давно перестал быть языком какой-нибудь определенной монгольской народности и стал языком определенного класса, одного и того же класса ряда монгольских народностей. Но это язык уже отмирающей письменности отмирающего класса, и спрашивается, не наблюдается ли все же и теперь какого-нибудь живого языка в пределах монгольской группы, который играл бы более широкую роль, чем роль рядового местного языка, и служил бы орудием общения для пользующихся им независимо от того, к какой народности или какому племени они принадлежат, словом, который стоял бы над местными говорами и наречиями, объединяя собой представителей определенного класса. Совсем недавно еще у бурят такую роль играл ламский жаргон. Как известно, дацаны имеются в Бурятии в различных местностях, причем очень небольшое количество их возникло даже в западных аймаках. Общее количество лам в Бурят-Монгольской АССР достигало, еще совсем недавно, во всяком случае семи — восьми тысяч человек. В одном и том же дацане жили ламы, происходившие из различных местностей Бурятии. Главная масса лам была родом из восточных аймаков — Хоринского, Агинского, Мухур-Шибирского, Селенгинского и т. д., но попадались среди них и иркутяне. Более того, в бурятских дацанах встречались иногда и ламы-халхасы и даже южные монголы. Ламы проводили в дацане большую часть своей жизни. Многие из них вели бродячий, скитальческий образ жизни, скитались по всей Бурятии и Монголии и доходили до Тибета, где долгие годы проводили в тамошних монастырях. Все это привело к тому, что среди лам образовался особый жаргон, особый язык, ставший почти межнациональным, поскольку он стал языком всех лам бурятских дацанов, даже халхасов и южных монголов. Этот ламский язык отличается тем, что в нем стерлись особенности говоров, легших в его основу. Во многих отношениях этот жаргон перестал быть типичным бурятским языком, впитав в себя особенности многих других монгольских языков. Этот ламский жаргон, являющийся одним из типичнейших классовых языков, начал постепенно охватывать не только одних лам, но также нойонство и зажиточную верхушку бурят, постоянно общавшуюся с ламством и имевшую среди них многочисленную родню.

Чем же характеризуется ламский жаргон?

Главной особенностью его является специфический словарный запас его. Имеются в виду не тибетские слова, не буддийские философские или религиозные термины, но специфический ассортимент монгольских слов и выражений. Языку ламства свойственна замена обычных слов и выраже-

ний более высокопарными, торжественными словами и описательными выражениями. Так например, вместо *nere* «имя» употребляется слово *aldar*; вместо *gar* «рука» — *motor*; вместо *nahaŋ* «возраст» — *sȳder*; вместо *idexe* «есть» — *zōgloko*; вместо *moriŋ* «лошадь» — *xөlgөŋ*; вместо *untaxa* «спать» — *zargaxa* или *noirsoxo* и т. д.

Некоторые из этих слов являются книжными заимствованиями и употребляются обычно в применении к будде (например, *motor*, что обозначает особое положение руки у будды < санскрит. *mudrā*).

Все эти слова принадлежат к разряду так называемых вежливых выражений, употребляемых в отношении высших особ, лиц, стоящих выше говорящего, и характерны, между прочим, для языка чиновничье-феодальных кругов дореволюционной Монголии.

Другой особенностью ламского языка является его специфическая фонетика. Характерным является, между прочим, довольно последовательная замена бурятского *h* звуком *s* как в халхаском языке и в письменном. Эту особенность можно было наблюдать даже у лам прежнего Аларского дацана. Любопытно при этом отметить, что эти фонетические особенности выплывали только в речи с людьми, в социальном отношении стоявшими на одной ступени с ламами или более высокопоставленными; при сношениях же с обыкновенными крестьянами, ламы пользовались обычным местным бурятским языком, лишь изредка сбиваясь на свой жаргон.

Язык ламства тоже принадлежит к явлениям, уходящим от нас в область прошлого. Не только распространяться, но и держаться на завоеванных позициях он уже не может, так как дело просвещения изъято из рук ламства. Большую роль играет также то обстоятельство, что в дацаны больше не отдают детей, в то время как раньше отдача в дацаны 7—8 летних мальчиков была обычным явлением. При таких условиях, язык ламства оказывал гораздо более сильное влияние на еще не сформировавшийся окончательно язык детей бурят и монголов.

Итак, ламский жаргон является типичным классовым говором. Он был распространен среди лам независимо от местных говоров и им пользовались лишь в своей среде, да в сношениях с людьми, достаточно высоко стоявшими в социальном отношении. Язык этот, однако, уже исчезает по мере того, как редеют ряды ламства, лишившегося своих экономических и политических привилегий.

Социалистическое строительство в Бурят-Монгольской АССР, индустриализация ее, коллективизация сельского хозяйства и проведение земельной реформы, выразившееся в отдаче лучших земель трудящимся и

в обоседлении значительного количества кочевых скотоводческих хозяйств, являются крупнейшими факторами в истории бурятского языка, ибо в результате всех мероприятий последнего времени в языке трудящейся массы намечаются уже довольно резкие изменения по сравнению с недавним прошлым.

В целом ряде аймаков Бурят-Монгольской АССР коллективизация сельского хозяйства летом 1931 г. была проведена уже на 60—65%. Наряду с артелями различной мощности там наблюдаются также весьма мощные коммуны, в значительной мере машинизированные: тракторы, грузовики, механические молотилки и т. д. давно перестали там быть редкостью. Некоторые коммуны имеют свои маслобойные и сыроваренные заводы.

Пропорционально материальному благосостоянию колхозов и коммун поднимается и культурный уровень их. Достаточно указать, что дети членов артелей и коммунаров охвачены в значительной части школой, а взрослые ликпунктами. Имеются читальни и клубы, оборудованные очень хорошо. Имеются радиоустановки и даже свои кино. В качестве примера можно указать здесь коммуну Ulaan Odon (Красная звезда) в Селенгинском аймаке, имеющую свой киноаппарат и прекрасную радиоустановку. В колхозах и коммунах издаются свои газеты: таковы, например, газеты Kamtiin azal Агинского аймака и Ulaan Selenge Селенгинского аймака. О стенгазетах и деятельности селькоров можно здесь даже не упоминать. Колхозники имеют возможность читать газеты и различные книги на боевые вопросы дня и постоянно слышать по радио речи и различную информацию. Все это безусловно влияет на язык колхозной массы. К этому нужно прибавить еще следующее, что имеет не меньшее, если не большее, значение для оформления нового языка.

Раньше единоличники-кочевники и оседлые земледельцы испокон веков кочевали или жили на тех же местах, редко приходя в соприкосновение с бурятами из других районов. Теперь же можно встретить, и притом не изредка, а как правило, в числе членов одной и той же коммуны бурят родом не только из различных местностей данного аймака, но даже различных аймаков. Так, например, в числе членов упомянутой коммуны «Красная звезда» (в Селенгинском аймаке) находятся целые семьи родом из самых различных мест Селенгинского аймака и даже несколько аларцев. В числе членов коммуны им. Сталина, в том же аймаке, имеются аларцы, хоринцы, селенгинцы и т. д. Это приводит к тому, что в коммунах и колхозах уже образуется новый язык на основе всех говоров и наречий, на которых говорили отдельные коммунары до поступления в данную коммуну. Характер-

ные особенности говоров постепенно сглаживаются и образуется особый язык, стоящий над этими говорами. Можно смело утверждать, что коммуны и колхозы сильно способствуют образованию нового бурятского языка и притом единого обще-бурятского, ибо, как теперь уже можно утверждать, процесс этот приведет в конечном итоге именно к образованию единого обще-бурятского языка трудящихся масс, правда, не сам собою, но будучи регулируем языковым воздействием бурятского пролетариата, пока еще немногочисленного. Этот новый колхозный, как мы его называем, язык характеризуется прежде всего своим специфическим словарем. Язык этот уже довольно богат различными политическими, экономическими и т. д. терминами. При этом ему не только не чужды, но для него как раз характерны многочисленные интернациональные термины. Живой колхозный язык явно пошел по другому пути, чем тот, который предначертали современному бурятскому языку составители упоминавшегося терминологического словаря, тщательно вылущивавшие из него все интернациональные слова. Другой особенностью словаря колхозников является наличие в нем довольно значительного количества русских по происхождению слов, особенно таких, которые были созданы революцией, индустриализацией и коллективизацией в процессе ожесточенной классовой борьбы, словом, терминов и слов этого дня. И это тоже вопреки всем стараниям составителей терминологических словарей, ревниво оберегавших бурятский язык от проникновения русских терминов, что диктовалось стремлением сохранить в чистоте национальный язык. При этом забывалось лишь то, что в понятие «национальный» в наших условиях вкладывается иное содержание, чем в условиях капиталистических.

Язык колхозников и коммунаров естественно начинает в различных местностях сравниваться и в смысле запаса чисто бурятских слов. Нужно сказать, что в восточных аймаках очень излюбленными стали западно-бурятские песни. В обычай вошел и так называемый западно-бурятский йохор. Вместе с мелодиями заимствуется и текст, а из него слова и выражения проникают и в обыденный язык. То же самое можно сказать о проникновении элементов восточного наречия в западное наречие. Такие слова и выражения проникают, конечно, не только через фольклор, но и путем каждодневного общения.

С внешней стороны язык колхозников и коммунаров начинает изменяться, главным образом в отношении фонетики: резко бросающиеся особенности отдельных говоров начинают сглаживаться и получается уже более однообразный язык. Но этот процесс едва лишь намечается.

Таков, следовательно, язык колхозной массы. Он имеет все шансы стать обще-бурятским, общенациональным языком, и случится это, вероятно, уже довольно скоро.

К этому необходимо прибавить еще интенсивную индустриализацию Бурятии, что приводит к образованию мощного национального промышленного пролетариата, роль которого в деле оформления нового языка громадна. Этот язык нарождающегося бурятского пролетариата и будет ведущим в деле оформления нового языка, ибо колхозный язык, конечно, сам по себе еще не разрешает задачи образования единого национального языка.

ГЛАВА X

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В предыдущих главах была дана сводка наших сведений о бурятском языке. Как видно, в этой области достигнуто уже очень много, но велики также задачи, ждущие своего разрешения.

Первой задачей, стоящей перед изучением бурятского языка является исследование тех говоров, которые остались неизученными. Таковы говоры Тунки, говор Кударинский, говоры пограничной полосы и примыкающие к территории халхаского языка.

Эти исследования должны распространиться на внешнюю сторону этих говоров — фонетические и морфологические особенности, на их синтаксические особенности и на их семантико-словарные отношения, что относится к области их внутреннего содержания. Исследования эти должны проводиться обычным экспедиционным методом, и в результате их должны явиться очерки особенностей этих говоров.

Вторая задача, стоящая перед нами, это дообследование уже изученных говоров. Тут необходимо со всей решительностью заявить, что все до сих пор сделанные наблюдения над отдельными говорами носят исключительно формальный характер, поскольку главное внимание обращалось лишь на фонетические особенности их и их морфологию. Совершенно в стороне оставались семантика и словарный запас этих говоров. В связи с этим нужно заметить, что исследование неизученных говоров, составляющее первую нашу задачу, должно быть построено на этих же основаниях.

Необходимо поставить на подобающее ему место изучение языка колхозников, изучение классового говора нарождающегося национальной-

ного пролетариата, а также и других классовых говоров, например ламского.

Третья задача — это скорейшее опубликование готовых к печати работ и собранных материалов, а также подготовка к печати необработанных залежей, достигающих громадных размеров, примерно, печатных листов около 100—150.

Четвертой, и едва ли не самой главной, задачей является изучение того нового языка, который может рассматриваться как зародыш общебурятского языка, создающегося теперь в районах сплошной коллективизации и наибольшего количества мощных сельскохозяйственных коммун и промышленных центров, где будут сосредоточены значительные группы бурятских рабочих. Чрезвычайно важной и ответственной проблемой является изучение самого процесса становления этого языка и выявление основных факторов его, что уже выходит за пределы узкой и специальной области бурятского языкознания, представляя собою огромный теоретический интерес для нового учения о языке вообще.

В качестве пятой задачи необходимо выдвинуть изучение нового литературного языка, проследить процесс его оформления с особенным учетом его синтаксических и стилистических особенностей.

Что должно явиться результатом всего этого?

Прежде всего монографии по отдельным говорам, составленные уже на новых началах с учетом, в первую очередь, самого существенного, что есть в языке, т. е. их содержания, их словарно-семантических отношений, не возводя в степень какого-то фетиша фонетику и морфологию. Они, т. е. фонетика и морфология, конечно, должны изучаться, и изучаться притом основательно, даже лучше и детальнее, чем раньше, но они не должны отвлекать все внимание и все силы.

Второе, что должно явиться одним из ближайших результатов исследований, это издание большой научной грамматики бурятского разговорного языка с учетом всех особенностей отдельных наречий и говоров. Необходимо выявить то общее, что есть во всех говорах, установить закономерности всего бурятского языка, выявить единство входящих в его состав говоров и отметить различия, расхождения и установить частные закономерности отдельных говоров, выявляя отношение этого общего к единичному. Эта грамматика сплою вещей должна быть, конечно, сравнительной, но иного типа, чем обычные формальные сравнительные грамматики. Ее основа — методология марксизма-ленинизма.

Третье, что мы ждем от этих исследований, это полный словарь всего бурятского языка с учетом данных всех говоров. Словарь этот должен содержать все, какие удастся выявить, слова обыденной речи, слова поэтического, эпического языка, слова культового языка шаманских призываний и т. д. Он должен быть полным научным словарем, в котором под каждым словом должны быть даны указания на то, из какого говора и какого текста они взяты, с цитатами и примерами употребления.

Четвертое, что должно нам дать детальное исследование бурятского языка, это диалектологическая карта этнографической Бурятии с точными границами говоров и распространения отдельных особенностей в области фонетической, морфологической, словарной и семантической и научно-популярные очерки по языкознанию для педагогов и учащихся.

В пятых, но, вместе с тем, в первую очередь, нам нужна полная научная и практическая грамматика нового литературного языка, в которой должна быть подробно обрисована история его образования и выявлены все ошибки прошлого, допущенные при создании теоретических основ практического проведения в жизнь латинизации.

Нечего говорить, что эти грамматики не должны иметь ничего общего со схематическими грамматиками прежнего типа.

Шестое, и такое же необходимое, — это полный словарь нового литературного языка и особенно словари терминологические, в которых не должны найти места такие «внеклассовые» термины, о которых речь шла в предыдущей главе. Наоборот, эти словари должны быть на данном этапе сугубо классовыми в этой части, поскольку в них должны найти свое отражение термины, наилучшим образом способные передать то содержание, которое вливает в язык эпоха строющегося социализма.

Возникает теперь вопрос — как это все осуществить?

По прежнему должно продолжаться экспедиционное исследование языка. Но одни экспедиционные исследования, носящие обычно лишь кратковременный характер, не могут дать всего, что нам нужно. Необходимо развернуть и углубить научно-исследовательскую работу в самой Бурят-Монголии, сдвинуть с мертвой точки те отделы Института культуры его, которые пока сделали еще очень немного для изучения живой речи бурятских масс. Необходимо создать научно-исследовательские ячейки в аймаках, организовать тамошние культурные силы, в первую очередь учительство и учащуюся молодежь и привлечь к этому делу широкую бурят-монгольскую общественность. Необходимо составить инструкцию по изучению языка и разослать ее по аймакам, по школам и культурно-просветительным органи-

зациям. Вместе с такой инструкцией необходимо распространить также специальную лингвистическую анкету, которая должна быть составлена так, чтобы каждый мог дать ответ на содержащиеся в ней вопросы.

Успех дела будет обеспечен лишь тогда, когда в нем примет участие широкая общественность, ибо небольшим кадрам научных работников и сравнительно скромным кадрам молодых начинающих работников-аспирантов всего этого дела не поднять.

ГЛАВА XI

ВОПРОСЫ ТРАНСКРИПЦИИ

Сколько исследователей, столько транскрипций. Пестрота систем транскрипций столь велика, что уже теперь необходимы специальные пособия к пользованию работами, посвященными изучению бурятского языка. Не предлагая пока транскрипции, которая могла бы претендовать на общеобязательность, настоящий очерк представляет собою лишь сводку разных систем транскрипции.

На транскрипции миссионеров можно не останавливаться. Она настолько неточна, что едва ли кого может затруднить чтение слов или отрывков, передаваемых в этой транскрипции, являющейся обычным русским алфавитом с добавлением буквы х́ или гх, передающей бурятский звук h.

В работах по бурятскому языку применяется русская академическая и латинская транскрипции. Остановимся сперва на русской.

Самым неточным вариантом ее и бедным, в отношении сложных знаков, является транскрипция Жамцарано. Она обнимает собою следующие знаки:

Знаки Жамцарановской транскрипции.	Соответствия нового латинского алфавита	Знаки Жамцарановской транскрипции	Соответствия нового латинского алфавита
а	a	м	m
б	b	н	n
г	g	ң	n
ҕ	g	о	o
д	d	ȯ	ɵ
є	e	р	r
е	e	с	s
ж	z	т	t
з	z	у	u
і	i	ӯ	y
j	j	х	k
л	l	ш	ṣ
l	l	h	h

Долгота гласного обозначается Жамцарано черточкой, например, ā (= аа в новом алфавите). Краткость не обозначается. Палатализация согласных обозначается знаком ', например ǹ.

Более точной транскрипцией пользуется Рудиев.

Знаки Рудневской транскрипции	Соответствия нового латинского алфавита	Знаки Рудневской транскрипции	Соответствия нового латинского алфавита
а	a	м	m
а̀	a	н	n
ā	ai	ң	n
б	b	о	o
w	b	ó	o
г	g	ö	oi
ҕ	g	п	p
д	d	р	r
е	e	с	s
ē	ee	т	t
ж	ж	у	u
з	z	ý	y
і	i	ȳ	ui, yi
j	j	х	k
к	—	ш	ş
л	l	h	h

Долгота гласного передается Рудневым черточкой, например ā, краткость знаком ˘, например ă. Палатализация обозначается знаком ', например ǹ.

Дальнейшей переработкой этой транскрипции является транскрипция автора настоящей книги, представляющая собою пока наиболее точную и сложную транскрипцию на основе русского алфавита.

Знаки транскрипции Поппе	Объяснения	Соответствия нового латинского алфавита	Знаки транскрипции Поппе	Объяснения	Соответствия нового латинского алфавита
a	—	a	k‘	велярно-заднеязычный сильный смычный аспирован.	—
ȧ	более передний a	a	к‘	то же более передний	—
ā	передний открытый гласный	ai	k	велярно-заднеязычный слабый глухой смычный	g в конце слова
б	—	b	к	то же более передн.	g в конце слова
w	проточный губо-губной	b, v	л	задний л	l
г	—	g	l	более передний л	l
г‘	велярный заднеязычный смычн.	g	м	—	m
Б	такой же проточный	g	н	—	n
д	—	d	ŋ	заднеязычный n	n в конце слова
e	задний e	e	o	—	o
ė	более передний e	e	ȯ	более передний o	o
ē	долгий e	ee	ō	полуоткрытый долгий передний	oi
ɛ̄	гласный средний между ē и ā	ai	ȫ	—	o
ë	полуузкий передний гласный, средний между e и i	i	ō̈	—	oo
ж	—	z	п	—	p
з	—	z	р	—	r
i	—	i	c	—	s
ı	более задний i	i	т	—	t
j	—	j	у	—	u

Знаки транскрипции Поппе	Объяснения	Соответствия нового латинского алфавита	Знаки транскрипции Поппе	Объяснения	Соответствия нового латинского алфавита
ẏ	—	y	^{c}	сильный переднеязычн. аффрикат	ç
ÿ	еще более передний, чем ẏ	y	ш	—	ş
x	—	k	h	—	h
^{k}x	глухой велярно-заднеязычный аффрикат	k	h	звонкий h	h
^{g}x	то же более передн.	k			

Долгота передается черточкой, например ā; краткость знаком ˘, например ă; палатализация знаком ', например ń. Знаком ˛ обозначается глухота слабых, например д̨. Маленьким знаком над строкой, например ^{a}, передаются беглые гласные, так называемые glide'ы.

Переходя теперь к латинской транскрипции, начнем с транскрипции Кастрена.

Знаки транскрипции Кастрена	Объяснения	Знаки транскрипции Кастрена	Объяснения
a	= a нового алфавита	g	звонкий заднеязычный комбинаторно-велярный
ä	передний открытый гласный	ŋ	заднеязычный n
e	= e нового алфавита	j	= j нового алфавита
o	= o » »	l	= l нового алфавита
u	= u » »	ĺ	палатализованный l
ų	= y » »	r	= r нового алфавита
k	заднеязычный смычный, комбинаторно-велярный	ś	= ş нового алфавита
x	такой же спирант	ź	= z » »
h	гортанный спирант		

Знаки транскрипции Кастрена	Объяснения	Знаки транскрипции Кастрена	Объяснения
ċ	= ç нового алфавита	z	= z нового алфав. (спирант)
ʒ́	переднеязычный шипящий аффрикат	c	= c » » (аффрикат)
n	= n нового алфавита	ʒ	= z » » (аффрикат)
ṅ	палатализованный n	p	= p » »
t	= t нового алфавита	b	= b » »
d	= d нового алфавита	m	= m » »
s	= s нового алфавита		

Краткости гласного Кастрен не обозначает. Знаком долготы является ^, знаком палатализации согласного ˜.

Переходим теперь к латинской транскрипции Рамстедта.

Знаки транскрипции Рамстедта	Объяснения	Соответствия нового латинского алфавита
a	нормальный a	a
ȧ	более передний a	
ä	открытый передний гласный	ai
o	широкий o	o
ȯ	более передний o	
ö	задний гласный переднего ряда открытый	oo
ӧ	передний средний гласный	o
ȫ	передний гласный переднего ряда, долгий, средний	oi

Знаки транскрипции Рамстедта	Объяснения	Соответствия нового латинского алфавита
e̯	задний e	e
ė	более передний и узкий e	e
ē	долгий передний e	ee
i	нормальный i	i
ī	долгий i	ii
ш	передний u	y
ш̯	более задний *ш*	
u	передний гласный заднего ряда узкий лабиализованный	u
u̯	тоже более задний	
pʿ	сильный аспирированный губной смычный	p
p	глухой слабый смычный	b
b	то же звонкий	
tʿ	сильный аспирированный переднеязычный смычный	t
t	глухой слабый смычный	d
d	тоже звонкий слабый	
kʿ	аспирированный заднеязычный сильный смычный	—
k	глухой слабый смычный	g
g	то же звонкий	
tʿš	переднеязычный сильный аспирированный шипящий аффрикат	ç
ts	тоже не шипящий	c
dž	переднеязычный слабый шипящий аффрикат	z
dz	то же не шипящий	z
š	переднеязычный шипящий спирант	ş

Знаки транскрипции Рамстедта	Объяснения	Соответствия нового латинского алфавита
s	переднеязычный свистящий спирант	s
ž	звонкий переднеязычный шипящий спирант	ƶ
z	то же свистящий	z
j	среднеязычный звонкий спирант	j
χ	глухой заднеязычный спирант	k
γ	велярный звонкий спирант	g
h	глухой гортанный спирант	h
l	обычный l	l
r	» r	r
m	» m	m
n	» n	n
ŋ	заднеязычный n	n

Скользящие гласные передаются знаками $^{a\ o\ u}$ и т. д. над строкой.

Неясно артикулируемые гласные непервых слогов передаются знаками *ʋ ə ɿ*.

Неслогообразующие гласные передаются знаками *i̯ ė̯ u̯* .

Значок ˜ над знаком гласного означает, что гласный этот назализован, например *ʋ̯ ɿ̯ ə̯*.

Долгота передается знаком ¯ над гласным, например ā.

Значок ˛ под гласным или согласным обозначает веляризацию, т. е. более заднее произношение.

Значок ˏ под согласным означает более переднее произношение.

Глухие *b d g r l* передаются знаками *B D G R L*.

Знаком слогообразующего характера согласного является ̥ например l̥.

Знаком аспирации является ʿ, например ʿ*t* (аспирированная рекурсия), ʿ*t*ʿ (аспирированная рекурсия и инкурсия), *t*ʿ (аспирированная инкурсия).

Знаком палатализации является ʹ, например *ń*.

От транскрипции Рамстедта несколько отличается транскрипция Поппе.

Прежде всего знаком краткости гласного является ˘, например *ă*, *ŏ*, *ĕ* и т. д.

Знаком назализации гласного является ˛, например *ą ǫ* и т. д.

Аффрикаты *ts*, *tš*, *dz*, *dž* передаются знаками *c*, *č*, *ʒ*, *ǯ*.

В остальном обе системы транскрипции совпадают.

В настоящей книге употребляется транскрипция на основе нового алфавита, которой мы и будем придерживаться впредь.

Гласные: *a*, *o*, *u*, *e*, *ɵ*, *y*, *i*.

Долгота обозначается черточкой, напр. *ā*.

Дифтонги передаются через *ai*, *oi* и т. д., хотя они и реализуются обычно как *ā̆*, *ō̆* и т. п.

Согласные передаются знаками нового алфавита за исключением: *x* вместо k, так как *k* служит для передачи смычного k; дифференцированы *ʒ* и *z* (*дз* и *з*), *ǯ* и *ʒ* (*дж* и *ж*); заднеязычный *n* передается знаком *ŋ*. Знаком палатализации служит ′, например *ń ḿ ĺ* и т. д.